

О. Э. МАНДЕЛЬШТАМ
В ПИСЬМАХ С. Б. РУДАКОВА К ЖЕНЕ
(1935 — 1936)

Вступительная статья Е. А. Тоддеса и А. Г. Меца¹
Публикация и подготовка текста Л. Н. Ивановой и А. Г. Меца
Комментарии А. Г. Меца, Е. А. Тоддеса, О. А. Лекманова

1

Письма С. Б. Рудакова к жене — важнейший источник сведений об О.Э.Мандельштаме периода его воронежской ссылки. Больше того, благодаря их сохранности ни один период жизни поэта не освещен настолько детально. Их высокая ценность стала очевидной уже сразу после того, как Э. Г. Герштейн использовала значительную по объему и наиболее содержательную часть их в качестве канвы одного из разделов своей книги «Новое о Мандельштаме» (Париж, 1986).² Эта книга по праву вошла в число наиболее ценных исследователями источников мемуарного жанра, однако цитаты из писем Рудакова в силу причин, не зависевших от автора книги, не были заново сверены с подлинниками, и в них оказалось немалое число неточностей, подчас существенных в смысловом отношении. Кроме того, выдержки из писем распределены в книге соответственно тематическому профилю глав (подчас и цитаты из одного и того же письма находятся в разных главах), что существенно затрудняет сопоставительный анализ писем в их хронологической последовательности. Последующие публикации расширили и объем извлеченных из писем сведений.³ Наша работа также содержит ряд писем, публикуемых впервые (среди них — все письма с упоминаниями о знакомстве и последующих встречах с Н. Е. Штемпель), равно как и существенно расширяет объем выдержек из уже печатавшихся. С. Б. Рудаков со времени своего приезда в Воронеж являлся одним из близких знакомых Мандельштама; его личность и судьба его архива отразились и вызвали широкую полемику в мемуарах Н. Я. Мандельштам, А. А. Ахматовой, Э. Г. Герштейн, Н. Е. Штемпель. Эти обстоятельства обязывают основательнее документировать и биографию Рудакова; этой цели также служат материалы, помещенные в других публикациях, — стихи Рудакова и его эссе «Город Калинин».⁴

* * *

Сергей Борисович Рудаков родился 8 (21) октября 1909 г. в Виннице, в семье офицера; он был правнуком адмирала Александра Ивановича Бутакова. В семье, помимо Сергея, было еще десять детей. Судьба их сложилась трагически:

один из братьев покончил с собой в 1913 г. из-за невозможности жениться на любимой женщине,⁵ двое погибли на фронтах Первой мировой войны, четвертый, Игорь, был расстрелян вместе с отцом по приговору одной из следственных комиссий, занимавшихся расследованием деятельности офицеров царской армии (они перешли в Красную Армию одновременно с Брусиловым), в 1921 или 1922 г. в Новониколаевске.⁶ Вскоре после этого мать, Любовь Сергеевна (урожд. Максимова; умерла в 1932) привезла детей в Петроград, где жила ее родная сестра.⁷ Сестры Людмила (1903—1942) и Алла (1906—1969) своих семей не имели и жили вместе с матерью и Сергеем; Любовь, самая старшая из них (в замужестве Щербиновская), жила в Москве (умерла в 1964); Кира (в замужестве Мамзина) жила в Новгороде (умерла в эвакуации во время Второй мировой войны).⁸

О Татьяне, которая жила в Сальских степях, других сведений не получено. Ирина стала женой Алексея Вагинова, старшего брата поэта К. Вагинова.⁹ Они поженились не позднее 1926 г., и между семьями установились родственные связи, которые открыли Сергею еще в школьные годы доступ в среду поэтов и литераторов.¹⁰

Таким или иными путями возникло его внимание к творчеству К. Вагинова и ориентация на Вагинова-поэта в собственных стихах — об этом еще пойдет речь ниже, — но рефлексия над произведениями Вагинова в письмах Рудакова, особенно первого воронежского года, свидетельствует о некотором формообразующем значении этого воздействия.

Юношей-школьником Рудаков начал писать стихи и отважился поместить их в вышедшем в Ленинграде коллективном сборнике «Спектр» (1927, издание авторов) — вместе со стихами М. Ремезова (о нем Рудаков вспоминает в «Городе Калинин»), Е. Федулова, П. Вельтищева, С. Малкина, Р. Иванова, Н. Щербакова. В 1928 году он окончил школу¹¹ и поступил на Высшие государственные курсы искусствоведения при Институте истории искусств (ГИИИ). Засвидетельствовано (Э. Л. Линецкой) его участие в работе семинария Б. Я. Бухштаба по творчеству Б. Пастернака и О. Мандельштама в 1929 г. Он рано почувствовал вкус к научной работе и вскоре был привлечен Ю. Н. Тыняновым к работе над архивом В. К. Кюхельбекера. В 1930 г. институт был закрыт, и Рудаков — дворянин по социальному происхождению, — не получив возможности поступить в другое высшее учебное заведение, стал работать чертежником. В 1932 г. он вошел в творческую группу ШПРОТ.¹² 20 ноября 1930 г. Рудаков женился на сокурснице по Институту истории искусств, Марии Самойловне Хейфец (1908—1974) и вскоре житейскими обстоятельствами был вынужден уехать в Керчь, к родителям жены. Здесь в 1931 г. у него родилась дочь Мария. Через некоторое время (не позднее 1932 г.) Рудаков с женой и дочерью вернулся в Ленинград. Ранее этих лет он профессионально освоил специальность чертежника или проектировщика (вероятно, обучившись на каких-либо курсах), и эта работа, как выясняется из воронежских писем, давала ему средства к существованию. В 1934 г. Рудаков сошелся с подругой своей жены, Линой (Полиной) Самойловной Финкельштейн (1906—1977) и вскоре женился на ней, оставив первую семью.

Лина Финкельштейн была уроженкой Киева и в молодости училась музыке. В середине 1920-х годов она переехала в Ленинград и ко времени брака с Рудаковым уже окончила, по сообщению М. С. Рудаковой, одно из гуманитарных отделений университета и работала в Институте профессиональных заболеваний, в лаборатории психотехники, где готовила диссертацию (о чем упоминает и Э. Герштейн на с. 121 своей книги). 12 января 1936 г. Рудаков писал ей: «На почте — от тебя письмо. (...) Кот, ты моя научная умница и уверен в твоём кандидатстве. Это все хорошо, а главное — обстановка в институте. Котя, с отъездом из больницы не ответил тебе о т(етради) № 2. Конечно, ты чудно об этом пишешь — особенно об отношении разном к фиксированию, и к записям, — и к тому, что будет в будущей работе аналитического. Именно так». Она

была специалистом по методике научных исследований, и это обстоятельство, в сочетании с ее активным интересом к теории литературы, дает основания видеть в ней человека, действительно способного помочь Рудакову в оформлении его научных изысканий и имевшего, с этой точки зрения, в глазах мужа некоторый авторитет. Этот момент должен учитываться при чтении тех мест писем, в которых Рудаков сообщает детали своей концепции и просит советов, а кое-где и оправдывается в ответ на упреки в недостаточной подробности своих сообщений. Ранее или одновременно с занятиями в университете Л.С.Финкельштейн продолжала свои занятия музыкой у М.В.Юдиной и, в свою очередь, давала уроки детям Б.В.Казанского и Тынянова, отчего и была вхожа в дом последнего.

После убийства С.М.Кирова Рудаков из-за своего дворянского происхождения был выслан из Ленинграда и с марта 1935 по июль 1936 г. жил в Воронеже (этому периоду его жизни будут посвящены специальные части нашей статьи). Из Воронежа вернулся в Ленинград и в 1938 г. поступил в Ленинградский гос. педагогический институт им. А.И.Герцена, который окончил (заочно) в 1941 г.¹³ Принимал участие в работе Пушкинской комиссии Академии наук. 26 апреля 1940 г. Рудаков прочел доклад «Новые редакции стихов Катенина (по авторскому экземпляру сочинений Катенина 1832 г.)». Доклад был принят в очередной (VII) том «Временника Пушкинской комиссии»,¹⁴ издание которого не состоялось из-за войны. 12 июня 1941 г. на заседании Пушкинской комиссии он выступил с докладом «Ритм и стиль “Медного всадника”»,¹⁵ который лег в основу его диссертационной работы.

В начале Великой Отечественной войны С.Б.Рудаков ушел на фронт. Воювал в частях морской пехоты на Ленинградском фронте. В ноябре 1941 г. получил тяжелое ранение в боях под Невской Дубровкой; после лечения вывезен на «большую землю» и с лета 1942 г. служил на нестроевой в Москве во Всеобуче.¹⁶ В 1943 г. он попадает под суд за попытку помочь знакомому получить отсрочку от призыва,¹⁷ и в результате попадает на фронт снова (ноябрь 1943 г.). Пал в бою 15 января 1944 г. Похоронен в деревне Устье Чаусского района Могилевской области. Анна Ахматова обратила к нему стихотворение «Памяти друга» (1945).

* * *

Мандельштамы прибыли в Воронеж из Чердыни в конце июня 1934 г.,¹⁸ и до приезда Рудакова они жили в городе уже девять месяцев. Это время было занято главным образом адаптацией к воронежской жизни и быту. К приезду Рудакова Мандельштамы уже по меньшей мере один раз переехали от одного квартирному хозяину к другому.¹⁹ Благодаря хлопотам московских друзей появилась возможность зарабатывать: Н.Я.Мандельштам заключила с ГИХЛом договор на перевод книги В.Маргерита «Вавилон»,²⁰ О.Э.Мандельштам — с «Советским писателем» на книгу «Старый и новый Воронеж»²¹ и с ГИХЛом — на перевод произведений Мопассана. Поэту была также предоставлена возможность вести «платную литературную консультацию» при журнале «Подъем» и писать рецензии на отечественные издания.²² В феврале 1935 г. в редакции газеты «Коммуна» Мандельштам прочитал, для закрытой аудитории, доклад об акмеизме.²³ В марте 1935 г. редактор «Коммуны» и председатель воронежского отделения Союза советских писателей (ССП) Александр Владимирович Швер, симпатизировавший Мандельштаму,²⁴ уехал вместе с переведенным в Сталинград «с повышением» первым секретарем воронежского обкома ВКП(б) И.М.Варейкисом, и его сменили: на должности редактора «Коммуны» — С.Елозо, на должности председателя ССП — С.Стойчев. На отношении к Мандельштаму писательских организаций эти кадровые перемещения, по-видимому, не сказались, и инерция терпимости с их стороны сохранялась вплоть до осени 1936 г. Материальное положение сыльного поэта в это время было хорошим.²⁵ В 1935 г. Мандельштам выполнял следующие заказные работы: писал уже названные рецензии для

«Подъема», переведил «Иветту» Мопассана, сочинял радиокomпозиции для воронежского Радиокomитета. По материалам поездки в колхозы и совхоз Воробьевского района 22—31 июля 1935 г. он написал для «Коммуны» статью, газетой не принятую. 7 октября 1935 г. Мандельштам получил должность литературного консультанта в воронежском Большом Советском театре и почти год (до 1 августа 1936 г.) работал преимущественно для театра. В то время, когда Рудаков жил в Воронеже, поэт приезжали навестить: Анна Ахматова (5 февраля 1936 г.), Э.Г. Герштейн (1 мая 1936 г.), братья Александр (12 мая 1936 г.) и Евгений (17 июня 1936 г.); он дважды переезжал с квартиры на квартиру: 21 апреля 1935 г. — со 2-й Линейной улицы на проспект Революции (дом не сохранился), отсюда 14 марта 1936 г. — на улицу Энгельса, д. 13, кв. 4 (нумерация современная). Почти все приведенные даты и многие из предпринятых поэтом работ документируются лишь письмами Рудакова. Также по ним уточняется время поездок Н.Я. Мандельштам в Москву: март (?) — 22 апреля 1935 г., 8 мая — 14 июня 1935 г., 17 декабря 1935 г. — 15 января 1936 г. Письма Рудакова являются единственным источником, указывающим на поездку Мандельштамов на летний отдых (место неизвестно) в августе—сентябре 1935 г. 20 декабря 1935 г. поэт уехал в санаторий в Тамбов (вернулся 5 января 1936 г.). 20 июня 1936 г. Мандельштамы уехали на лето в Задонск, и Рудаков ездил к ним прощаться перед своим отъездом из Воронежа.

* * *

В те годы прямых поездок из Ленинграда в Воронеж не было, и Рудаков ехал через Москву, где встречался с отцом Л.С. Финкельштейн, который в последующее время, как можно судить по письмам, главным двигателем хлопот по освобождению из ссылки, а также с И.Э. Бабелем, давним знакомым семьи Финкельштейн по Киеву, обладавшим большими связями и пользовавшимся ими в этом направлении. 28 марта 1935 г. Рудаков писал жене из Москвы: «С папой проговорили с 11 до 2-х. Дела очень хороши. (...) Созванивались с Исей, но он будет только вечером, и мы должны увидеться. (...) Вечер проведу на Давом — ночь у Щербиновских» (семья сестры Рудакова. — А.М.). На следующий день встреча с Бабелем состоялась, и Рудаков сообщал: «Итог — мой с ним разговор, подтверждающий все старое в смысле утверждения уверенности». Перед поездкой друзья и родные Рудакова снабдили его воронежскими адресами, и уже на следующий день после прибытия Рудаков сообщил: «Зашел к соученице М. Шмидт (...). Основные надежды у меня почему-то на Балаховскую» (письмо от 31 марта 1935 г.). Эти и другие, изредка упоминающиеся в письмах воронежские знакомые Рудакова ближе неизвестны. Так же редки и скупы сведения о местах работ Рудакова в Воронеже; он делал чертежи, рисовал плакаты — труд, хорошо освоенный еще в доворонежское время. Постоянной была денежная помощь от жены. Вскоре после приезда, 6 апреля, он поселился в комнате по адресу: переулок Достоевского, 24, и здесь прожил вплоть до своего освобождения из ссылки. Содержанием его жизни в Воронеже и основной темой его писем жене стала «работа над Мандельштамом».

Поэзию Мандельштама Рудаков любил давно и хорошо знал. Он нашел — вероятно, с помощью Тынянова — возможность и лично познакомиться с поэтом в 1933 г. в Ленинграде (см. письмо от 4 апр. 1935 г.). О пребывании в Воронеже Мандельштама Рудаков узнал от своего ленинградского знакомого Г.М. Леокумовича (письмо от 2 апр. 1935 г.),²⁶ заранее и было принято решение посвятить Мандельштаму большую часть своего воронежского времени. Рудаков разыскал поэта уже на третий день после приезда. Первые месяцы он проводил с Мандельштамом почти все дни. Его работа строилась достаточно профессионально — сказался опыт работы над архивом Кюхельбекера. В отдельные тетради записывались стихотворения с комментариями автора к ним, со слов

Н.Я.Мандельштам — биография поэта, копировались попадавшие к нему личные документы, черновики рецензий и другие материалы. Оценка проведенной им работы сказалась в частности тем, что ему для дальнейших штудий был привезен из Москвы архив Мандельштама (15 января 1936 г.). Вскоре после появления Рудакова, 17 апреля 1935 г., у Мандельштама начался новый стихотворный период, и Рудаков, находившийся в полном смысле слова рядом с поэтом, тщательно копировал все этапы становления «Первой воронежской тетради»; письма Рудакова также содержат важные даты и текстологические частности. После возвращения в Ленинград Рудаков поддерживал переписку с поэтом. Сохранилось ответное письмо (октябрь (?) 1936 г.): «Дорогой Сергей Борисович. Спасибо за весточку. Я сейчас не болен, но очень тяжелое самочувствие. Не знаешь, что делать с собой. С Над(еждой) Як(овлевной) гораздо хуже: она очень слаба, резко изменилась. В городе нам жить не придется: во-первых, нечего делать, а во-вторых, нам недоступны городские комнаты. Может, в Соновку передем. Пишите о себе как можно чаще. Присылайте нам книги.

Хочу читать испанских поэтов. Достаньте, если можно: 1) словарь, 2) хрестоматию, 3) лучших авторов — лириков или эпиков, и грамматику. Нас допекают мелкие заботы: обувь для обоих нас, зим(нее) пальто для Нади. Вряд ли справимся с этой проблемой. Она же затрудняет передвижение.

Пишите теперь до востребования: где будем жить и как, мы не знаем. Только пишите. Ваш О.М.» (ед. хр. 14).²⁷

Об одном из следующих писем Рудакова Мандельштам сообщил жене в Москву 4 мая 1937 г.: «Только что пришло письмо от Рудакова. Разобрал его с колоссальным трудом. Он пишет (кажется?), что стихи неровные и что передать это можно только в разговоре. Большое новое идет от стихов о русской поэзии. Да!»²⁸ В мае 1937 г. Рудаков приехал в Москву, чтобы повидаться с поэтом, только что вернувшимся из ссылки.²⁹ Мандельштамы виделись с Рудаковым во время своей поездки в Ленинград в 1937 г.³⁰ и тогда же (или в следующую поездку, в феврале (?) 1938 г.) Рудакову была передана для хранения часть архива Мандельштама.³¹

На смерть поэта Рудаков откликнулся стихотворением «Раскрылся змеистый снежок...».³²

После гибели Рудакова обладательницей его собрания стала Л.С.Финкельштейн. Она в конце 1940-х — начале 1950-х гг. продавала листы из этого собрания коллекционерам.³³ 10 марта 1953 г. Финкельштейн была арестована в связи с «делом врачей» и пробыла до 15 апреля того же года в следственном изоляторе.³⁴ Во время приступа депрессии, вызванного арестом и 35-дневным заключением, она сожгла значительную часть архива.³⁵ Сохранившуюся часть дочь Рудакова, Мария Сергеевна, передала в Пушкинский Дом (в ее личном архиве остаются письма военных лет, стихи и некоторые книги из библиотеки отца).

История бытования писем Рудакова к жене, относящихся к воронежскому периоду, как биографического источника началась около 1959 г., когда Н.И.Харджиев, составлявший тогда том стихов Мандельштама для «Библиотеки поэта», получил к ним доступ³⁶ и часть скопировал. С этими копиями он вскоре ознакомил Н.Я.Мандельштам, Э.Г.Герштейн и А.А.Ахматову. Выписки эти, взятые вне широкого контекста, послужили основой разного рода подозрений в отношении Рудакова. Острота положения заключалась в том, что стихи Мандельштама воронежских лет еще не были напечатаны, а из выписок Рудаков представлял как бы претендентом на соавторство. Ахматова по свежим впечатлениям писала: «И вот вчера мне пришлось увидеть письма С.Б.Рудакова (<...>), в которых он заявляет, что сто стихов (строчек) Мандельштама написаны им, Рудаковым, или, вернее, сотворены из какой-то мертвой массы, что они втроем (он — Рудаков, Вагинов и Мандельштам) составляют всю русскую поэзию, что — о, ужас! — потомки будут восхищаться Мандельштамом, меж тем как им

надлежит восхищаться Рудаковым, что он объяснял Мандельштаму, как писать стихи. Все это, конечно, похоже на бред мании величия, но если эти письма попадут в руки недоброжелателей, я могу себе представить, какие узоры будут расшиты по этой канве.³⁷ Тот же фактический субстрат лег в основу соответствующих мест книг Н.Я.Мандельштам.³⁸ Э.Г.Герштейн в книге «Новое о Мандельштаме» (1986), на основе нового обращения к письмам Рудакова, внесла существенные коррективы в представление о Рудакове. Анализируя в ряде мест своей книги негативные черты его характера, она справедливо указывает на специфику источника (писем), его интимный характер. Рудакову, показывает она, вовсе не были чужды черты благородства и дружеской верности.³⁹

Но вопрос о чертах его «концепции», разработать и воплотить которую в литературоведческом труде было мечтой и двигателем честолюбия Рудакова всю жизнь, в книге Э.Г.Герштейн лишь намечен.

2

В публикуемых письмах есть сквозная, но не вполне эксплицированная тема, обусловленная филологической ориентацией автора (в силу его психологических свойств — ориентацией столь же твердой и уверенной, как все, что касалось выбора творческих целей и средств, оценки личных возможностей). Эта тема — Тынянов, формальная школа, ее идеи в применении к русской поэзии XX века, включая современную.

Рудаков не только занимался в ГИИИ, но был подлинным учеником формалистов. Письмо от 23 марта 1936 г. выражает любовь и пиетет к В.Б.Шкловскому, а также Р.О.Якобсону — несомненно, как автору книги «Новейшая русская поэзия», заглавие которой очерчивало круг интересов и Рудакова. Он, однако, базируется на углубленном изучении поэзии XVIII — XIX веков, явно стремясь уравнивать и соотносить в качестве исследовательских объектов современную и исторические стадии русского стихотворства. Это стремление характерно для формальной школы (причем всех ее ответвлений). Именно к единству синхронного и диахронного подходов призвали Тынянов и Якобсон в известных тезисах «Проблемы изучения литературы и языка», опубликованных в 1929 г., в пору посещения Рудаковым Института истории искусств. С упомянутым письмом переключается другое (от 25 июля 1935 г.), где говорится: «Помнишь, в 20-е годы любовь к Тынянову?»⁴⁰

Таков был круг учителей, авторитетов. Свои настоящие и будущие научные планы ссыльный филолог во многом связывал, по-видимому, именно с идеями Тынянова. Это не явствует непосредственно из многократных в письмах упоминаний последнего (среди них есть и бранные, но они вне филологических тем), но следует из всего контекста литературоведческих суждений и замечаний Рудакова, в особенности излагающих его замыслы. Показательно, что при всем восхищении Шкловским слишком близкое следование ему в суждениях коллеги вызывает неодобрение (см. письмо от 24 апреля 1935 г.). С другой стороны, присущая Рудакову уверенность в своих творческих потенциях мысленно проверяется им апелляцией к Тынянову: говоря о том, что в спорах с Мандельштамом чувствует «свою огромную силу и правоту», он тут же замечает в скобках: «Вот бы это повторилось с Тыняновым!» (письмо от 4 апреля 1935 г.). Отношение к работам мэтра эмоционально окрашивает его воронежские контакты: «Да, страшно рад: у Калецкого безграничное уважение к "Проблемам стихотворного языка" Тынянова» (13 апреля 1935 г.). У П.И.Калецкого же он получил «Архаистов и новаторов» (письмо от 20 июля 1935 г.).⁴¹ Обе основные литературоведческие книги Тынянова, конечно, давно проштудированы им, но требуются для текущих занятий, главное из которых — комментарий к Мандельштаму. Тынянов, по-видимому, знал об этой работе Рудакова (см. письмо от 16 января 1936 г.).

Однако текстологические,⁴² библиографические и т.д. комментарии Рудаков рассматривал только как фактологическую подготовку (см. в письме 12 февраля 1936 г.) концептуального историко-литературного построения (в отличие от П.Н. Лукницкого, собиравшего материалы по Гумилеву). Показательно пояснение, обращенное к самому себе в процессе фактологической работы: «Ведь от конкретности текстового материала мы забыли о общих планах и концепциях. Это воспоминание дало новые силы» (29 января 1936). В замысле Рудакова проступают контуры тыняновского подхода к литературной эволюции. Намечалось проследить «эволюцию поэзии от Надсона (от нуля) до Гумилева и Мандельштама» (15 апреля 1935 г.). Сам термин «эволюция», предпочитаемый обычному «история», употреблен не случайно, а в соответствии с тем научным источником, на котором основывается автор. В этом убеждает одна из дальнейших фраз — о признании Мандельштамом «существования системы лит(ературь)по моему образцу» (там же). Что бы ни подразумевалось под словами «по моему образцу», такое представление, как «система литературь», явно идет от статьи Тынянова «О литературной эволюции» (вошедшей в «Арханстов и новаторов»), где оно занимает центральное место. Понятно, что признание «системы» для любого писателя, находящегося внутри нее, требует определенных усилий и отказа от презумпций, кажущихся естественными и очевидными. Несомненно, Рудаков провоцировал Мандельштама на такое преодоление. Когда он говорит: «Я мыслю анализ стиха только как продукта времени; авторы, даты и проч(ее) — частности, из которых складывается вывод в целом» (в письме 23 июня 1935 г.), — то явно подразумевает синхронную литературную систему как некоторый отрезок литературной эволюции, т.е. мыслит категориями названной теоретической работы Тынянова. Теоретическое *par excellence* осмысление материала, вплоть до абстрагирования от конкретных «авторов, дат», противопоставляемое традиционным эмпирическим штудиям, было, как известно, одним из главных принципов Тынянова и формальной школы в целом. Такого рода противопоставление — в основе спора о Комаровском (13 апреля 1935 г.), которого Рудаков трактует в отвлечении от биографии поэта и наперекор «автоинтерпретации» акмеизма одним из его представителей — Мандельштамом. Суждения последнего он объясняет исходя опять-таки из тыняновской терминологии; это видно, если сравнить фразу «В новой функции всплывают акмеистические (...) традиции и навыки» (11 апреля 1935 г.) — с последними абзацами второго и третьим пунктом статьи «О литературной эволюции» или с предисловием к сборнику «Русская проза» (Л., 1926).

Что касается конкретного содержания намечавшейся («система-то недостроена» — в письме 19 мая 1935 г.) концепции, из писем в той или иной степени явствует несколько положений. Если Надсон был принят за «нуль», то первой содержательной «единицей» в схеме оказывался Коневской (см. цитированное выше письмо от 15 апреля 1935 г. и письмо от 4 апреля, где говорится о «моей концепции с Коневским и Гумилевым»); именами Коневского и Гумилева обозначены две хронологические крайние в данном построении литературные величины. Письмо от 19 мая 1935 г. подтверждает, что связь между ними мыслилась как стержневая. Исследовательская установка этих наметок — несомненно, формалистская. Понятно, что в плане той же концепции и той же установки должен был изучаться и Мандельштам.

Говоря о Сумарокове (в письме 8 апреля 1935 г.), Рудаков, естественно, упоминает Г.А. Гуковского, книга которого «Русская поэзия XVIII века» (1924) написана целиком в духе формальной школы; напомним также, что борьба Сумарокова с Ломоносовым освещена сходным образом в этой книге и в статье Тынянова «Ода как ораторский жанр». Сопоставление же литературных явлений современности и XVIII в., в частности Маяковского с Державиным, характерно для ОПОЯЗа. Тынянов писал о футуризме в «Промежутке» (статья, пол-

ностью посвященной современной поэзии): «Он в своей жестокой борьбе, в своих завоеваниях сродни XVIII веку, подает ему руку через голову XIX века»⁴³. Подобный же ход мысли у Рудакова; и хотя его интересует прежде всего Гумилев, а не футуризм (у Тынянова соотношение обратное), он варьирует сопоставление, предлощенное в «Промежутке»: «Молчаливая борьба Хлебникова и Гумилева напоминает борьбу Ломоносова и Сумарокова»⁴⁴. В другом случае (9 ноября 1935 г.), когда речь идет о «о разборе в “Арханстах и новаторах”», имеются в виду наблюдения над стихотворением «За то, что я руки твои...» в 10-м разделе «Промежутка», посвященном Мандельштаму⁴⁵.

Из этих соображений понятно, что подразумевает автор под «истинной историей литературы» (письмо от 13 апреля 1935 г.): теоретически обоснованную в духе формальной школы и главным образом Тынянова схему литературной эволюции — эволюции поэзии. Замысел должен был бы реализоваться в работе типа упомянутой книги Гуковского или статьи Тынянова «Пушкин», написанной для энциклопедического словаря Гранат (в «Архаисты и новаторы» был включен ее более полный текст) — ср. реплику Мандельштама по поводу мыслей собеседника: «Что это, карманная история литературы?» (8 апреля 1935 г.). Работа, по всей вероятности, включала бы элементы литературно-критические, и в этом плане естественный образец — «Промежуток».

Реакция поэта отнюдь не исчерпывалась иронией. На своего рода вызов, который представляли для него рассуждения Рудакова, Мандельштам намеревался ответить статьей о формализме (письма 17 и 18 апреля 1935 г.). Сообщение Рудакова об этом чрезвычайно интересно и — на воронежском фоне — достаточно неожиданно. Не столь неожиданным предстает намерение поэта в более глубокой биографической перспективе и в связи с его статьями начала 20-х годов, а также «Разговором о Данте»⁴⁶. Можно специально указать на самоуничтожительную фразу о «готовых вещах» (31 мая 1935 г.): она перекликается с «Разговором», но само это обозначение для текстов, порожденных литературной инерцией и потому оцениваемых негативно, — чисто опоязовское и, в частности, неоднократно применено в «Промежутке»⁴⁷. В ряде случаев, когда обнаруживаются соответствия между эстетическими и критическими высказываниями Мандельштама — и положениями формалистов, можно говорить о воздействии последних (бесспорно, усиленном личным общением поэта со Шкловским в Доме искусств зимой 1920—1921 гг.), в других — напротив, о предвосхищении поэтом идеи современной ему филологии. Необходимо помнить о тесной связи филологии начала века с литературной, прежде всего стихотворной, практикой и кружковым бытом различных литературных групп, а с другой стороны — о филологизме поэтов.

Если Ахматова и Пастернак заинтересованно следили за работами формалистов (в отличие от Цветаевой, им не сочувствовавшей), то Мандельштам тяготел к ним в наибольшей степени и печатно выразил свою солидарность с молодой «русской наукой о поэзии» (в статье «Литературная Москва»), а еще ранее в остром полемическом контексте выделил из всей посмертной литературы о Блоке работы Б.М. Эйхенбаума и В.М. Жирмунского⁴⁸ — шаг весьма значимый и литературно ответственный. Насколько известно, тяготение Мандельштама к молодой филологии не вызвало какой-либо специальной реакции формалистов; ему тоже не было надобности «регистрировать» свои совпадения с ними и как-то искать сближения; наконец, ряд соответствий и схождений не был осознан обеими сторонами и замечен лишь с определенной хронологической дистанции. Но в плане истории взаимодействия литературы и филологии правомерно утверждать, что встреча поэта и науки о поэзии произошла.

Именно ситуацию такого контакта воспроизвел Рудаков. Будучи и стихотворцем, и филологом, он сам ее некоторым образом репрезентировал — и вовлек в нее Мандельштама. Абстрактность, жесткая концептуальная схема, понятийный аппарат и терминология («система») вызывают сопротивление, но,

по-видимому, в диалоге актуализуются выявившиеся в свое время точки соприкосновения с формальной школой, что позволяет поэту «признать» потенциал идей собеседника, а с другой стороны — побуждает выработать собственный взгляд на источник этих идей. Судя по письму от 17 апреля 1935 г., Мандельштам прекрасно понимает, что имеет дело с учеником, которому еще предстоит доказать свою самостоятельность.

Специфика положения, в свете которой диалог приобретает несколько фантастический или во всяком случае платонический оттенок, заключалась в том, что учителя уже давно были лишены возможности применять и развивать свою методологию и не существовало сколько-нибудь реальной надежды на то, что ученик такую возможность получит⁴⁹. Правда, он оперировал категорией реализма (12 февраля 1936 г.), положенной в основу официальной эстетики; он также не стал бы эксплицитно методологические посылки и навыки, мог бы отказаться от терминологии и т.п.⁵⁰ Так или иначе, Рудаков сохранял оптимизм вплоть до кампании, начавшейся статьей «Правды» против Д.Д.Шостаковича и вскоре переросшей в тотальную войну против «формализма», и, по-видимому, не утрачивал надежд даже в разгар этих событий. В силу увлечения своей концепцией или даже самовнушения он убежден, что «на носу всамделишняя переоценка Гумилева» (письмо от 28 февраля 1936 г.). Он уверен, что его работа (или работы) будет отличаться от книги А.А.Волкова «Поэзия русского империализма» (М., 1935) объективностью и научностью; эти качества требовалось согласовать с оценочностью, поскольку полностью безоценочная работа о поэзии XX века была в то время решительно невозможна (как и последовательно формалистская), да темпераментный литературовед и не стремился к таковой, тем более что к оценкам его толкала и собственная стихотворная практика.

Хотя в письме от 19 февраля 1936 г. (три недели спустя после статьи в «Правде») выражено сильнейшее сомнение в возможности издать книгу, как и затем даже в возможности выступить с докладом перед литераторами и филологами (10 марта 1936 г.), он не считает положение безнадежным для себя и во всяком случае не хочет быть жертвой — напротив, намеревается при случае играть в сложившейся ситуации определенную роль, несомненно культурную, но достаточно гибко учитывающую давление государства. Намечавшийся, видимо при посредстве Мандельштама, доклад вряд ли состоится, резонно полагает Рудаков, но если ему предоставят трибуну, он будет во всеоружии: «надо подробно почитать данные последнего пленума» Союза писателей. Сообщая деловые подробности, он явно предвкушает, как будет проводить и защищать свои излюбленные идеи, минуя идеологические ловушки и отражая наскоки функционеров, требующих, как сказано в одном из следующих писем, «все время клясться, “что не формалист”» (16 марта 1936 г.). Особенно интересно письмо от 17 марта 1936 г. Здесь, с одной стороны, Рудаков констатирует по поводу кампании против «формализма» и общей ситуации в культуре: «Это все очень значительно и окончательно», а с другой, заявляет: «Знаю, что сейчас мог бы делать большие вещи. Препятствие — косность литературы (и среды)». Он, по-видимому, верил, что в своей сфере, пользуясь богатством культурного тезауруса и при условии хотя бы небольшой свободы маневра (которой препятствует «косность») и правильно рассчитанной тактики (о которой трудно сговориться с импульсивным Мандельштамом), он способен «перехитрить» официальных идеологов. Устрашающие внелитературные факторы могут быть «конверсированы» благоприятным для исследователя образом путем приемлемых компромиссов и акцентирования всего того в его взглядах и планах, что не противоречило бы прямым требованиям государственной идеологии и могло бы оказаться точками соприкосновения с ней, — опорными точками для реализации подлинно культурных и важных для него идей и тем. Такого рода настроения были широко распространены среди людей науки и искусства в 20—30-х годах — свидетельства этого обнаруживаются во многих биографиях.

Для каждого конкретного случая надо попытаться понять реальные истоки того, что представляется фантастическим в подобных умонастроениях современному историку культуры.

Можно думать, что оптимист Рудаков, готовясь принять участие в дискуссии о «формализме», ориентировался на значительно более благоприятное событие полуторогодичной давности — доклад Н.И.Бухарина на I съезде писателей. Для Рудакова должны были быть важны не только «либеральность» доклада, его культурная оснащенность и явные отличия от стиля партийно-государственных директивных текстов, но и то, что Бухарин подробно говорил о формальном подходе. Он начал с вопроса о «поэзии как таковой», цитировал при этом «Слово» Гумилева, выделял среди формалистов Жирмунского, а Шкловского назвал, критикуя его, «одним из самых выдающихся теоретиков формализма». Как и у Троицкого одиннадцатью годами ранее в статье о формальной школе⁵¹; как у самого Бухарина в выступлении во время дискуссии 1925 г. об искусстве и революции⁵², идеологически обусловленное общее отношение к формальной школе могло быть только негативным, но для 1934 года, когда она уже несколько лет как перестала существовать, явилось либеральной неожиданностью само внимание, уделенное ей в докладе, имевшем ранг официального. Если в 1924 г. Б.М.Эйхенбаум на равных полемизировал с Троицким, остро иронизируя над его признанием того, что «известная часть изыскательской работы формалистов вполне полезна», и настаивая на отнюдь не вспомогательном, но методологическом значении формального принципа для конституирования литературоведения в качестве самостоятельной науки⁵³, то десять лет спустя примерно такое же ограниченное признание формализма Бухариным попадало в совершенно иной общественный контекст и выглядело едва ли не как стремление прекратить или хотя бы умерить идеологическую и организационную опалу школы, уже лишенной возможности на чем-либо настаивать.

Однако, не говоря уже о том, что Бухарин на самом деле не имел полномочий проводить самостоятельную культурную политику и тем более определять ее курс от имени партийно-государственных инстанций, ведущие ученые школы нимало не были склонны занять, как говорилось в докладе, «им по заслугам полагающееся место в кооперации работников-искусствоведов» и стать одновременно учителями «поэтики как технологии поэтического творчества»⁵⁴. Об этом свидетельствует эпизод, происшедший в ноябре 1934 г. и связанный, по-видимому, с устремлениями Бухарина и Горького, проявившимися вокруг писательского съезда⁵⁵. Л.Б.Каменев от имени Горького предложил Томашевскому, Тынянову, Эйхенбауму, Жирмунскому составить некую хрестоматию образцов «художественных приемов» (т.е. именно реализовать то амплуа «спецов», которое было им предназначено в докладе Бухарина), от чего они отказались как от халтуры, предложив в ответ «начать заново научную разработку формальных проблем»⁵⁶. Для них то, что говорил Бухарин и вскоре Каменев, явилось только подтверждением свершившегося в 1929—1930 гг. конца школы, хотя в данном случае подтверждением политически мягким по сравнению со слышанным ими в свой адрес ранее.

Между тем Рудаковым соответствующий раздел доклада Бухарина должен был восприниматься в ином ключе и служить указанием на практическую возможность применения идей школы. Человек младшего поколения, уже не заставший в дееспособном возрасте тех условий, в которых протекала основная работа формалистов, он изначально не мог не учитывать просто как данность ограничений, задаваемых государством, и, готовясь к ученой карьере, не мог не готовить и определенную мыслительную стратегию — на случай мало-мальски благоприятного изгиба культурной политики (каким и стал доклад Бухарина). Это должно было побудить его с особенным вниманием отнестись к тому, что Эйхенбаум (в дискуссии в «Печати и революции»), материалы которой, вероятно, изучались Рудаковым в ГИИИ или позднее) называл точками сопри-

косновения формализма и марксизма. Он говорил о них в плане нейтральной «типологической» констатации, не делая отсюда каких-либо существенных выводов, — для Рудакова же эта тема потенциально приобретала значительный вес. Центральной точкой соприкосновения было, по Эйхенбауму, изучение закономерной эволюции — в отвлечении от случайного, индивидуального генезиса явления, от личности деятеля (в высшей степени характерна эта вера крупного ученого в «научность» марксистской идеологии и, соответственно, в то, что большевистский вождь, с которым он спорит, должен и к литературе подходить научно)⁵⁷. Именно такова история литературы без «авторов, дат», о которой мечтает Рудаков, с опорой на более позднюю работу Тынянова. Вполне вероятно, что вопрос о том, что понимают под марксистским литературоведением и как сюда относится формализм, обсуждался с Мандельштамом. Еще более вероятно, что эти разговоры касались писательского съезда, а также деятельности и высказываний Бухарина, который по понятным причинам особо интересовал поэта⁵⁸.

Рудакова не должно было смущать и намерение партийных идеологов, а затем и Горького назначить формальному подходу прикладное применение. Он, надо думать, хорошо понимал, что при существующем порядке вещей чистая наука в гуманитарной сфере не будет позволена ни при каких обстоятельствах, и, как уже говорилось, готовился совмещать построения научного характера с оценками критика и автора-стихотворца, а, скажем, обучать «поэтике как технологии поэтического творчества» едва ли было бы для него заведомо неприемлемым занятием. Скорее, напротив, он должен был в этом специальном смысле интересоваться упомянутыми выше книгами Томашевского и Шкловского, «Школой писателя» (1929 и 1930) Г. А. Шенгели и его многократно переиздававшейся брошюрой «Как писать статьи, стихи и рассказы», а с другой стороны, пособиями, уже всецело выдержанными в духе текущего десятилетия, — например, появившимися в 1934—1935 гг. учебниками Л. И. Тимофеева⁵⁹ по теории литературы (родственными по общей идеологической ориентации прочитанной в Воронеже Рудаковым книге А. Волкова).

Идеологические и политические перипетии первой половины 30-х годов мэтры не рассматривали в плане возможности или невозможности возобновления прерванных формальных штудий — энергия уже была переключена на традиционную филологию, преподавание либо художественную работу. Необходимо учитывать и серьезные внутренние, методологические трудности, которые они испытывали к моменту фактического прекращения деятельности школы. Рудаков, как можно предполагать, напротив, именно с надеждой на исполнение своих литературоведческих желаний приглядывался к таким поворотам, как роспуск РАППа, повышение в идеологическом ранге национально-народных ценностей, приближенных государством по значению к главенствующей интернационально-классовой доктрине. В этот контекст попадал и съезд писателей. Произвольность, непредсказуемость изменений идеологического антуража (характернейший признак тоталитарной государственной идеологии) как раз и могли питать надежду на то, что в один прекрасный момент будет востребован и формальный подход либо появится шанс использования его *de facto*, возможно, в комбинации с каким-либо другим не собственно идеологическим подходом. Так, в речи на съезде Н. Асеев, отметив, что Бухарин говорил о формалистах «без зубодробительства» (но, в свою очередь, Асеев повторил: «Формализм, будучи неправилен по установкам (...) должен был отказаться от своих позиций»), попытался связать «анализ поэтических форм» с учением Н. Я. Марра. В эту сторону, по его мнению, могло бы пойти «творческое развитие формалистических течений»⁶⁰.

Мандельштам весной 1935 г. в результате бесед с Рудаковым хочет писать о формальной школе. Через год он собирается выступить в «дискуссии» (см. выше), полагая ее приемлемым форумом для рассмотрения «за» и «против» и,

несомненно, для заявления о себе как действующем литераторе, активно откликающемся на запросы современности. Оба намерения высказаться о формализме равно органичны; второе, как прямо связанное с внешними событиями, сравнимо, скажем, с давней декларацией акмеизма в качестве искусства, наиболее соответствующего «новому устру» (концовка эссе «О природе слова», 1922). Как и тогда, чисто эстетические устремления были бы спроецированы на социальную реальность, в свою очередь эстетизируемую и читаемую в ключе «поэтической идеологии»⁶¹. Несмотря на то, что мы более или менее знаем исходные данные, реконструировать «сюжет» задуманного выступления, конкретные комбинации идеологем и оценок представляется затруднительным. Определенно можно сказать лишь, что если в течение полутора десятков лет до антисталинского стихотворения отношение поэта к советскому социуму (что не тождественно отношению к революции) колебалось, то после происшедшего оно приняло характер «автосоветизации» — однонаправленного отождествления себя с социумом. О том, как это выразилось бы в выступлении, можно до некоторой степени судить по тем нескольким рецензиям, которые были написаны и напечатаны Мандельштамом в Воронеже⁶², одна из них вызвала споры с Рудаковым (письма от 15, 20, 23 июня 1935 г.).

Таким вырисовывается содержание тех фрагментов рассматриваемого диалога, которые определялись литературоведческими интересами Рудакова.

Стремление вернуть (вернее, завоевать заново) место в социуме, добиться некоторой активной роли отразилось и в характеристике положения Ахматовой, осуществившейся противоположный тип поведения, который Мандельштам отнюдь не героизирует, а скорее склонен критиковать: «Словарный склероз и расширение аорты мировоззрения, недостаточная гибкость — вот причины молчания...» (письмо от 11 февраля 1936 г.). Высказывание чрезвычайно важное и в литературном, и в общественном планах (в духе времени — форсированное объединение этих планов). То, что поэт делится таким мнением об Ахматовой со своим молодым собеседником, показательно для их отношений.

В письмах неоднократно говорится о совместном чтении. Упомянутая 5 ноября 1935 г. книга П.Н.Медведева «Формализм и формалисты» (Л., 1934) должна была не только естественным образом вызвать обсуждение разных сторон доктрины и работ ее выразителей, но и в очередной раз показать, как только и можно публично говорить и писать на эту тему и насколько трудно было бы серьезно применить в печатной работе столь привлекавший Рудакова подход. И еще два момента могли привлечь внимание собеседников. В предисловии автор выступил с признанием того, что в его предыдущей книге «Формальный метод в литературоведении» (1928)⁶³ критика этого метода была недостаточной, и высказывал надежду «хоть отчасти приблизиться к подлинно марксистской критике формализма». Специфический ритуал публичного идеологического покаяния широко распространился с начала 30-х годов — отсюда злободневный смысл строки Мандельштама «Я извиняюсь, но ничуть не изменяюсь», — и в его положении после 1934 г. всякое новое выступление в покаянном жанре должно было восприниматься особенно остро. Второе обстоятельство заключалось в том, что Медведев (с. 179 книги) высказался и по поводу художественной прозы Тынянова (обещая посвятить ей специальную работу), — а воронежские ссылынные ранее бурно обсуждали появление тыняновского «Пушкина» на фоне ценимых ими «Подпоручика Киже» и «Малолетнего Витушишникова» (10 и 13 апреля 1935 г.). Рудаков, в концепции которого присутствовала категория реализма, должен был бы обратить внимание на поощрительное противопоставление Медведевым «историко-познавательного» у Тынянова его стилистическим приемам, остранению, педалированию детали и т.д. Кстати, негативно оцененную в книге «Восковую персону» Рудаков читает (вероятно, перечитывает) в Воронеже (24 мая 1936 г.). Ранее, в двадцатых числах июля 1935 г. он читал книгу Л.Цырлина «Тынянов — беллетрист», которая заканчивалась констатацией уклонения

от реализма на пути от «Кюхли» к «Восковой персоне» и желанием «нового поворота к реализму» в романе о Пушкине. После некоторых колебаний Рудаков оценил работу в целом отрицательно. Надо думать, что он, писавший о своих стихах, что они «стоят, в сущности, в итоге исторической концепции» (4 апреля 1935 г., мы уже отмечали, что «историческая концепция» Тынянова в духе тыняновского понимания литературной эволюции), видел Тынянова не только как мэтра в филологии, но и как личность, осознанно сочетающую научную и художественную деятельности.

Наконец, в воронежских беседах и быту присутствует литературное имя-образ, неотделимое от представления современников (и потомков) о Тынянове — имя Кюхельбекера. Как свидетельствует вдова поэта, Мандельштам ценил Тынянова в качестве исследователя Кюхельбекера⁶⁴. Рудаков, как и Б.И. Коплан, был привлечен в начале 30-х годов к собиранию и библиографированию сочинений Кюхельбекера в связи с подготовкой к широко задуманному изданию; впоследствии Тынянов был вынужден корректировать свои планы в соответствии с реальными издательскими условиями, не позволявшими рассчитывать на близкое к полноте собрание сочинений. Сотрудничество Рудакова («сбор печатных текстов») он отметил в сборнике Малой серии «Библиотеки поэта»⁶⁵. Рудаков предполагал (в письме от 23 марта 1936 г.), что обстоятельства не позволят ему возобновить участие в подготовке этого издания (и что работу закончит В. Орлов «или еще кто» — замечание, указывающее на то, что Коплан стал играть активную роль в издании уже после того, как Рудаков отправился в ссылку, — иначе Рудаков назвал бы в первую очередь его). Скорее всего, так и случилось. 29 ноября 1935 г. Тынянов писал Шкловскому о том, что «кончил Кюхельбекера — для малой серии»⁶⁶; но он, по-видимому, предпочел отложить печатание до тех пор, пока будет составлено основное собрание стихотворных произведений. Работа, которой все больше препятствовала его болезнь, растянулась еще на два с лишним года. Рудаков, таким образом, мог успеть продлить сотрудничество с Тыняновым и Копланом, однако какими-либо определенными сведениями на этот счет мы не располагаем.

В Воронеже Мандельштаму удалось получить возможности литературного заработка на радио и в местной печати (см. выше), и он пытается создать подобную же возможность для Рудакова как знатока творчества поэта-декабриста (20 и 22 июля 1935 г.). Между тем Кюхельбекер и Тынянов становятся темой расспросов «какого-то дяди» из НКВД (письмо от 13 января 1936 г.) — характерная параллель к сообщению Н.Е. Штемпель о том, как Мандельштам читал по телефону стихи следователю, «к которому был прикреплен»⁶⁷.

Но в одном эпизоде Кюхельбекер фигурирует вне всех подобных специфических обстоятельств — как историко-литературный прообраз, который Мандельштам подыскивает самому себе (11 июня 1935 г.). По поводу этого эпизода уже отмечалось, что упоминание рядом имени Катенина ведет к работам Тынянова⁶⁸ (Катенин и Кюхельбекер для него — деятели архаистического движения в поэзии 1810—1820-х годов), актуализация которых для Мандельштама в период общения с Рудаковым после сказанного не требует новых пояснений. Общий смысл его уподобления «Что я? — Катенин, Кюхля...» и т.д. — очевиден: поэт, язык которого содержит архаистические черты, не понятый современниками, подверженный их насмешкам и гонимый государством (последний признак относился не только к Кюхельбекеру, но в некоторой степени и к Катенину; очерк его политической биографии, написанный Ю.Г. Оксманом, был опубликован в 1934 г. в пушкинском томе «Литературного наследства» — там же, где и работа Тынянова «Пушкин и Кюхельбекер»). Но гипотетически противопоставляя себе в положении «Катенина, Кюхли» — Есенина и Павла Васильева, Мандельштам вносит существенный осложняющий нюанс: он предполагает, что в данных социокультурных условиях востребован поэт открыто эмоционального типа, непосредственно принимаемый народной аудиторией в качестве национально и

социально тождественного ей, «своего», тогда как обречен на непонимание и отчуждение поэт, живущий преимущественно в культурно-историческом мире, преломляющий эмоцию в семантически сложном языке, но не обладающий той свободой от эстетической условности, какая была свойственна упоминаемому далее в мандельштамовском («монологе») Хлебникову. Это усвоение последнего характеризовал Тынянов в известной статье 1928 г., а еще ранее сам Мандельштам, писавший о Хлебникове в 1922 г.: «Какой-то идиотический Эйнштейн, не умеющий различить, что ближе — железнодорожный мост или “Слово о полку Игореве”»⁶⁹. Понимаемое так рассуждение Мандельштама отчасти перекликается с его автохарактеристикой 1928 г. (в ответе на анкету газеты «Читатель и писатель»): «Приношу ей (революции — *Е. Т.*) дары, в которых она пока что не нуждается»⁷⁰. Не вдаваясь здесь в более сложный вопрос об усилении фольклорных элементов в стихах воронежского периода и о соотношении с Есениным и «крестьянскими» поэтами⁷¹, можно сказать, что замысел «фольклорной книги» (30 сентября, 17 ноября 1935 г. — ср. в письме от 31 мая 1935 г.) — это попытка принести нужный дар и сократить расстояние между собой — «Кюхлей» и воображаемым социально-авторитетным поэтом.

По-видимому, трактовка Мандельштамом своего положения через уподобление Кюхельбекеру сказалась и на упоминании об отношении к нему формалистов. Уравнивая оценки символистов и формалистов, он достаточно вольно трактует факты (в значительной мере уже историко-литературные). Если даже оценки символистов несводимы к «отрицанию» (в частности, Вяч. Иванов, как известно, именно «признал» «Камень»), то формалисты всегда считали его поэзию значительным явлением. В этом сходились умеренный Жирмунский и радикал Шкловский; Эйхенбаум и Шкловский приветствовали и «нового» Мандельштама в 1932—1933 гг.⁷² — последние перед катастрофой 1934 г. высокие оценки его творчества, исходившие от столь авторитетных экспертов. Рудаков был последователем формалистов и в этом. Но оценка Шкловским «Путешествия в Армению» (в статье «Путь к сетке». — Лит. критик. 1933. № 5) могла быть воспринята поэтом «кюхельбекерно», хотя и здесь Мандельштам был назван «огромным поэтом»⁷³.

Последняя группа высказываний Рудакова, имеющих отношение к Тынянову, касается внешних обстоятельств, административных и бытовых. Ситуация была для него неизмеримо проще, чем для Мандельштама, хотя условия воронежской ссылки оказались для них сходными. Рудаков хлопочет о пересмотре дела и возвращении, о чем Мандельштам не мог и мечтать, — и надеется на помощь Тынянова, который письменно засвидетельствовал бы его филологическую квалификацию. Как можно понять из письма от 3 октября 1935 г., Рудаков предполагал, что Мандельштам мог стать посредником в этом деле. Далее начинается ожидание, и, пока от Тынянова нет ответа, ожидающий иногда отводит душу в крепких выражениях (то же по адресу Пастернака). Написанная Тыняновым 5 декабря 1935 г. характеристика (в примеч. к письму от 15 декабря 1935 г.) вызвала удовлетворение, смешанное, однако (как и в отношениях с Мандельштамом), с самолюбивыми претензиями. Поскольку прошение о пересмотре дела было, как гласил ответ из прокуратуры СССР от 19 января 1936 г., «оставлено без последствий»⁷⁴, хлопоты возобновились (письма 1 февраля и дальнейшие), и Рудаков снова надеялся получить помощь Тынянова.

К этому обзору эпистолярного материала остается добавить то немногое, что относится к затронутым темам в публикуемом ниже «трактате» Рудакова «Город Калинин». Цитируемая им записка Тынянова косвенно подтверждает, что они встречались по возвращении Рудакова из ссылки (хотя и не позволяет с определенностью решить вопрос о хронологии его участия в издании Кюхельбекера), может быть, и перед отъездом Тынянова из Ленинграда в середине июля 1941 г. Вряд ли тяжелобольной Тынянов, находясь в эвакуации, стал бы писать достаточно далекому для него человеку, с которым расстался семь лет назад.

Приходится лишь гадать, была ли их заочная беседа (в которой вновь фигурирует Кюхельбекер) последней. Когда в апреле 1943 г. Тынянова привезли из Перми в Москву, Рудаков находился там же. Он общается с Э.Г. Герштейн, Н.И. Харджиевым, Е.Я. Эфрон, в июле посещает заседание пушкинистов и проводит вечер в филологических разговорах (в частности, по поводу его диссертации о «Медном всаднике») со Шкловским и Б.В. Казанским⁷⁵. Он, конечно, должен был быть осведомлен о состоянии Тынянова, возможно, навещал его или писал ему. Это могло происходить до ареста Рудакова в августе 1943 г.⁷⁶

«Город Калинин» интересен, в частности (под нашим углом зрения), в сравнении с теми замыслами, которые намечены в письмах. Трактат представляет собой прежде всего путеводитель по стихам, ключ и комментарий к ним — несомненно, применяющий к собственному творчеству опыт аналогичной работы с текстами Мандельштама и наблюдений над возникновением его стихов, трансформацией в них будущего и культурного материала. В свете воронежского отрезка биографии Рудакова это применение может рассматриваться, с одной стороны, как результат изучения «Разговора о Данте» (упоминание его в гл. XXI — возможно, первое в письменных сочинениях современников поэта), а с другой — как реализация давних филологических устремлений автора. Как мы помним, существовали, в том числе в «Разговоре о Данте», точки соприкосновения Мандельштама с формальной школой, поэтому указанные два аспекта могли для Рудакова составлять единое культурное целое.

Однако очевиден ряд существенных отличий от воронежских замыслов, сохранивших, как показано выше, связь с тыняновским пониманием теоретически обоснованной истории литературы и предполагавших (хотя бы платонически) развить его на материале русской поэзии XX в. Теперь же и оптимист Рудаков, видимо, осознал, что объект его интереса не образует в «нашей науке» (гл. XVII) полноправных исследовательских тем. Говоря о «непростительных безобразиях» литературоведения, он как всем ясную данность констатирует: «Понятно, когда не знают своих поэтов XX века» (там же). За этим «понятно» — и гибель Мандельштама, и опыт конца 30-х годов вообще (и прогноз, оправдавшийся в ближайшую четверть века). Не исключено, что Рудаков знал статью Р.О. Якобсона «О поколении, растратившем своих поэтов», хотя бы в пересказе Мандельштама, который высоко ее ценил^{76а}.

Что касается литературоведческой методологии, то единственной областью, где тяга Рудакова к изучению формы еще могла хотя бы в некоторой мере реализоваться, было стиховедение на классическом материале — и он подготовил работу о стихе «Медного всадника»⁷⁷, которая несколько раз упоминается в трактате.

Конечно, никак нельзя сказать, что обращение к стиховедению было только вынужденным. Но трактат показывает, что автор, во всяком случае, не намеревался ограничить себя стиховедением в строгом смысле слова (и тем более текстологией типа работы о Катенине — ср. в письме от 15 декабря 1935 г. о желании вылезти из «текстологов» в «гении»). Трактат, помимо того что является реальным комментарием к стихам определенного периода, есть еще и опыт своего рода индивидуальной поэтики, свободно оперирующей элементами тематики, метрики и ритмики, композиции, поэтической лексикологии и синтаксиса, но в то же время — психологии творчества и биографии. Это смещение субъективных авторских показаний с положениями научного происхождения и назначения характерно для литературоведения между формализмом и структурализмом — в период, когда в России поэтика фактически перестала существовать. Обычно вместо нее использовали свидетельства писателей о творческом процессе, накоплении и отборе материала, поисках деталей, языковой работе и т.п., тогда как научную функцию стремились приписать сугубо идеологическим установкам (последнее имело место и в самой государственной идеологии, относительно которой утверждалось, что она основывается на научных посылах —

«научный коммунизм» и т.д.). Текст Рудакова, однако, полностью свободен от советской догматики, что создает редкую возможность чтения в плане чистой истории филологии. Представления о «динамизации материала», о теме как абстракции, отвлеченной от конкретного словесного построения (гл. IV; ср. экспансию понятия «тема» в официальном литературоведении), восходят к формалистским источникам, а ряд наблюдений над тем, «как сделаны» стихи, перекидывают мост между этими источниками и позднейшими разборами и анализами поэтических текстов, характерными для филологии 60—70-х годов — времени возрождения поэтики.

3

Некоторые высказывания Рудакова в письмах позволяют провести еще несколько параллелей с работами его учителей.

Базис «схемы отношений», им выработанной, помогает понять терминологию, которой он оперирует (обрывочно) в разных местах писем. Одно из ключевых понятий — «гениальность», прилагаемое им в равной степени как к Мандельштаму (письма от 4, 11, 20 апреля 1935 г. и ряд более поздних), так и к себе; другой термин — «конструкция» («я изучаю дивную конструкцию» — по отношению к Мандельштаму — в письме от 20 апреля 1935 г.).

Рудаков, должно быть, основывается на следующем пассаже из статьи Тынянова «Литературный факт» (вошедшей в «Архаисты и новаторы»): «Мы, как и всякие современники, проводим знак равенства между “новым” и “хорошим”. И бывают эпохи, когда все поэты “хорошо” пишут, тогда гениальным будет “плохой” поэт» (приводится в пример Некрасов); «...вся суть новой конструкции»⁷⁸ может быть в новом использовании старых приемов, в их новом конструктивном значении...».

Для того чтобы выяснить, как это тыняновское наблюдение понималось Рудаковым, мы будем сейчас вынуждены сделать отступление и вернемся к сопоставительному анализу писем позднее. Круг старших поэтов, которые «хорошо пишут» (в тыняновском смысле), очерчен в письмах Рудакова достаточно определенно; теперь в том же плане попытаемся оценить взгляд Рудакова на поэтику Вагинова: эта линия была для него настолько актуальна в русле собственной концепции, что, наряду с другими, имя Вагинова называется уже в день первой встречи с Мандельштамом в Воронеже. В литературной среде середины — конца 20-х гг. Вагинов устойчиво воспринимался как последователь акмеистов. Он был учеником Гумилева, а несколько позже учился (в 1923—1926 гг.) в ГИИИ; в ряде своих стихов этих лет он избрал отправной точкой мандельштамовскую образность — но, что существенно, модифицируя мандельштамовскую ассоциативность (с оглядкой на идеи ОПОЯЗа?). Нагляднее всего весь комплекс отношений был рассмотрен в рецензии учителя Рудакова по ГИИИ, Б.Я. Бухштаба (см. об этом выше) на первый сборник стихов Вагинова. Рецензия тогда (в 1926 г.), как предполагается, не была напечатана⁷⁹, но Рудакову, при его заинтересованности именно этими аспектами темы, должен был быть известен, по вышесказанному семинару в ГИИИ, если не текст рецензии, то ее основные положения. Аргументацию Бухштаба в ее развертывании для наших целей излагать нет необходимости, укажем только следующее: он оперирует термином «конструкция» и цитирует тыняновский «Промежуток»; по этой рецензии, Вагинов — сознательный продолжатель Мандельштама (его акмеистической линии), изменяющий главные черты его поэтики в направлении активного использования, в противоположность Мандельштаму, обесцененного («штампованного», «вульгарного») слова. Этот, центральный у Бухштаба, аспект в сравнении двух поэтов может, при соответствующей интенции, быть идеально уложен в схему «хорошего» и «гениального» «плохого» поэтов соответственно «Литературному факту» Тынянова. В этой концептуальной взаимосвязи Рудаков, сближая себя с

Вагиновым и, одновременно, с Мандельштамом⁸⁰ — что в этой системе взглядов не только не является противоречием, но и прямо востребуется, — претендует на то же, что и Вагинов, или близкое место в упомянутой только что схеме.

Насколько можно судить по письмам, рефлексия над тыняновским научным материалом, обращенная Рудаковым на свои с Мандельштамом отношения, приводит его к локальным построениям о способе сосуществования «старой» и «новой» «конструкций» (или, что то же, «хорошего» и «гениального» «плохого» поэтов); типологическая заданность то более, то менее явно выступает в письмах.

Рудакову досадно, как следует из писем, непонимание и невнимание Мандельштама к его стихам, но не само по себе: само по себе оно логично встроено в «концепцию» Рудакова и основывается на тех же страницах «Литературного факта», где речь идет о том, что «всякий “пуризм” есть пуризм специфический, пуризм, основанный на данной системе, а не пуризм вообще. (...) Длинные списки пушкинских “ошибок” и “неправильностей” приводятся в архаической “Галатее” (...) целыми страницами. Современная русская проза... боятся простой фразы и избегают вполне мотивированной языком небрежности» — когда Рудаков отстаивает ценность своих стихов, он апеллирует опять-таки к теоретическим построениям, а в них констатирует «консервативную беспомощность» Мандельштама (письмо от 8 апреля 1935 г.).

Момент соревновательности между поэтическими «конструкциями» Рудаков видит в том, что в жизненном континууме, «независимо от авторов», созревают некие узловые моменты, уловить и воплотить которые — поэтическое качество, но зависящее от типа «конструкции»⁸¹. Здесь он по крайней мере однажды претендует на первенство: когда в «Знамени» появляются стихи Пастернака, он пишет: «Стихи его до одури напоминают мои последние (...) переосвоенный подбор тем и слов, легших в основу моих вещей (...). Время пройдет — ни одна собака не поверит, что я написал раньше» (30 мая 1936 г.).

Когда Рудаков оказывается вовлеченным в работу над мандельштамовскими стихами (период становления «Первой воронжеской тетради»), он выступает в другой ипостаси — как знаток именно мандельштамовской системы стиха, «старой» «конструкции». В действительности своих знаний он совершенно уверен, и его ревность почти всегда — ревность профессионала-методолога. «В стихах мы (т.е. я) спорили до конца, так как была абсолютная ответственность за стихи лучшего, может быть, в мире поэта», — пишет он жене 10 ноября 1935 г.

Тема пушкинского «Моцарта и Сальери» не случайно появляется в письме от 13 января 1936 г., и именно в контексте рассмотрения Рудаковым своих с Мандельштамом отношений. Настойчиво проводившаяся им в Воронежце, с необыкновенным упорством навязываемая Мандельштаму «схема отношений» требовала осознания, осознавалась и анализировалась Рудаковым, и результаты внесли коррективы в проецированный на современность пушкинский сюжет. «Методология» Рудакова устраняет из него критерий качества, затем — соревновательность (о чем говорилось выше), и, чтобы уже вовсе сделать невозможным такое опасное чувство, как зависть, диктует, с каждым месяцем все настойчивей, отказаться в отношениях с Мандельштамом от всего, что требовало бы личного сочувствия. В этом плане Рудаков вовсе не заслуживал бы умаляющего эпитета («Маленький Сальери» — название главы о нем в книге Герштейн) и мог бы считаться его модернизированным типом, если бы не два существенных обстоятельства.

Первое — молодость и незрелость Рудакова. Если у Пушкина Сальери — зрелый человек, который, бывало, и «жег свой труд», и после явления Глюка «бросил все, что прежде знал», и «в сердцах людей нашел созвучия своим соданиям», то Рудаков едва начал свое высшее образование и только получил у Тынянова уроки архивной работы. Он еще не делал и попыток научной работы

любого типа; четыре года (1931—1934) были потрачены, насколько можно судить, в основном на строительство семьи, сначала одной, затем другой. Препятствия социального плана к продолжению образования, ощутившиеся им интеллектуальные потенции, поддержанные чисто мужским самолюбием и сильной волей, вызывали у него в делах творчества сильнейшую — хорошо видно в письмах — агитацию, юношескую по темпераменту и максимализму претензий.

Второе обстоятельство — Рудаков оказался способным к самокритике. Для этого понадобились еще шесть лет жизни, опыт работы над «Медным всадником» Пушкина и новое, сильное, как видно из его писем военных лет, увлечение — поэзией Марины Цветаевой, принесшее и в его собственные стихи некоторый лиризм. Имеем в виду то существенное и хотя сделанное «по поводу», но отнюдь не случайное замечание о «системе стиха, досадно напоминающей мои воронежские попытки говорить о подробностях» в «Городе Калинин» (гл. VII). Так, и об отсутствии у Рудакова поэтического дара больше всего говорят его собственные письма. Поэт в процессе работы проверяет совершенство слова, строки, всего стихотворения соответствием некоему внутреннему заданию, собственным языковым чутьем; Мандельштам говорил о «внутреннем образе», который «осязает слух поэта» («Слово и культура»). Рудаков же вплоть до своего эссе («Город Калинин») апеллирует к теоретическим представлениям о том, какими должны быть стихи: поясняет жене стихотворение, раскрывая его «внутренний сюжет» (письмо от 7 июля 1935 г.), заранее заботится об автокомментарии (9 февраля 1936 г.) и многое в том же роде, усиливающее впечатление искренности его стихов.

Специальный интерес представляет выяснение действительной роли Рудакова во время создания «Первой воронежской тетради». Процесс работы Мандельштама над стихами предстает перед нами в очень ярких фрагментах воспоминаний современников. Рисует физиологическая открытость этого процесса и потребность иметь рядом с собой в эти минуты сколько-нибудь знающего и любящего стихи слушателя, просить его совета. В юности вокруг него друзья из «Цеха поэтов», у них он «... в такие минуты (...) искал помощи, даже опеки»⁸²; «просил друзей помочь ему, сочинить две строчки»⁸³; в более поздние годы рядом жена, и поэт «просил ее советов о каждом слове в стихах»⁸⁴. Но как ни важен был для Мандельштама сам процесс общения в эти минуты и критическое обсуждение его стихов в последующем, вопрос о «сотворчестве» никогда ранее не возникал. Мандельштам с критикой считался: достоверно известны поправки, принятые им по предложениям Гумилева⁸⁵ и Марины Цветаевой⁸⁶; высказывались и другие предположения. Несомненно, что Рудаков, силой обстоятельств оказавшийся рядом с Мандельштамом во время создания «Первой воронежской тетради», занял место столь необходимого поэту в такие моменты слушателя, советчика и критика. И следует признать, что по крайней мере дважды его критические замечания имели следствием существенные улучшающие поправки — в стихотворения «День стоял о пяти головах...» (см. письмо от 1 июня 1935 г. и предшествующие) и «Бежит волна — волной волне хребет ломающая...» (письмо от 27 июня 1935 г.). Примечательно, что Рудаков в письмах раскрывает все содержательные детали этих своих действительных «побед», но ничего конкретного не сообщает о его, якобы значительном, участии в создании других стихотворений — «Ариоста» («1,5 строки в середине вещи» по письму от 29 июня 1935 г.) и «Чернозема» («на 1/3 мой» в письме от 22 июня 1935 г.). Анализ сообщений Рудакова приводит нас к мысли о том, что его предложения имели в основном композиционный характер («На его материале я делаю... уточнения...» в письме от 18 мая 1935 г., например), а вопрос о том, действительно ли они принимались поэтом, особенно в окончательных редакциях, хотя и должен, при строгом подходе, оставаться открытым, вызывает отрицательный ответ. Поэтика Мандельштама, своеобразный и яркий метафорический строй его стихотворений, выпукло ощутимый и вне специального филологического анализа,

не допускает, как кажется, столь крупных, как пишет Рудаков, включений ритмического и семантического порядка. Да и сам Рудаков, как представляется, не дает настойчивых поводов к разговору о его «соавторстве» (хотя и испытывал такой соблазн: в письме от 18 мая 1935 г. он писал о «моей настоящей» работе, до которой «материал был мертв»), ограничиваясь указаниями на свою «роль» — об этом мы писали выше. С другой стороны, не следует относиться к этим сообщениям Рудакова как к проявлению навязчивой идеи и отказываться от анализа тех тематических линий, которые, возможно, возникали в разговорах с Рудаковым и затем реализовывались; в этом смысле, может быть, следует понимать мандельштамовскую фразу «Как вы предсказали и задавали мои воронежские стихи», приведенную в письме от 3 апреля 1936 г.

4

Извлечения из писем Рудакова печатаются нами по автографам (ИРЛИ. Ф. 803. Ед. хр. 6—13)⁸⁷. Всего здесь содержится 347 писем и 4 телеграммы.

Из Воронежа Рудаков писал жене ежедневно, нередко — по два письма в день (утром и вечером), за исключением тех периодов, когда Л.С.Финкельштейн приезжала к мужу в Воронеж: около 28 апреля — около 6 мая 1935 г.; во второй половине августа — сентябре 1935 г. и с 1 по 3 мая 1936 г. Из ее ответных писем в ИРЛИ имеются только два (ед. хр. 17), фрагменты из них приведены нами в примечаниях. Остальные письма, по данным М.С.Рудаковой, не сохранились. Все письма адресованы на Колокольную ул., д. 8, кв. 3 (вскоре после возвращения из ссылки Рудаков с женой переехали в соседний дом на той же улице — № 11, кв. 6 — адрес, который называет и Э.Г.Герштейн в своей книге, см.: Герштейн. С. 129).

Объем текстов писем в фонде Рудакова существенно превосходит тот, который представлен в настоящей публикации. При всей желательности издания по крайней мере большинства писем эта задача пока оказалась невыполнимой. Этим объясняются отступления от принятых в «Ежегодниках Рукописного отдела Пушкинского Дома» принципов подачи эпистолярного материала в настоящей публикации — в виде фрагментов писем. Задача, которую преследовали публикаторы, — представить полностью все содержательные сведения о Мандельштаме и его окружении, литературной жизни Воронежа; выборочно — о различных городских реалиях. Также выборочно пришлось представить те места писем, из которых рисуется облик С.Б.Рудакова, его отношение к жене, черты его «концепции».

Почерк Рудакова — трудный для прочтения, в отдельные периоды — с элементами скорописи. Текст пестрит сокращениями, как буквенными, так и знаковыми, и при его подаче в настоящей публикации также пришлось пойти на некоторые отступления от традиционно принятых правил. Имена и фамилии раскрываются в угловых скобках, если на письме они переданы инициалами. Без обозначения раскрываются имена и фамилии, сокращенные через дефис (например, М-ам — Мандельштам), и все слова в тех случаях, когда само слово и его грамматическая форма не вызывают сомнения. В ряде случаев без обозначения раскрываются знаковые и численные сокращения и некоторые привычные сокращения (м.б. — может быть), а некоторые привычные сокращения сохраняются (т.к. — так как, т.е. — то есть). Пунктуация приближена к современным нормам, за исключением стихотворных текстов, где преимущественно сохраняется пунктуация источника: Оформление дат — редакционное.

¹ Во вступительной статье глава 2 написана Е.А.Тоддесом, главы 1, 3 — А.Г.Мецом.

² Часть ее книги, основанная на письмах Рудакова, была перепечатана в журнале «Подъем» (1988. № 6—10).

³ См.: *Нерлер П. Ю.Н.Тынянов и С.Б.Рудаков // Пятые тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения.* Рига, 1990; *Он же.* Павел Калецкий и Осип Мандельштам // Жизнь и творчество О.Э.Мандельштама. Воронеж, 1990; *Он же.* Воронеж, весна 1936 года: (Неизвестное письмо Н.Я.Мандельштам) // Осип Мандельштам: поэтика и текстология / Материалы научной конференции 27—29 дек. 1991 г. М., 1991; *Мандельштам О.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1994. Т. 3. С. 450—451 (в комментариях П.Нерлера и А.Никитаева).

⁴ Детальнее о принципах подачи материала и структуре публикации см. в гл. 4 данной статьи.

⁵ См.: *Герштейн.* С. 133. Список сокращений помещен перед статьей.

⁶ Воспоминания о них вкраплены в некоторых письмах военных лет Рудакова к жене: «У моего папы были шуточные стихи и картинки для нас, для детей:

Испанский рыцарь Христофор
Стрелой несется в темный бор;
Ах да, — он звался Гонзалес, —
Так значит, он несется в лес»

(письмо от 8 авг. 1942 г.). О брате он заметил: «Дома Игорь с детства был воплощением чего-то основного» (письмо от 27 июня 1942 г.).

⁷ См.: *Герштейн.* С. 134.

⁸ Сведения о членах семьи Рудакова приводятся нами согласно данным, предоставленным М.С.Рудаковой.

⁹ Алексей Константинович Вагинов родился 16 (28) января 1898 г. Окончил кадетский корпус. Его мать, которая была арестована в марте 1935 г. в ходе расследования убийства С.М.Кирова, показала, что он был подпоручиком царской армии, назвала его профессию — «инженер-строитель», место работы — «бывшая мебельная фабрика, угол набережной Карповки и проспекта Кирова» и домашний адрес — «Набережная реки Карповки, д. 19, кв. 33» (сообщено А.Л.Дмитренко). Другую его профессию — киномеханик — упоминают Т.Л.Никольская и В.И.Эрль в примечаниях к книге: *Вагинов К.* Козлиная песнь: Романы. М.: Современник, 1991. С. 548; в «Козлиной песни» Алексей послужил прототипом корнета Коваленка. А.И.Вагинова сообщила, что ко времени ее брака с К.Вагиновым «старший брат уже женился и жил где-то отдельно»; годом своего брака она назвала 1927 (см.: *Ненаписанные воспоминания: Интервью с Александрой Ивановной Вагиновой / подготовка С.Кибальнича // Волга.* 1992. № 7/8. С. 150). Дату смерти Алексея в блокадном Ленинграде — 31 декабря 1941 г. — назвал С.Б.Рудаков в письме к жене от 3 января 1942 г. Ирина Рудакова, жена Алексея, умерла в ту же блокадную зиму, в январе 1942 г.

¹⁰ См. в эссе Рудакова «Город Калинин»: «На Карповке была очень маленькая комната (...) родственником и домашним писателем бывал гениальный Костя Вагинов (...). Мой 1926 год» (гл. IX).

¹¹ Удостоверение об окончании 192-й Советской единой трудовой школы (девятилетки), в которой Рудаков учился с 1922 г., сохранилось в его архиве (ед. хр. 18).

¹² Название составлено из начальных букв фамилий участников литературного объединения (см. примеч. 1 к письму от 9 ноября 1935 г.).

¹³ Диплом с отличием (ед. хр. 18). Одновременно Рудаков преподавал в 74-й школе для взрослых и в качестве педагога написал для Ленинградского городского методического кабинета методическую разработку «Русская поэзия XVIII в. в программе 8-го класса средней школы для взрослых» (ед. хр. 1).

¹⁴ Сохранилась справка редакции «Временника...» об этом, датированная 11 марта 1940 г. (ИРЛИ. Ф. 804. Ед. хр. 19. Л. 3). Ныне статья готовится к публикации Е.А.Тоддесом.

¹⁵ Напечатан (в сокращении) со вступительной статьей Э.Г.Герштейн в кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1979. Т. IX. А.Ахматова в своей мемуарной записи «Рудаков» (РНБ) упоминает о том, что была на этом его докладе, но, как можно судить по нижеследующей выдержке из письма Рудакова к жене от 1 августа 1941 г., Ахматова была на «катенинском» докладе, а о пушкинской работе Рудакова узнала от упоминаемого в письме Б.В.Томашевского: «Потом был у Аннушки. Она за год страшно постарела. Особенно рот весь в мелких морщинках. Видимо, была мне рада. Знает от Б.В. о «М(едном) В(саднике)». Читала поэму, которую написала зимой, и недавно читала в Союзе. Ультразамечательно. Особенно конец, называемый *решика*, т.е. обратная сторона монеты. Это в моем роде — самокомментарий к этой вещи — правда — тоже в стихах. Это вроде ключа к вещи. Она сказала, ей и карты в руки, что я вернусь благополучно. Я просто в этом уверен». Отсюда также следует, что Рудаков, перед самой отправки на фронт, стал слушателем «Поэмы без героя», недавно написанной.

¹⁶ Отделение военкомата, занимавшееся обучением гражданского населения военному делу.

¹⁷ Вот этот эпизод в освещении Э.Герштейн: «Рудаков жил на казарменном положении в районном военкомате. Там он совершил должностное преступление (...) воспользовался бланком и печатью военкомата и дал своему другу отсрочку, а не полное освобождение. Дело в том, что тот (знакомый Рудакова. — А.М.) ожидал полного оформления "белого билета", но неожиданно получил призывную повестку» (Герштейн. С. 145).

¹⁸ История ареста поэта (из-за эпиграммы на Сталина), поездка к месту ссылки в Чердынь, развившиеся там галлюцинации и, из-за болезни, замена места ссылки описаны в «Воспоминаниях» Н.Я.Мандельштам.

¹⁹ *Воспоминания*. С. 120—122.

²⁰ Книга вышла в 1935 г.

²¹ См. письмо Рудакова от 28 октября 1935 г.

²² Из письма зав. отделом культуры и пропаганды ленинизма Воронежского обкома ВКП(б) М.И.Генкина в ЦК ВКП(б) от 13 декабря 1934 г., в ст.: *Нерлер П.* Он ничему не научился... // Лит. обозрение. 1991, № 1. С. 92.

²³ Из сообщения С.Стойчева председателю правления ССП В.Ставскому 28 сентября 1936 г. (*Нерлер П.* Он ничему не научился... С. 93—94).

²⁴ О таком отношении Швера к поэту нам сообщила, основываясь на рассказах Мандельштама, Н.Е.Штемпель.

²⁵ См. расчеты в письме Рудакова от 2 февраля 1936 г.

²⁶ Еще на пути в Москву, 28 марта 1935 г., Рудаков писал жене: «Хочется в Воронеже видеть О.Э.М. Олята думаю о его стихе "и спит Москва как деревянный ларь". А у меня об этом получается по-другому».

²⁷ Это и другие письма (записки) О.Э.Мандельштама и Н.Я.Мандельштам Рудакову, приведенные нами в примечаниях, были впервые напечатаны в упомянутой книге Герштейн.

²⁸ *Собр. соч.*: В 4-х т. М.: Терра, 1991. Т. 3—4. С. 289. С несколько иной пунктуацией, меняющей смысловую акцент, напечатано С.Василенко и Ю.Фрейдиным: *Знамя*. 1991. № 1. С. 198.

²⁹ *Воспоминания*. С. 279; ср.: Герштейн. С. 148.

³⁰ Н.Е.Штемпель вспоминала, что одна из телеграмм, полученных ею в Воронеже, была подписана Мандельштамом, Ахматовой и Рудаковым (*Штемпель*. С. 21; ср.: Герштейн. С. 116). Свидетельством этих более поздних встреч являются снятые Рудаковым копии стихов Мандельштама, написанных в Савелове в начале июля 1937 г. — «На откосы, Волга, хлынь...» и «Пароходик с петухами...» (ед. хр. 29).

³¹ *Книга третья*. С. 104; ср.: Герштейн. С. 126.

³² См. наст. изд., с. 194.

³³ А также из архива Гумилева, данного ей на сохранение Ахматовой (см.: Герштейн. С. 122 и дальнейшие). Некоторые автографы попали от Финкельштейн в собрание М.С.Лесмана.

³⁴ См.: *Герштейн*. С. 127.

³⁵ См.: *Герштейн*. С. 153. Дочь Рудакова также подтверждает эти сведения.

³⁶ См.: *Герштейн*. С. 130.

³⁷ Из чернового наброска «Рудаков» (РНБ), см. также: Листки из дневника. С. 211.

³⁸ *Воспоминания и Вторая книга* (см. по именным указателям); *Книга третья* (гл. «Архив»).

³⁹ См. особенно анализ эпизода, когда в 1937 г. Мандельштам уводила из его квартиры милиция, и Рудаков бросился за ним (*Герштейн*. С. 148).

⁴⁰ Впервые цитировано: *Нерлер П. М.* Ю. Н. Тынянов и С. Б. Рудаков. С. 245

⁴¹ О Калецком см.: *Нерлер П. М.* Павел Калецкий и Осип Мандельштам. С. 60—71 (здесь же выдержки из писем Рудакова). Э. Г. Герштейн указала на неточность биографических сведений о нем, приведенных в мемуарах вдовы поэта; однако полемика по поводу «политического» эпизода не представляется убедительной (*Герштейн*. С. 137—139). Что касается отношения Рудакова к Калецкому, то публикуемые письма во всяком случае не подтверждают характеристику мемуаристки (см.: *Воспоминания*. С. 261).

⁴² На текстологическую «школу» Рудакова указывает упоминание о Ю. Г. Оксмане в письме от 6 февраля 1936 г. Работая над Кюхельбекером, Рудаков мог встречаться с Оксманом, который был в постоянном контакте с Тыняновым, снабжал его фактологическими справками, архивными данными и т. п.

⁴³ *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 175.

⁴⁴ Там же. С. 180.

⁴⁵ Там же. С. 188—189.

⁴⁶ См.: *Тоддес Е. А.* Мандельштам и опоязовская филология // Тыняновский сборник. Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986.

⁴⁷ *Тынянов Ю. Н.* Поэтика... С. 169, 191, 195. И у Рудакова в работе о «Медном всаднике» находим сходное использование этого тыняновского обозначения: «О жанре “Езерского” и “Медного всадника” говорится как о готовых вещах, на одной из которых Пушкину надлежало лишь остановить свой выбор» (Пушкин. Исследования и материалы. Т. IX. Л., 1979. С. 301). Здесь полемический (и вместе теоретический) выпад восходит также к «Промежутку»: «Мы все еще сохраняем отношение к жанрам как к готовым вещам. Поэт встает с места, открывает какой-то шкаф и достает оттуда тот жанр, который ему нужен» (с. 191). Оно же использовано Рудаковым в наброске рецензии (см. примеч. 6 к письму от 23 июня 1935 г., вечер).

⁴⁸ *Собр. соч.* Т. 2. С. 270.

⁴⁹ О положении формалистов в 30-х годах см.: *Галушкин А. Ю.* Неудавшийся диалог: (Из истории взаимоотношений формальной школы и власти) // Шестые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; Москва, 1992. С. 212—215.

⁵⁰ Однако вряд ли следует буквально понимать утверждение Н. Я. Мандельштам, что «у него даже была своеобразная литературная теория: надо писать только то, что печатают» (*Воспоминания*. С. 260). То же относится и к ее свидетельству о реакции поэта на идеи Рудакова (*Вторая книга*. С. 191). Рудаков страдал скорее манией величия, чем пороком приспособленчества, да и непонятно, зачем Мандельштам стал бы поддерживать активное общение со столь малопривлекательной личностью.

⁵¹ Эта статья под заглавием «Формальная школа поэзии и марксизм» (как отмечал Эйхенбаум, «поэзия» здесь фигурирует по недоразумению) была опубликована в «Правде» 23 июня 1923 г., неоднократно перепечатывалась и вошла в книгу Троцкого «Литература и революция» (1923 г. и 1924 г.). Книга переиздана в 1991 г.

⁵² Красная новь. 1925. № 3; перепечатано в кн.: *Бухарин Н. И.* Революция и культура. М., 1993 (комм. Б. Я. Фрезинского).

⁵³ Эйхенбаум Б. Вокруг вопроса о «формалистах» // Печать и революция. 1924. № 5. С. 11, 10. В дискуссии 1925 г. Эйхенбаум полемизировал и с Бухариным. Мнения Троцкого и Бухарина о формальной школе были тождественны (и, озглавливая письменный текст своего выступления в дискуссии — «О формальном методе в искус-

стве», — Бухарин допускает ту же ошибку, что и Троицкий: заменяет «искусством» — науку о нем; в докладе на съезде писателей эта ошибка исправлена — в заголовке и названиях разделов фигурируют разграниченные «поэзия» и «поэтика».

⁵⁴ Первый Всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет. М., 1934. Репринтное воспроизведение издания 1934 года. М., 1990. С. 484, 487. Доклад Бухарина был напечатан в 1934 году и отдельным изданием.

⁵⁵ О «горьковско-бухаринской» линии в литературной политике летом 1934 г.» см.: Флейшман Л. Борис Пастернак в тридцатые годы. Jerusalem, 1984. Гл. 5—6.

⁵⁶ Об этом сообщил Эйхенбаум в письме Шкловскому от 20 ноября 1934 г. (Галушкин А.Ю. Указ. соч. С. 215). Яркое запечатлело происшедшее запись от 14 ноября 1934 г. в дневнике К.И. Чуковского (эпизод датирован здесь 13 ноября; среди присутствовавших названы также Гуковский, Оксман и др.): Каменев «предъявил к бывшим формалистам такие формалистические требования, от которых лет 12 назад у Эйхенбаума и Томашевского загорелись бы от восторга глаза. Мысль Каменева — Горького такая: «поменьше марксизма, побольше формалистического анализа!» Но формалисты, к(ото)рых больше десяти лет отучали от формализма, жучили именно за то, что теперь так мило предлагается им в стильной квартире академика Кржижановского за чаем с печеньями, — встретили эту индугенцию холодно. (...) Каменев понял ситуацию. Ну что же! Не могу же я вас в концентрационный лагерь запереть» (Чуковский К. Дневник. 1930—1969. М., 1994. С. 108). Заметим, что научная сторона дела — в отличие от аспекта морально-психологического, в данной ситуации главного, — передана Чуковским (достаточно далеким от интересов формальной школы) не вполне адекватно. Как явствует из цитированной статьи Эйхенбаума, в пору расцвета школы предложения, подобные каменевским, также (и тем более!) не могли быть приняты. Правда, Томашевский, безотносительно к отношениям с марксистами, написал компендиум «Теория литературы. Поэтика» (1925) и школьное пособие «Краткий курс поэтики» (1928), которые выдержали несколько изданий (последние, соответственно 6-е и 5-е, вышли в 1931 г.). Но сам Томашевский по выходе своей «Поэтики» писал Шкловскому 25 апреля 1925 г., что эта книга — «вне научной работы, вне очередных проблем. Это просто старая теория словесности Аристотеля (...) наше дело ставить проблемы, а не раскладывать факты по заготовленным клеточкам» (см. *Slavica Hierosolymitana*. Vol. III. 1978. С. 384 — 388, публикация Л. Флейшмана; последняя фраза совершенно в духе того, что стремился разяснить Эйхенбаум в полемике с Троицким). Поэтому и для него предложение Горького — Каменева оказалось неприемлемо. Томашевский, как свидетельствовал Чуковский, и произнес слово «халтура». В 1927 г. вышла книжка Шкловского «Техника писательского ремесла», адресованная молодым литераторам (в последующие три года напечатана еще трижды). Книги Томашевского и Шкловского могли натолкнуть Горького на мысль о «хрестоматии».

⁵⁷ Печать и революция. 1924. № 5. С. 9.

⁵⁸ Заслуживает внимания тот факт, что в ссылке в Воронеже с лета или осени 1934 г. до конца 1936 г., т.е. одновременно с Мандельштамом и Рудаковым, находился ученик Бухарина В.Н. Астров, один из известной группы «красных профессоров», и в то время уже осведомитель НКВД, с которым сотрудничал при фабрикации дела «правых», давая показания и на Бухарина, после чего летом 1937 г. был освобожден (снова арестован в 1949 г.). Он дожил до новых времен, и в конце 80-х — начале 90-х гг. в печати появились его статьи и материалы о нем. Соблазнительно связать с политическими реалиями неоднократно комментировавшиеся строки Мандельштама «И прячусь поспешно в уголки / И выбегают из углов угланы...» («Куда мне деться в этом январе?...») — а именно с А.Н. Углановым, «правым уклонистом», фигурировавшим в материалах процесса Зиновьева — Каменева в августе 1936 г. (было объявлено, что в отношении него и ряда других лиц ведется следствие), но не выведенным на следующие показательные процессы. Стихотворение датируется 1 февраля 1937 г., а 30 января закончился процесс Пятакова, Сокольников, Радека и других.

⁵⁹ Первоначально Л. Тимофеев должен был привлечь внимание Рудакова как стиховед. Кстати, на его вступительную статью к «Библиографии работ по стихосло-

жению» (1933) М.Штокмара ссылался Бухарин в докладе на писательском съезде (Указ. соч. С. 486).

⁶⁰ Первый Всесоюзный съезд советских писателей. С. 568. У Мандельштама, как известно, интерес к Марру выражен в «Путешествии в Армению». Ср. и некоторые литературоведческие попытки использования идеи Марра — так, А.Македонов (погодов Рудакова, активно работавший, до ареста, в Смоленске в разных направлениях — от Белинского до Пруста, от Пушкина до «социалистического реализма») в статье по поводу работ Л. Тимофеева писал о возможности сочетать материалы Марра по проблеме возникновения искусства с положениями гегелевской эстетики (Наступление. 1935. № 1. С. 89); В.Гофман (вероятно, знакомый Рудакову по ГИИИ) ссылался на Марра, рассматривая архаичность Хлебникова (*Гофман В.* Язык литературы. М., 1936. С. 219).

⁶¹ О «поэтической идеологии», или «внутренней биографии» Мандельштама см. нашу статью: Лит. обозрение. 1991. № 3 (в частности, с. 30, 37, 43).

⁶² Забытые воронежские рецензии были вновь обнаружены и перепечатаны Э.Г.Герштейн: Вопросы литературы. 1980. № 12.

⁶³ Мы не касаемся здесь вопроса об авторстве работ Медведова и Волошинова, которые, как известно, относят (полностью или частично) к корпусу текстов М.М.Бахтина. Вопрос рассматривается, в частности, в новейшем биографическом очерке Волошинова, написанном Н.Л.Васильевым. См.: *Волошинов В.Н.* Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995. С. 16—21.

⁶⁴ См.: *Книга третья*. С. 19.

⁶⁵ *Кюхельбекер В.* Стихотворения. Л., 1939. С. 284 (далее здесь отмечено участие Б.Коплана; в издании Большой серии, вышедшем в том же году, упоминается только он, но не Рудаков). Читатель-специалист, каким был Рудаков, не мог не обратить внимания на то, что в списке основных работ о Кюхельбекере (с. 320) в качестве автора статьи о романе «Последний Колонна» вместо репрессированного П.Медведова указан В.Орлов (тот же казус — в тексте статьи Тынянова в издании Большой серии — т. 1, с. LXXI).

⁶⁶ *Воспоминания о Ю.Тынянове*. М., 1983. С. 32.

⁶⁷ *Штемпель*, С. 27.

⁶⁸ *Левинтон Г.А.* Мандельштам и Тынянов // Четвертые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1988. С. 23.

⁶⁹ *Собр. соч.* Т. 2. С. 348.

⁷⁰ *Собр. соч.* Т. 2. С. 217.

⁷¹ См. ряд наблюдений в статье: *Ропен О.* О «русском голосе» Осипа Мандельштама // Тыняновский сборник. Пятые Тыняновские чтения. Рига; М., 1994. Вопрос требует продолжить детальные сопоставления, расширив круг соответствующих авторов 30-х годов. Ср., напр.:

Я около Кольцова, Друг мой, — сокол, — закольцован.
Как сокол, закольцован.

(А.Прокофьев)

Стихотворение Прокофьева было опубликовано в том самом номере «Литературного современника» (1935. № 1. С. 66), где началось печатание тыняновского «Пушкина» и помещены «Заметки о поэзии» Н.Л.Степанова, — Мандельштам и Рудаков читали и обсуждали то и другое (см. письмо от 10 апреля 1935 г.); в статье Степанова говорилось (критически) и о Прокофьеве (с. 147—148). Рудаков учитывает Прокофьева в своих размышлениях о современной поэзии (см. письмо от 12 февраля 1936 г.).

⁷² См.: *Эйхенбаум Б.* О литературе. М., 1987. С. 446—449, 531—533; *Шкловский В.* Гамбургский счет. М., 1990. С. 541 (комментарии А.Ю.Галушкина).

⁷³ Ранее те же характеристики (и пиететные, и критические) в другой редакции вошли в статью «Конец барокко» (Лит. газета. 1932. 17 июля). Обе статьи см.: *Шкловский В.* Гамбургский счет. М., 1990.

⁷⁴ *Герштейн*. С. 180.

⁷⁵ *Герштейн*. С. 304—311.

⁷⁶ Дата указана там же, с. 118.

^{76a} Устное мемуарное свидетельство об этом приводит Л. Флейшман в статье «Эпизод с Безыменским в "Путешествии в Армению"», см.: Slavica Hierosolymitana. 1978. Vol. 3. P. 197 (сноска 19). Статья Якобсона была помещена в сб. «Смерть Маяковского» (Берлин, 1931).

⁷⁷ В дополнение к сведениям Э.Г.Герштейн, опубликовавшей эту работу (выходные данные см. выше), укажем попутно еще на одну книгу, где упоминается еще находившаяся в рукописи работа Рудакова: *Поспелов Н.С.* Синтаксический строй стихотворных произведений Пушкина. М., 1960. С. 40.

⁷⁸ В этой статье Тынянов (оговаривая в самом ее начале «неопределенность», в отличие от математики, терминов в литературоведении) говорит о «конструкции» главным образом как о некотором воплощенном в произведении творческом принципе, но в иных местах он так описывает имманентные «конструкции» тенденции к динамическому развитию, что возникает соблазн видеть за ней ее носителя — автора, как это видно из приведенной выше цитаты слов Рудакова. Ср. также: «Пушкин и Баратынский, живи они в нашу эпоху, вероятно, сохранили бы принципы конструкции, но и, вероятно, отказались бы от своих стиховых формул...» («Промежуток». Гл. 3).

⁷⁹ Помещена в сб.: *Четвертые Тыняновские чтения.* Рига, 1990. Помимо других наблюдений, о которых идет речь, Б.Я.Бухштаб отметил в поэтике Мандельштама «доминирующие над темой ассоциации» (с. 274) и этим предвосхитил, как кажется, понимание в ней роли подтекста, выясненной в позднейших исследованиях. Рудаков поддерживал связь с Бухштабом и после возвращения из Воронежа: последний выступал в дискуссии по докладу Рудакова о «Медном всаднике» (стенограмма, ед. хр. 4); в письме от 15 июля 1942 г. он сообщал жене: «Борис Яковлевич в Саратове».

⁸⁰ В письме от 10 апреля 1935 г. Рудаков пишет о своем согласии с Мандельштамом, когда тот сближает его и вагиновскую поэтику (это место письма заслуживает анализа еще с нескольких точек зрения, но он увел бы нас за рамки статьи). В другом письме Рудаков по очередному поводу — не в очевидной связи с собой, но и, конечно, не случайно — роняет: «А ну-ка, выйди в мир с именем ученика Вагинова» (19 февраля 1936 г.).

⁸¹ Об этом Рудаков оставил вполне определенные свидетельства в письмах: в одном он, в аспекте теории, пишет: «Я мыслю анализ стиха только как продукта времени; авторы, даты и проч. — частности, из которых складывается вывод о целом» (23 июня 1935 г.), в другом, как поэт, многозначительно замечает: «А стихи, что должны быть написаны (в русской поэзии, и кем — неизвестно)...» (20 апреля 1935 г.).

⁸² *Иванов Г.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 617.

⁸³ *Мочульский К. О.Э. Мандельштам // Воспоминания о Серебряном веке.* М., 1993. С. 271.

⁸⁴ *Листки из дневника.* С. 197.

⁸⁵ В стихотворении «Айя-София», см. примеч. к нему в кн.: *Мандельштам О.* Камень. Л.: Наука. 1990 (Лит. памятники).

⁸⁶ По ее пометам в экземпляре «Tristia» Мандельштама (позднее был приобретен С.Б.Рудаковым и находился в его библиотеке) ею было предложено и Мандельштамом принято «уложенных» в стихе «На розвальнях, уложенных соломой...» вместо первоначального «осыпанных»; после ее замечания о том, что «волы и ягнята — не плодятся», соответствующее слово было заменено на «водились» («Торжественное слово "мир"...». 1916); эти сообщения Цветаевой подтверждаются черновиками из архива Мандельштама (см.: *НБП.* С. 542).

⁸⁷ В примечаниях к текстам настоящей публикации ссылки на этот фонд даются с указанием только единицы хранения.

Ли́ка, если я вчера не вернулся бы домой в 10 мин. второго (а в половине второго гасится свет), вчера было бы написано замечательное письмо.

Но так даже лучше. Все расскажу дома, когда приеду. Все: это вид на степь за железную дорогу и непомерно разлившуюся в половодье Ворону,¹ это очень быстро наступивший вечер, наступивший и тянувшийся в полусумраке долго. Потом ночь.

Шницель и какао в кафе, а потом сиденье на самодельном диване в покосившейся комнате, примус, необыкновенно легко разжигавшийся, хождение вдоль покосившегося пола.

В крошечную черную ночь уход домой через заднюю балконную дверь домика, стоящего на окраине железнодорожного поселка.² <...> Линуся, понятно или нет? Ли́ка — это Мандельштам. Гр(игорию) Моис(еевичу)³ — передай генеральную благодарность — ведь это он мне сказал о нем. Я не знал, что он в Воронеже. Они (он и она, которая сейчас в Москве) приглашают нас и Анну Андреевну на дачу (они будут под самым Воронежем с 20—25/IV). А А(нна) А(ндреевна) придет 6—7/IV. Может быть, придет Яхонтов.⁴

Вот тебе и Воронеж!

А дела идут своим чередом. <...> Захожу в учреждения насчет службы. Не думай, что М(андельштам) мешает этому (мы ходили с ним вместе). А главное — он знаком с очень крупным архитектором города и сделает что можно.⁵ <...> Линуся, спиши для нас (!) хотя бы немного Вагинова, что передаст тебе Ирина.⁶ Пришли хоть 1—2 вещи. Еще — «Опыт соединения слов»⁷ — только без автографа. <...> Потом О(сип) Э(милевич) очень просит, если есть, «Современник» с Тыняновым⁸ — здесь его не достать. <...>

Чувствую себя изумительно. Кончилась молчанка. Можно говорить, думать. А думать молча я не умею. <...> Еще собираемся коллективно изучать колхозную архитектуру etc., etc.

Зима вчера кончилась, и на главной улице асфальт сух. Ворона напоминает океан, а улицы маленькие и боковые тонут в грязи. Но ручьев уже нет.

Сейчас 11 ч. утра, в половине двенадцатого — служебное свидание в Утюжке (Утюжок — здание, являющееся средоточием всех учреждений города, стоит в конце проспекта и имеет форму утюга — название официальное).⁹ <...>

¹ Ворона — местное название реки Воронеж.

² Нынешний адрес этого «домика» — 2-я Линейная ул., д. 1.

³ Григорий Моисеевич — Леокумович, ленинградский знакомый Рудакова; Рудаков поддерживал с ним переписку, посылал ему стихи Мандельштама; его адрес 18 августа 1941 г.: Ростов-на-Дону, Морская ул., д. 135, кв. 1 (см.: *Геримейн*. С. 156).

⁴ О Яхонтове см. примеч. 3 к письму от 18 апреля 1935 г.

⁵ Кто был этот знакомый Мандельштама, нам не удалось выяснить.

⁶ Ирина Борисовна Рудакова — сестра Рудакова, была замужем за братом поэта Константина Константиновича Вагинова, Алексеем (см. вступительную статью).

⁷ «Опыты соединения слов посредством ритма» — поэтический сборник К. Вагинова (Л., 1931).

⁸ Имеется в виду журнал «Литературный современник»; в нем в это время печатался роман Тынянова «Пушкин».

⁹ Здание было разрушено во время войны: на его месте было построено здание обкома КПСС.

4 апреля 1935

⟨...⟩ Кит, это в первый раз в жизни (не считаю Кости Вагинова, с которым этого тоже было немного) — когда я по-настоящему чувствую себя с другим (с мужчиной). ⟨...⟩ А сейчас важна схема отношений: мы вместе обедаем, читаем Щербину и Сумарокова,¹ его необычайнейшие новые стихи (до-воронежские...). На мои о нем, мои о моей концепции с Коневским и Гумилевым² — споры, в которых, Кити, чувствую свою огромную силу и правоту (вот бы это повторилось с Тыняновым!).

Углублять споры нецелесообразно, ввиду его нервности, и потому, что на 26 году литературной деятельности не обязательно он должен быть перевоспитан; это даже немыслимо. Я просто смотрю, как он мыслит, как говорит о других, судит. Это новая высокая стадия.

Особый вопрос о моих стихах, которые стоят, в сущности, в итоге исторической концепции. Моя сила — ее сознание — это очень много, достаточно, чтобы жить. Но я всегда с собою (?) и буду с теми, кто будет жить. Он мне так напоминает минутами Костеньку,³ что боюсь за него. А здоровье очень плохо. Лиана, а стихи, стихи — они будут у нас (написанных у него тут с собой нет, он запишет или продиктует), изумительны 8 восьмистиший.

Это не разговоры в «Европейской».⁴ Это жизнь равная, ровная, и со всеми своими качествами, с деньгами, калошами, комнатами и всем, всем человеческим.

Надо *всем, со всем*, несмотря на *всё* — гениальный поэт, написавший «Соломинку», «Венецкую жизнь».⁵ И не на эстраде, не в артистической. Важно в этом только одно. Каждый человек в известном смысле настоящим бывает не 24 часа в сутки, и вот такая близость дает видеть эти настоящие минуты, уловить которые у другого не хватило бы охоты. А я кроме всего прочего вижу в нем глубоко несчастного человека, привычки и манеры — все объяснимо.

Я заставляю его бриться и чистить на улице ботинки (это я-то, свинушка-то!). ⟨...⟩ Ему 43 года, выглядит гораздо старше (и старше), но, когда спокоен, — это тот Мандельштам, который нари-

сован в «Аполлоне» 21-го года и с хохолком⁶ (бороды нет, он брется!). (...)

¹ Щербина Николай Федорович (1821—1869) — поэт; Сумароков Александр Петрович (1717—1777) — поэт и драматург.

² Об этой концепции Рудакова см. в гл. 2 вступительной статьи, о Коневском также в примеч. 1 к письму от 12 мая 1935 г.

³ Речь идет о К.Вагинове.

⁴ В гостинице «Европейская» Мандельштам жил в феврале — начале марта 1933 г., когда приезжал в Ленинград для публичных чтений («вечеров») своих стихов. Ахматова писала: «Осипа Эмильевича встречали в Ленинграде как великого поэта (...) к нему в “Европейскую гостиницу” на поклон пошел весь литературный Ленинград (Тынянов, Эйхенбаум, Гуковский), и его приезд и вечера были событием, о котором вспоминали много лет...» (*Листки из дневника*. С. 200). Возможно, Тынянов и познакомил Рудакова с Мандельштамом.

⁵ Стихотворения «Когда, соломинка, не спишь в огромной спальне...» (1916), «Венецкой жизни, мрачной и бесплодной...» (1920).

⁶ Вероятно, речь идет о рисунке П. Митурича, помещенном на вклейке в № 4—5 «Аполлона» за 1916 г.

6 апреля 1935

(...) У меня есть комната, т.е. те 1/2 комнаты с артистом, о которых писал. Вещи уже там, сегодня первый раз буду спать дома. Эту ночь спал у Осипа Эмильевича. (...) Уже достал макинтош — тут весенняя жара. Теперь только забота о службе и деньгах: комната — и сказочно дешевая — есть. (...)

Вчера были на концерте скрипачки Бариновой¹ (с Мандельштамом, бесплатно). У нее невероятный цветаевский* темперамент, 22-х-летняя молодость и неартистическая живость. А вот и мое достижение. После года или более М(андельштам) написал первые 4 строки. О ней, о Бариновой, после моих разговоров —

Играй же на разрыв аорты
С кошачьей головой во рту.
Три черта было, ты четвертый,
Последний, чудный черт в цвету.

Это должно стать концом 6-ти-строфной вещи, у которой дома появилось и начало:

За длиннопалым Паганини
Бегут цыганскою толпой
Все скрипачи.

Я говорю, что лучше длиннопалым (пал — в смысле пальцы слишком близко к беспалым, трехпалым, etc.).

Пишу сейчас у Мандельштама. Балконная дверь раскрыта, против нее стоят облака. О(сип) Э(мильевич) говорит, что это ненаписанная картина Рафаэля — готов фон.² (...)

Дом на горе. Вид на «Подол»³ и невероятно разлившуюся, но уже мелеющую Воронеж. Время от времени проходит поезд. Пишу на Сумарокове.

О(сип) Э(милевич) переводит «Иветту»⁴ (и злобствует от нелюбви). (...)

* Когда я это сказал, О(сип) Э(милевич) удивился, откуда я могу так угадать действительное сходство с Цветаевой, когда я ее не видел. А ритмы-то стихов!

¹ Барина Галина Всеволодовна (род. 1910) — скрипачка, гастролировала в Воронеже вместе с Леонидом Луговским (баритон) и пианистом Александром Дедюхиным. Концерт был анонсирован в зале Музтехникума (Пр. Революции, 41), см.: Коммуна (Воронеж), 1935, 5 апреля.

² Эти впечатления воплотились несколько позднее в стихе: «И плывет углами неба восхитительная мощь...» («Улыбнись, ягненок гневный с Рафаэлева холста...», 1937).

³ Подол — прибрежный район в Киеве, здесь по аналогии.

⁴ «Иветта» — новелла Мопассана; Мандельштам переводил ее по договору с ГИХЛом от 3 марта 1935 г.

7 апреля 1935

(...) Спасает О(сип) Э(милевич), у которого и с которым масса забот. Он чувствует себя ужасно плохо и выдумывает все болезни, не исключая, кажется, женские. Он просто ребенок. Подробно — расскажу устно. Забыть это нельзя.

Наверно, 9-го придет Анна Андреевна. Надежда Яковлевна (жена О(сипа) Э(милевича)) придет позднее. Я и рад — она мне тогда еще не понравилась.¹ (...) Сегодня водил О(сипа) Э(милевича) к профессору-терапевту. Тот ему ничего толком не сказал, а дитя успокоилось. Вечером я сидел у Т.А. и К^о,² а он, наверное, нервничал один. То ругает, то хвалит «Иветту» — и страшно быстро и гладко ее переводит, но скоро утомляется. Кिति, я счастлив, что взял VIII том Сумарокова.³ Еклоги — одно успокоение (именно они) — пастушья любовь всегда по одной схеме — сомнения, терзания, объяснения, и сама любовь со страшно благополучным концом. Их 157 страниц. М(андельштам) злится, а я в восторге —

Зефиры дули ей в распущенны власы,
И умножали тем сей девушки красы.
Ему лицо ея давно уже приятно;
Но в действии таком приятней многократно.⁴

¹ Речь идет о времени знакомства Рудакова с Мандельштамами, см. примеч. 4 к письму 4 апреля 1935 г.

² О ком пишет здесь Рудаков, установить не удалось.

³ Речь идет об издании: *Сумароков А.П.* Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе. 2-е изд. Ч. 1—10. М., 1787.

⁴ Неточная цитата из эклоги «Констанция» («Констанция любовь горячу ощущала...»), помещенной в вышеупомянутом томе Сумарокова.

8 апреля 1935

Китуся, живу в своей новой комнате (Воронеж, пер. Достоевского, 24 (...)). Читал О(сипу) Э(милевичу) Вагинова, он страшно протестовал против сего, кроме последнего стихотворения (про ветер, снег и умиранье соловья), которое ему чрезвычайно понравилось: «Вот это настоящие *посмертные* стихи»...¹ (...) Рад Кутузову² — он хорошо дополняет моих пред-символистов (купила ты его за 40% цены!) (...) Лица, даже страшно и жутко от огромности моих мыслей, от масштабов планов. М(андельштам) сперва лез в бутылку («Что это, карманная история лит(ературы)?»). Но тут-то и начала вскрываться моя сила, его (как ни страшно) консервативная беспомощность. В деталях я его бью его же стихами! Вот — речь о Сумарокове, которого он, в сущности, как и все, кроме меня и Гуковского³, не знает. По моей концепции, Сумароков в атмосфере 60-х гг. XVIII в. по-своему аналогичен Гумилеву, т.е. работает не на речевых новшествах (как Хлебников или, условно говоря, Державин и другие фольклористы 70—80-х гг.), а на игре готовыми и прозрачно литературными элементами и приемами (романс, песня, эклога, etc., etc.). Мандельштаму это *не ясно*. А вот его стихи:

И вслед за тем, как жалкий Сумароков
Пролепетал заученную роль,
Как царский посох в скинии пророков
У нас цвела торжественная боль.
(О Озере).

Стихи, кажется, 1916 (года).⁴ Я говорю: «Видите, вы сами, стиховно, правда, порицая Сумарокова в пользу Озерова,⁵ поняли его литературствующую роль. Теперь ясно, что это надо проверить научно и увязать исторически?» Ответ? «Ясно». Лица, он хорохорится, но смертельно боится Гумилева. Делает вид, что обожает Пастернака. У него есть Державин (Библиотека поэта).⁶ (...) Между прочим, интересная комическая подробность: М(андельштам) переводит «Иветту»⁷ и много со мною советуется, думая, что я плохо (?)⁸ знаю французский язык (но все же знаю), а я, с присущей мне гениальностью, прослушав французскую фразу и из полуслов поняв смысл, даю наиболее удачный перевод. Честное слово! Он воспевает мое знание русского языка (которому я не удивляюсь), а я чувствую себя «переводчиком», не зная языка французского. (...)

¹ Речь идет о стихотворении «Норд-ост гнул пальмы, мушмулу, маслины...» (1933) из цикла «Звукоподобие» (см. примеч. 1 к письму от 12 мая 1935 г.)

² Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1848—1913) — поэт; о какой его книге идет речь, неясно.

³ Гуковский Григорий Александрович (1902—1950) — филолог; возглавлял группу по изучению русской литературы XVIII в. в ИРЛИ; принимал участие в издании Сумарокова в 1935 г. (см. письмо от 17 июня 1935 г.).

⁴ Из стихотворения «Есть ценностей незыблемая скала...» (1914).

⁵ Озеров Владислав Александрович (1769—1816) — драматург. В том же стихотворении Мандельштама:

И для меня явленье Озерова —
Последний луч трагической зари.

⁶ *Державин*. Стихотворения / Ред. и примеч. Гр. Гуковского. Вступ. статья И.А.Виноградова. Л., 1933. «Библиотека поэта». Большая серия.

⁷ См. примеч. 4 к письму от 6 апреля 1935 г.

⁸ Знак вопроса поставлен Рудаковым.

9 апреля 1935

Линуся, воронежский быт уже устойчив. В ожидании моего документного оформления, а следовательно, окончательного разговора о службе — живем «беззаботно», а именно так: часам к 12 я прихожу к М(андельштаму) (это от моего дома три хороших трамвайных остановки; причем третья остановка уже пригородная, за полотном ж(елезной) дор(оги)). Там повторный чай после первого утреннего. Его перевод, мое чтение (вчера Языкова, которого он, вместе с Батюшковым, привез из Москвы; Языков 1833 года, тот же, что у меня с подписью — «помнишь?!»). На балкон выходим без пальто. Дерево, растущее рядом с балконом, наклоняет свои ветки, а на них огромные почки — из которых торчат зеленые, еще свернутые в трубку, листы. Пока зелени нигде нет — хочу заметить ее первое появление. (...) Потом идем гулять. Пешком до Петровского сквера (путь к моему дому). Там стоит идиотский Петр с простертой рукою; в другой руке якорь; у подножия еще якорь. М(андельштам) зовет его П(етр)-якорник. Сад маленький, за ним спуск к реке, видна заречная часть; перед Петром неработающий фонтан. Из садика деловые походы М(андельштама) с совместным заходом на почту за моими письмами (если с вечера письмо опоздало — я захожу утром до М(андельштама). Походы к знакомым, в магазины, на телефонную станцию (его разговоры с Москвой). (...) В середине дня обед. Иногда вместе, иногда раздельно, т.к. он ходит в диетическую столовую. (...)

¹ Речь идет об издании: Стихотворения. СПб, 1833. Экземпляр Рудакова ныне находится в ИРЛИ.

10 апреля 1935

(...) М(андельштам) взял «Современник» и ранее всего кинулся на Степанова, а у того и вообще-то вздор написан, да к тому же дважды

и беззубо обруган М(андельштам) (правда, периода 1920 года).¹ Он совсем скис. А от Тынянова пришел в раж от отвращения.² Я его чуть-чуть понимаю: Тынянов — это языковая работа со старыми пластами ((18)20 — 30 г(одов)), а многим тут тесно и душно становится. М(андельштам) — подобно мне — любит его малые вещи — «Киж» и «Витушишников». ³ А тут с тетками, правда, понакручено.⁴ Но целиком мне доставило радость. А М(андельштам) неугомонен.

Переводя «Иветту», он разъярился окончательно и сказал бесмертную фразу: «Что французы?.. О чем можно говорить с французом? Это кошка, *оповишаяся* валерьяном. У них один Мериме чего-нибудь стоит». (...)

Далее вечером вышел с ним грандиозный разговор о моих стихах. Хуже, чем в Европейской гостинице. В чем дело? — Не понимаю. Он обо мне говорит с таким непониманием, как худшие читатели мира о нем самом. Единственная истинная истина, что 90% моих вещей — о стихах и узком литературном круге ассоциаций. Это (и мы согласны) близит нас с Вагиновым. Но дальше, прости, но вздор. Много блеска, ума, но все зря. Это сейчас говорит моя святая вера в себя. А он вроде барана — уперт. Поверить, что стихи плохие или даже далеки от его стихов, — немыслимо. Он меня «пугает» Тихоновым (что я на него похож).⁵ Если бы он был М(андельштам), но не О.Э., или О.Э., но не М(андельштам), — я его послал бы к лешему. А сейчас надо воспитать, обратить. Он меня дополнительно шлет к Ахматовой и... Пастернаку (вот за последнее спасибо?! Чтобы мы передрались взаправду). (...)

¹ В статье «Заметки о поэзии» (Лит. современник. 1935. № 1; кстати, статья под таким же названием входит в книгу Мандельштама «О поэзии») Н.Л. Степанов писал, что эпиграфом к эпигонской поэзии, не замечающей свою эпоху, можно поставить стихотворение Мандельштама «Я слово позабыл, что я хотел сказать...» (с. 145). Здесь была скорее нарочитая двусмысленность, чем прямой выпад против Мандельштама. Еще менее «ругательно» дальнейшее рассуждение, в котором Степанов, говоря о разной роли темы, противопоставляет сюжетной поэзии «беспредметную лирику типа стихов Мандельштама», а также лирику Блока и Есенина (с. 146). Социальный контекст обусловливал, однако, не типологическое, а оценочное понимание определения «беспредметная», чем и объясняется реакция Мандельштама. Оценка Рудакова («беззубо обруган») передает двойственность характеристик Степанова (недвусмысленно он обрушивается в той же статье на альманах «С Маяковским»). Ср. полемику со статьей «Слово и культура» в докладе Н.Тихонова о ленинградских поэтах на писательском съезде: Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М., 1934. Репринтное воспроизведение. М., 1990. С. 504—505. Мандельштам здесь не назван по имени (Тихонов цитировал «одного старого поэта»), относительно толерантная полемика (малопопулярная для тех, кто не помнил статьи, т.е. для большинства аудитории) могла быть истолкована и против Мандельштама, и в качестве попытки напомнить о нем как о старшем литературном современнике; двумя днями ранее в речи А.Толстого был сделан резкий выпад против Гумилева, Городецкого и Мандельштама времен первоначального выступления акмеистов. Другую полемическую цитацию «Слова и культуры» см.: Гофман В. Язык литературы. Л., 1936. С. 92.

² В «Лит. современнике» (1935, № 1) начал печататься роман Тынянова «Пушкин».

³ «Подпоручик Кижже» (1928) и «Малолетный Витушишников» (1933) — произведения Тынянова.

⁴ Имеется в виду занимающая большую часть указанной публикации первая глава романа, где на густом бытовом фоне речь идет о семействе Пушкиных и их родне.

⁵ Н.С.Тихонов (1896—1979) испытал сильное воздействие поэзии Гумилева и считался его учеником. Корреспондентка Н.Берберовой в письме к ней (между 1922 и 1924) привела «отзыв» Мандельштама на цикл Тихонова «Орда»: «Здравия желаю акмеизму» (*Берберова Н.* Из петербургских воспоминаний: Три дружбы // *Опыты.* Нью-Йорк. 1953. Кн. 1. С. 166).

11 апреля 1935

⟨...⟩ О(сип) читает Совр(еменник)-2 (приручается к Тынянову, хотя и фырчит).¹ О стихах спор принимает замечательный оборот. В новой функции всплывают акмеистические (!) традиции и навыки. Это сверх всего сделанного за последние годы. Отсюда и полемика. А в деталях — на моего Державина — читал своего (замечательнейшего, но являющегося развитой параллелью моего, правда, с **моралью!**!?!..).² Какая, Кит, безумная сила за Гумилевым, победа ведь за ним. Гениальнейший М(андельштам), со всем своим параболическим путем вышел из *Школы* и придет к нему. Но стихи, стихи — чудо — за них можно полжизни отдать. ⟨...⟩

¹ В № 2 журнал «Лит. современник» поместил продолжение романа «Пушкин» (см. примеч. 2 к письму от 10 апреля 1935 г.)

² Рудаков подразумевает свое стихотворение «Державинская ночь», упоминающееся также в письме от 7 февраля 1936 г. (текст стихотворения не найден). Стихотворение Мандельштама, которое может быть предположительно идентифицировано в данном контексте, — «Грифельная ода» (1923).

12 апреля 1935

⟨...⟩ Зашел днем М(андельштам). Обедали в ресторане, т.к. его столовая (откуда он мне в кастрюльке носит обед, т.к. меня прикрепить не удалось) по случаю выходного — закрыта. Ждали обеда — он переводил, я читал Тынянова. Потом переспорились на высокие темы, кончившиеся, конечно, моими стихами. О сути после.

Сняли ему новую (в центре) комнату¹ (той срок кончился). ⟨...⟩ М(андельштам) и Вагинов: приручился, уже жалеет, что мало (я тоже). ⟨...⟩

¹ Комната в доме на углу пр. Революции и ул. 25 Октября (разрушен во время Великой Отечественной войны, см.: Штемпель. С. 73).

13 апреля 1935. Утро

⟨...⟩ Сверх сроков опаздывают А⟨нна⟩ А⟨ндреевна⟩ и Н⟨адежда⟩ Я⟨ковлевна⟩ — и он нервничает. Так что мы поочередно утешаем друг друга делами московскими и ленинградскими. Ждем № 3 «Современника». В первых номерах отчаянные стихи, которые жесто-ченно читали вместе.¹ Сегодня его увижу только после пяти, т.к. собираюсь пойти насчет паспорта и, может быть, работы.

¹ В № 1 журнала «Лит. современник» помещены стихи: *Саянов В.* Охота (отрывок из поэмы «Ледяной сказ»); *Прокофьев А.* Четыре стихотворения («Мне не жаль, что друг женился...», «Не гадал, что ныне затоскую...», «Как эпятъ мы стали спорить...», «Наклонился вечер, хмур и темен...»); *Браун Н.* Стихи о любви («Когда мой день победой обозначен...», «Мне руки твои...», «Ты входишь, как смута...», «Ты уйдешь. Будет северный май...»); *Решетов А.* Анна Петровна («В этот прозрачный полдень...»). В № 2: *Кутатели А.* Алисмерети (пер. с груз. Н.Тихонова); *Гитович А.* Три стихотворения («Это, наверно, зима сама...», «Азиатской тропы повороты...», «Так меня планета поучала...»); *Лифшиц В.* Тиль поёт («Заснув под кустами, он встал на заре...»); *Рывина Е.* «Между прочим, я считала...»; *Азаров В.* Весна и четыре стакана крови («Лиса, увязая, ходила по снегу...»).

13 апреля 1935. Вечер

⟨...⟩ Часов в 6 у М⟨андельштама⟩. Застал некоего Калецкого¹ (ученика Шкловского, знакомого Обломиевского, Гинзбург,² Гуковского; etc., etc.). Он в Воронеже уже 1 1/2 года (обживает) и завидует авторитетности моих мечтаний о Л⟨енинграде⟩. Сейчас он доцент педвуза и учитель девятилетки. ⟨...⟩ Жена у него в больнице,³ сидели втроем, пили чай, говорили. ⟨...⟩ Здесь он «готовил» Кольцова, который лопнул. ⟨...⟩

Мы (больше я) говорили, а М⟨андельштам⟩ слушал, и чувствую, что на косвенном материале (т.е. не на прямой беседе — полемике с ним) он постепенно привыкает к моим принципам. Но острит, что я так люблю все третьестепенное (Щербина etc.), что он за себя боится. Мы вместе зачитываемся Комаровским⁴ и ждем для этого А⟨нну⟩ А⟨ндреевну⟩ (!). Интересный момент: К⟨алецкий⟩ спрашивает, а что можно сказать о Комаровском (дело в том, что М⟨андельштам⟩ просто рассуждает — человеку удалось написать нужные вещи, и близок скорее к социологии, чем к истинной ист⟨ории⟩ лит⟨ературы⟩, хотя все понимает). Я отвечаю: он, *по моей концепции*, является одним из очень чистых в типовом смысле акмеистов (!) раннего периода этого течения. (Биографически Комаровский был чужд, а может быть и враждебен акмеизму). М⟨андельштам⟩ ворчит («не приемлет» Комар⟨овского⟩ в акмеисты)⁵, а я свое — и не опровержимое. Он после пары оговорок сдается.

Рад, что нашелся Калец(кий). Он вполне квалифицирован для разговоров. Может быть, и для совместного дела (он тут понемногу печатает статьи). Шли к трамваю асфальтовыми тротуарами — стук каблучков напоминал Ленинград. <...> Да, страшно рад: у Калецкого безграничное уважение к «Проблемам поэтического яз(ыка)» Тынянова. <...>

¹ Калецкий Павел Исаакович (1906—1942) — литературовед. Окончил литературное отделение 1-го МГУ (1930). С 1936 г. — доцент Ленинградского Педагогического института им. А.И.Герцена. Умер во время блокады Ленинграда от дистрофии. Из Москвы был выслан и поселился в Воронеже весной 1933 г. (см.: *Нерлер П. Павел Калецкий и Осип Мандельштам // Жизнь и творчество О.Э.Мандельштама. Воронеж, 1990. С. 63*). Преподавал в Воронежском педагогическом институте, готовил кандидатскую диссертацию («Исторические песни XVI—XVIII веков», защитил в 1936); принимал участие в деятельности воронежского отделения Союза писателей, помещал статьи и рецензии в «Подъеме» и «Коммуне» (см.: *Нерлер П. Ук. соч. С. 63*), в частности — о поэте Алексее Кольцове (Подъем. 1934, № 4—5 и Коммуна. 1934, 17 окт.). О своем знакомстве с Мандельштамом писал М.А.Гецову 18 января 1935 г.: «Ты спрашиваешь о Мандельштаме? Рассказывать о нем надо много и долго. Очень умный, путаный человек, с гениальными иной раз высказываниями, говорящий о стихах как о своем хозяйстве, практически неумелый — как ребенок, вспыльчивый, взрывающийся как бомба при легчайшем споре — он очень трудный и обаятельный человек. Иной раз его замечание — это чистый клад, над которым надо сидеть и сидеть, иной раз остроумный афоризм, которым прикрывается все же бессодержательность. Живет он неважно, хотя ему в лечении идут навстречу. Числится он консультантом при «Подъеме» и получает жалованье. Его по существу жалко, впрочем, он и сам в этом виноват. Встречи с ним бывают интересны и представляются ярким пятном на фоне серости человеческого материала в Воронеже» (цитируется по вышеуказанной статье Нерлера). Давая объяснение (ок. 1937 г.) по поводу своих неблагоприятных связей, Калецкий писал: «Из перечисленных в письме лиц, с которыми я был якобы связан, я был знаком со Столетовым, который работал в С(оюзе) С(оветских) П(исателей), и Мандельштамом. С последним я познакомился в Воронеже, когда он и его жена оказались единственными людьми, которые оказали мне большую и добрую человеческую поддержку во время болезни и при смерти моей жены, в то время как никто из моих воронежских коллег по ССП не счит нужным заинтересоваться моим положением, и за эту поддержку я Мандельштамам глубоко и искренне благодарен» (Нерлер П. Цит. соч., с. 69).

² Шкловский Виктор Борисович (1893—1984) — филолог, один из основоположников ОПОЯЗа и «формальной» школы; Обломиевский Д. — см. примеч. 1 к письму от 9 ноября 1935 г.; Гинзбург Лидия Яковлевна (1902—1990) — филолог, ученица Ю.Тынянова и Б.Эйхенбаума.

³ Жена Калецкого — воронежская писательница Канина Зоя Георгиевна (1912—1935), о ее болезни и ранней смерти см. в письмах от 19 и 20 июня 1935 г.

⁴ Комаровский Василий Алексеевич (1881—1914) — поэт; жил в Царском Селе. Дружил с Гумилевым, который пытался привлечь Комаровского в Цех поэтов (см. письмо от 10 февраля 1936 г. и примеч. 4 к нему).

⁵ К вопросу о месте поэзии Комаровского см.: *Топоров В. Две главы из истории поэзии начала века: 1) В.А.Комаровский: 2) В.К.Шилейко: (к соотношению поэтики символизма и акмеизма) // Russian Literature. 1979. Vol. VII. Jss. 3.*

15 апреля 1935

⟨...⟩ Вчера не писал, т.к. очень задержался у М(андельштама). День был такой. ⟨...⟩ У М(андельштама) день шел в ожидании его тел(ефонного) разговора (Москва с 4 до 6). Была перегрузка линии, и ему не дали. Он так изнервничался, что чуть с ума не сошел. К его счастью, удалось «зайцем» проскочить вечером, и он договорился.¹ Приезд дам² из Москвы еще отложен — теперь до 18(го).

Дома коллективно жарили яичницу из 6 яиц, напились сладкого чаю с булкой и маслом, и, увы! — оказалось 11 1/2 часов вечера. А у нас подошло чудное и разговорное настроение. Начали с Комаровского, кончили мною. Важно, что я пришел в раж и стал на нем (на М(андельштаме)) демонстрировать свои позиции: эволюция поэзии от Надсона (от нуля) до Гумилёва и Мандельштама. Небо его сознания проясняется. Но увы, не без наивностей. Он говорит: «Так скажите, в чем же общая суть, в 2-х словах». А надо для этих двух слов написать тома. А в деталях договоренности, хотя он страшно заражен акмеистической кружковщиной, спорит иногда из-за слов — и прочее. Но вчерашний разговор кончился признанием существования системы литературы по моему образцу. Так хочется работать и воплотить все нужное. Ведь он только *не понимал*, а когда будет сделано, не поймут только безграмотные. ⟨...⟩

¹ В значении «дозвонился».

² Имеются в виду Н.Я.Мандельштам и А.А.Ахматова.

17 апреля 1935. Утро

⟨...⟩ У М(андельштама) — тревоги — переезд на новую квартиру и ссоры с хозяином,¹ а Н(адежды) Я(ковлевны) еще нет (будет 20(го)). Я его увещаваю, а он с ума сходит. Пишу сейчас сидя у него. Жаль, что ты не увидишь этой комнаты, в новой будет не то. ⟨...⟩

О Заболоцком он молчит, а потом мрачно ругается.²

¹ Имеется в виду Евгений Петрович Вдовин, агроном, хозяин квартиры на 2-й Линейной ул. (см.: *Штемпель*. С. 71). Об этой квартире и Вдовине — «обиженном хозяине» — сочинены стихи «Я живу на важных огородах...» (апрель 1935 г.). См. также: *Воспоминания*. С. 122.

² Вероятно, в этот день началось обсуждение стихов Н.А.Заболоцкого (см. далее в письмах).

17 апреля 1935. Вечер

⟨...⟩ М(андельштам) сейчас хочет писать доклад (он же статья) о формализме. Вот где тут я — порочный ученик Т(ынянова),¹ Ш(клов-

ского), Э(йхенбаума) и К°, или продолжатель их дела, или создатель новых отношений, — даже после всех наших разговоров не ясно ему. Консерватизм — ужасная вещь. Когда его пришибешь на его же материале, на знакомом круге тем — он опоминается, но частично, эпизодически. А в целом человек, которому можно ставить бронзовый монумент, и они оба будут равно неподвижны и почтенны. Я счастлив, что не встретился с Гумилевым. У него это было бы невыносимо. У М(андельштама) это ясно еще с Европейской гостиницы. (...)

Близость М(андельштама) столько дает, что сейчас не учесть всего. Это то же, что жить рядом с живым Вергилием или Пушкиным на худой конец (какой-нибудь Баратынский уже мало). Масса мыслей вокруг этого, мыслей, которые в мировоззренческом аппарате встают сейчас на место. (...) Важно нечто неуловимое, а не сами литературные мелочи. Хотя есть и они (то, что надо запоминать для анекдота, для биографической детали).

Сегодня — опять о рельсах, что видны с балкона, и о том, скоро ли нас повезут поезда. А он говорит:

Я семафор со сломанной рукой
У полотна воронежской дороги

(у него сломана правая рука выше локтя).² (...)

¹ Об отношениях Рудакова с Ю.Н.Тыняновым см. во вступительной статье.

² Перелом руки поэт получил в Чердынской больнице, когда у него развилось галлюцинозное состояние из-за предшествующего тюремного заключения; он выпрыгнул из окна палаты (см.: *Воспоминания*. С. 54). Этот эпизод отразился в «Стансах» (1935): «Прыжок — и я в уме...».

18 апреля 1935

(...) Да, а «Иветта» (или «Иветтка», как говорит О(сип) Э(милевич)) — Мопассана. Она уже кончена. (...) В мае он уже не хочет переводить, а будет писать статью о помянутых формалистах.¹

Тут был вечер памяти Маяковского (с Яхонтовым).² Резонанс ужасный, и Яхонтов не звучал. Он был перегружен выступлениями, а М(андельштам) еще его адрес спутал, и лично его не видели.

Сегодня были в летнем театре на Гауке (Брамс и Вагнер, с которого удрали, т.к. на дневное «представление» — набились дети, которые не давали слушать).³ Много лиц, внешне знакомых по Филармонии. (...)

¹ Этот замысел, по-видимому, не был осуществлен.

² Яхонтов Владимир Николаевич (1899—1945) — создатель жанра «театр одного актера»; друг Мандельштама (см. очерк «Яхонтов», 1927). Гастрольные поездки в Воронеж он избирал, чтобы повидать Мандельштама. Об одной из их «забав», касав-

шейся вновь полученного ссыльным поэтом паспорта, писала Н. Я. Мандельштам: «Он вставлял в свой монтаж отрывки из “Советского паспорта” (Маяковского) и, вытащив свой из кармана, потрясал им, глядя прямо на О. М. А тот вытаскивал (свой) — любимый и новый, и они обменивались понимающими взглядами...» (*Воспоминания*. С. 113; см. также: *Герштейн*. С. 45; *Штемпель*. С. 16, 20). Упомянутый вечер состоялся в зале Музтехникума 15 мая.

³ Гаук Александр Васильевич (1893—1963) — композитор и дирижер. 18 апреля дал концерт (вместе с Воронежским симфоническим оркестром) в Первомайском театре.

20 апреля 1935

⟨...⟩ А 17, 18, 19, 20 — дико работает М(андельштам). Я такого не видел в жизни. Результаты увидишь.¹ ⟨...⟩

Итог — такой: или ничего (кроме стихов) не будет — или будет книга моя о М(андельштаме). Или сейчас уже статья в местном журнале. На расстоянии это несоизмеримо и нерассказуемо. Я стою перед *работающим* механизмом (может быть, организмом — это то же) поэзии. Вижу то же, что в себе — только в руках гения, который будет значить больше, чем можно понять сейчас. Больше нет человека — есть Микель Анджело.²

И здесь вещь — непонятная, необъяснимая, но прекрасная. Лица, — он делает то, что я начал делать полтора года назад. Астрономически то. Он не видит и не понимает ничего. Он ходит и бормочет:

«Зеленой ночью папоротник черный».³

Для 4 строк — произносится 400. Это совершенно буквально.

Он ничего не видит. Не помнит своих стихов. Повторяется, и сам, отдела повторения, пишет новое. Бесится на мои стихи.

А говорит: «У меня нет союзников — только вы делаете то же». И тут же анафема и проклятия, отречение, бунт. ⟨...⟩

А дело вот какое: *сейчас нужны уже стихи с буквальным названием современности*, и такой силы, как «Медный всадник» о Фальконе у Пушкина.

И вот — поворот у меня:

Первый год повторной пятилетки (помнишь?).⁴ Вот эта растворенная лексика есть начало. Он хочет того же. И первый огромный барьер не взял, но дал прекрасные *приближенные вещи*. И главное — при теоретическом согласии (подчинении мне!). Мы шли ведь очень разными путями. И вот его стихи — акмеизм etc. (т.е. историческое прошлое), мои — непроявленная линия и для него звучат как повтор. А стихи, что должны быть написаны (в русской поэзии, и кем — неизвестно) — задуманы одинаково нами — и мною начаты раньше. Можем это только мы двое (вернее, один из нас). Еще предстоит великолепная жизнь. И такая работа, какой свет не видел. Я изучаю

дивную конструкцию, секрет которой сокрыт для смертного, изучаю живого Мандельштама. <...>

¹ В эти дни были написаны (или начаты) почти все стихотворения «Первой воронежской тетради».

² Микель Анджело Буонаротти назван Мандельштамом в стихотворении «Я должен жить, хотя я дважды умер...» (апрель 1935).

³ Стих закрепился в стихотворении «Мир начинался страшен и велик...» (апрель 1935).

⁴ Возможно, Рудаков говорит здесь о своем (несохранившемся) стихотворении.

21 апреля 1935

Китуся моя, завтра приезжает Н(адежда) Я(ковлевна). <...> А(нна) А(ндреевна) приедет позднее (в мае?). Выяснилось это только сейчас, вечером, после его звонка в Москву. Он пришел просто в отчаяние: он хотел ей сейчас показать новые вещи; вообще, она была необходима. Он сегодня переехал в центр.¹ Я простился с комнатой, с балконом, и неповторимым видом за реку через полотно железной дороги. Знаешь, эти 20 дней такая эпоха, что не мог оторваться от ее пейзажа (это второй отъезд с Александровского²). Говорю якобы о нем, а на самом деле о себе, о своем мире. Я получил от него сегодня подарок (?), угадай — какой.³ <...>

¹ См. примеч. 1 к письму от 12 апреля 1935 г.

² Из квартиры на Александровском пр. (тогда он был уже переименован в пр. Добролюбова) в Ленинграде, где он жил с первой женой, Рудаков переехал к Л.С.Финкельштейн.

³ Что имеет в виду Рудаков, установить не представилось возможности.

22 апреля 1935

<...> Анна А(ндреевна) приедет во 2-ой половине мая (ее задержали учебные осложнения сына в Ленинграде.....). О(сип) Э(мильевич), пока не знал причины, был так разобижен, что убрал «Четки» и «Белую стаю»,¹ которые мы накануне читали, в... бельевую корзину! Выяснилось это случайно, и он смущенно признался.

Н(адежда) Я(ковлевна) пробыла в Москве около месяца (на мое счастье). Они теперь живут в новой комнате, более тесной. И общий строй жизни — я думал — изменится.

Оказалось наоборот (это в смысле меня). Мы с О(сипом) Э(мильевичем) так привыкли друг к другу (чего при ней не произошло бы в *таких* формах), что разговоры и обсуждение стихов — вещь непреложная и постоянная. Сама Н(адежда) Я(ковлевна), не очаровавшая меня в «Европейской», — прелестная женщина, и главное качество в

том, что она *понимает* его стихи (не то что любит или знает, а разбирается, в них и вообще в стихах). Тут это уместно. <...>

¹ Сборники стихов Ахматовой.

24 апреля 1935

<...> А(нна) А(ндреевна) в Ленинграде. И одна ехать не хочет (боится, не умеет). Может быть, ты согласишься составить ей компанию? <...>

Сегодня был на семейном обеде у Мандельштамов — обед из телятины с изумительной картошкой и бутылкой столового вина. Первый тост О(сипа) Э(милевича) — «за наших жен». Потом был Калецкий. Конец вечера у него. Устал от шкловского формализма.¹

Насколько я новее! <...>

¹ Калецкий считал себя учеником В.Б.Шкловского (см. письмо от 13 апреля 1935 г.).

26 апреля 1935

<...> У М(андельштамов) так:

Она осознала, что мы привыкли быть вместе, и привыкла к этому. Но тут огромный вопрос.

Он с 17-го работает над стихами (в диком темпе). Каждые полстиха читаются мне. А здесь (см. письмо Григорию Моисеевичу!) куча моих требований, несколько ориентированных на мою стиховую поэтику, несколько объективных. Опять спор (жена боится²).

Вот одно из заключений: «Так помогал мне только Гумилев, но он был менее требователен и оставлял больше свободы³ — за всю жизнь это второй случай». <...>

Взял у М(андельштама) Фета и скучаю. Читал себе Щербину — хорошо, но долго не читается. <...>

¹ См. примеч. 3 к письму от 2 апреля 1935 г.

² Вероятно, жена боялась споров, вызывавших нервное перенапряжение.

³ Г. Иванов оставил мемуарное свидетельство об учительской роли Гумилева: «В дореволюционный период сильнее всего на него влиял Гумилев. Их отношения в творческом плане (в повседневной жизни их связывала ничем не омраченная дружба) были настоящая любовь-ненависть. “Я борюсь с ним, как Иаков с Богом”, — говорил Мандельштам» (*Иванов Г.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 618; см. также в гл. 3 вступительной статьи).

7 мая 1935¹

⟨...⟩ Мандельштамы — разволновались и хотели часов в 9 бежать ко мне. У него тоже вроде поворота — хотят устроить его в библиотеку консультантом по иностранной литературе. Боюсь, что это глупость. Надин едет завтра. ⟨...⟩

¹ Перерыв в письмах (с 26 апреля) объясняется тем, что на эти дни Л.С.Финкельштейн приезжала в Воронеж.

8 мая 1935

⟨...⟩ Сегодня уехала Надин. На вокзале она совсем расписиховалась и бедного Осюка извела до того, что он дрожащим голосом говорил: «Наденька, не сердись, ты ведь уезжаешь». И потерял палочку, которая, правда, нашлась в буфете. Его жалко страшно. Он притих и варил мне и себе какао. Перепачкал руки о кастрюлю, вытер их об лоб и ходил зеброй весь вечер. ⟨...⟩

9 мая 1935

⟨...⟩ У О(сипа) заминка с паспортом,¹ и он весь день мечется между воронежскими и московскими телефонами. Страдает из-за глупости, сыпет на себя куски горящих папирос, горит, пугается, тушится, проливает чай и чуть не плачет. Я, сколько могу, его успокаиваю. Перед последним звонком — целый час рассказывал эпизоды из строительной практики, и он вошел в норму и протрезвел. Пошел один на станцию, а я домой — немного поработать. ⟨...⟩

¹ В эти дни Мандельштам, лишенный паспорта при аресте, должен был его получить.

10 мая 1935

⟨...⟩ Киса, страшно существенные вещи с М(андельштамом). Паспорт утрясся. Надин (стерва) в Москве. И он постепенно успокаивается. И опять началась чудесная полоса. ⟨...⟩ Сейчас опять (и это счастливое отсутствие Надины, которая, в сущности, очень мешала) — сговоренность и сработанность, оговоренность. Опять нами говорят нужные вещи, меня достраивающие и его перестраивающие. ⟨...⟩ Еще при тебе он выкинул «Стансы». Потом он (с Надей) уничтожил все записи «Стансов» и начатого «Чапаева».¹ Он говорил, что они бред, и покушался на черновики, что у меня (не догадываясь, что они скопированы). Надька называла его «мой Гоголь» (в смысле

уничтожения «порочащих» рукописей) и радовалась. Я «Стансы» запомнить не успел. Сейчас осторожно — по строчке — косвенными вопросами вытягиваю из него их. Запоминаю и дома записываю (уже есть 32 стр(оки) из 46!²). Есть 9 стр(ок) «Чапаева». А когда у меня нащупывается текст — вижу, — он не так плох, но требует переработки в сторону удаления расхлябанности. Под мою диктовку он к вещам возвращается и закончит их, а у меня сохранится «проклятый» первый вариант, необходимый в своей обнаженности для моей работы. Пишу о том, чего ты не видела, так как был период потускнения и нервов (квартира, камни,³ психозная жена). Сейчас много-много нужного. Он настаивает, чтобы я в Москве зашел к Пастернаку. (...)

¹ «Домашнее» название стихотворения «День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...».

² В ныне известном тексте «Стансов» 44 строки.

³ Речь идет, вероятно, о коктебельских камешках (см. письмо от 29 июня 1935 г. и примеч. 2 к нему). С чем связано упоминание о них Рудакова здесь, из контекста не ясно.

12 мая 1935. Утро

(...) О(сип) все волнуется по поводу дел, и прояснения минутны. Огромная отрада от игры в шахматы с Калецким. Читаю Коневско-го¹ и буквально подавлен его изумительнейшими стихами (...). Читаем его вместе с М(андельштамом). Он делается тише. (...)

¹ Коневской Иван (наст. фамилия Ореус; 1877—1901) — поэт. Упомянут в «Шуме времени» Мандельштама. В Воронеже у Рудакова была книга Коневского «Стихи и проза» (М., 1904).

12 мая 1935. Вечер

(...) Днем спал у М(андельштама) — с 1 до 3. Потом читали Вагинова. Он злобствует, говорит, что это звукоПРЕподобие:¹ на отдельные вещи восхищается. Хвалит прозу его. Но, в сущности, боится сам себя. История здесь астрономически та же, что со мной. Именно, — где он видит вещи, близкие к себе эпохи 1908—1925 годов — он лезет в бутылку. А похожим ему мерещится любое упоминание Петербурга (Петербурга в широком смысле, и с целым пластом, ему присущим). «Разлагаться тоже надо уметь — небось, после Бодлера Вагинова не захочешь»...²

Сам готовит для радио «молодого Гете» (монтажный перевод из биографической прозы, «Путешествий», etc.)³ Халтура зеленая, а он бодрится, и мне его жаль, хотя все это весьма плачевно. В Москве дела тусклые. Отраднo, что здесь нет Надин. Без нее невпример

веселее (не могу ей простить историю с А(нной) А(ндреевной)).⁴ (...) Мы вечером зашли к Айчам⁵ — он уехал за город обломствовать, а она и ребенок лежат в гриппе. Живут они теперь в чудном месте — у реки почти — близко от старинных колоколен. (...)

¹ Пародируется «Звукоподобие», цикл стихов К.Вагинова (1930—1933), см. в кн.: Поэты группы «Обэриу» / Подг. текста В.Эрля, примеч. Т.Никольской. СПб., 1994 (Б-ка поэта. БС). Центральное стихотворение цикла — «Звукоподобие проснулось...» (1932) — печаталось при жизни Вагинова (Звезда. 1933. № 1). Рукопись цикла Рудаков привез в Воронеж (см. письмо от 8 апреля 1935 г.). Мандельштам приветственно отнесся к стихам Вагинова в 1926 г. (см.: *Гинзбург Л.* Человек за письменным столом. Л., 1989. С. 9; в записи дневника П.Лукницкого 23 марта 1926 г. — Звезда. 1991. № 2. С. 119); но по выходе «Стихотворений» Вагинова (1926) писал жене: «Нануша, вышла книга Вагинова. Какая-то беспомощная. (...) В печати хуже. Многое смешно» (*Собр. соч.* Т. 3—4. С. 232).

² Об избранном для сравнения с Вагиновым Шарле Бодлере Мандельштам писал: «Распад, тление, гниение — все это еще *decadence*. Но декаденты были христианские художники, своего рода христианские мученики. Музыка тления была для них музыкой воскресения. «*Chagogne*» Бодлера — высокий пример христианского отчаяния» («Слово и культура», 1921).

³ Текст этой «радиокомпозиции» помещен полностью в журнале «Театр» (1989. № 12). См. также: *Алексеева Е.В.* Радиопередача О.Э. и Н.Я.Мандельштам «Молодость Гете» // Осип Мандельштам: Поэтика и текстология: Материалы научной конференции 27—29 дек. 1991 г. М., 1991.

⁴ Какую именно «историю» имеет здесь в виду Рудаков, неясно; возможно, «история» имела место во время приезда Л.С.Финкельштейн в мае.

⁵ Айч Натан — ссыльный литератор, один из его рассказов («Бай») был помещен в «Подъеме» (1934. № 9); других сведений о нем и его жене получить не удалось. Его имя вместе с именами Мандельштама и Стефена (см. последующие письма) упоминала О.Кретова в разоблачительной статье (см.: Коммуна. 1937. 23 апреля), где они аттестовались как «троцкисты» и «классово-враждебные люди».

13 мая 1935

(...) Оська просто с ума сходит. У него дня два началась какая-то перегруженность практическими делами. (...) Опять у О. все болезни мира: воспаление челюсти, т° 37°; несуществующий туберкулез; на почте его какая-то гражданка ткнула ручкой двери в правый бок (почти в живот) — он стал стонать, бодро дошел до Петровского сквера, все собираясь ложиться по этому поводу в больницу, — решил, что у него будет или перелом ребра, или воспаление легких от ухаба. Бодро дошел домой, все говоря, что ходить не может (вечером он сговорился быть у мадам Айч, а идти расхотел). Дома устроил самоосмотр, вертясь с необыкновенной бойкостью и абсолютным здоровьем; в течение 50 минут мерил температуру. Получил 37,1 и переволновался. Протестует на мои успокоения. В 11 ч. будет звонить Надине.

С Вагиновым происходит любопытнейшее явление: «Преподобие» «оказывается» замечательной книгой. Я читаю ему вещи с пере-

рывами — по одной — он вслушивается — запоминает, хвалит и наслаждается. Расспрашивает о нем. Между делом (между разговорами по поводу Вагинова) читал свои вещи: «Лицо, как стеарин, прозрачно», «От книги начинается движенье» — реакция может быть более сильная, чем на Вагинова.

Дело скучное и ясное — человек углублен в себя и спешно от всего отмахивается, устраивает сцены, подобно N-частице,¹ что при тебе были, а как успокоишь его, да без полемики считаешь хорошие, очень хорошие вещи — он слушает и вникает.

Можно сказать моими словами: Оська «запоминает, усваивает, а потом... начинается движенье»...*

* Соображение овладевает
Понятием, как звуковым пятном
Соображение запоминает etc.²

¹ Вероятно, Рудаков имеет в виду нейтрон, который в физике обозначается символом «N».

² Рудаков приводит строки из собственных стихов (полный текст не сохранился; более обширная цитата — в гл. XXIII «Города Калинина»).

16 мая 1935

⟨...⟩ Решил не читать их О⟨сипу⟩, пока не получу твой отзыв. Ждал бесконечно напряженно. Много говорим о Вагинове — и после одного из разговоров — прочел ему.¹ Я был свидетель невероятного физического явления: он, прослушав один раз, — все стихотворение повторил, читал, как свои стихи (отчего оно еще лучше звучало). И в буквальном восторге от конца и первых строк. На кусок с театром и каналом обычный петербургский протест — в этом случае, правда, молчаливый. ⟨...⟩ Они² в Голый пристани под Херсоном — об этих местах я слышал на радиолекции в музтехникуме (с О⟨сипом⟩), там была 1-я в России радиостанция. ⟨...⟩

¹ Рудаков пишет о своем стихотворении на смерть Вагинова «Знакомые писательской толпой...»; текст см. в гл. IX «Города Калинина».

² Речь идет о родителях Л.С.Финкельштейн.

18 мая 1935

⟨...⟩ А моя жизнь за эти дни очень напряженная, сложная и вместе однообразная: вся в ожидании почтовых вестей, в огромном сосредоточии и самоуспокоении, а вместе с тем — тут же огромная работа с Мандельштамом. Лина — просто страшно: из обрезков и черновиков, прибавленных к «Чернозему» и «Камам»;

из изменений «Большевика»¹ — мы (я, затем он) — сделали немного больше 100 стихов. Тут мною переработаны «Стансы» (первоначальный текст спасен и отвергнут). Страшно то, что это уже не «советы», а работа — моя (моя! настоящая). О(сип) этого не ждал, он робеет, упирается — но на его материале я делаю такие уточнения, от которых нельзя отказаться, делаю такие (строчные, полустрочные) вставки и замены, до существования которых материал был мертв. А главное — весь багаж расположил в порядке, дающем логическое и единственное целое. Черновики все у меня — когда увидишь, узнаешь, что это такое. А мне даже жутковато — ведь будут читать гениального Мандельштама, а без меня, клянусь, — были бы «Кама», «Чернозем» (уже мною довершенный же), да куча мелочей неживых и грязных.

Слушай:

Да я лежу в земле, губами шевеля,
И то, что я скажу заучит каждый школьник:
На Красной площади всего круглей земля
И скат ее твердеет многопольный
На Красной площади земля всего круглей
И скат ее нечаянно-раздельный
Откидываясь вниз — до рисовых полей,
Покуда на земле последний жив невольник.²

Об этом — потом. Это часть, а важно целое и то, чего не рассказать.

Читали мои стихи — и боюсь, что это уже «признание» — особенно «фабричный завод»³ etc. и

Лицо, как стеарин прозрачно,
Не потому, что хороша,
А потому, что неудачно
За ним прикреплена душа etc.

Не знаю, что все это будет значить для будущего, но сейчас всё несоизмеримо с действительностью.

Бесконечно читаю несравненного Вагинова. Ах, какие у него стихи. Неужели правда, что мы трое — русская поэзия.⁴

¹ Стихотворение «Мир начинался страшен и велик...» (апрель 1935 г.).

² Приведен текст промежуточной редакции стихотворения; «раздельный» в ст. 6 — вероятно, описка Рудакова (правильно — «раздольный»).

³ Это и цитированное ниже стихотворения Рудакова не сохранились.

⁴ Вероятно, Рудаков имеет в виду слова Мандельштама, известные Л.С.Финкельштейн (ср. в письме от 27 мая 1935 г.).

19 мая 1935

⟨...⟩ Сегодня один читал Гумилева, и, знаешь, лучше него нет ничего на свете. Интересно, что М⟨андельштам⟩, по прочтении заново Коневского, вполне присоединился ко мне в части связи К⟨оневского⟩ с Гумилевым (у М⟨андельштама⟩, конечно, без полного проникновения в мою систему; да и система-то недостроена). ⟨...⟩

21 мая 1935

⟨...⟩ Тут почти жаркое лето — зелень огромная. Все хочу проехать трамваем за город, но поглощен работой М⟨андельштама⟩.

Он все жалеет, что не послал с тобой привет А⟨нне⟩ А⟨ндреевне⟩, Надин, на счастье, еще нет.

Беда, что я не записываю всего, что вижу и слышу. Но письма многое сохраняют. Он опять читал стихи памяти Белого. Он с ним был последнее время очень близок. Говорит, что стоял в последнем карауле,¹ а до этого — «стояли Пильняки — вертикальный труп над живым».² В суматохе М⟨андельштам⟩у на спину упала крышка гроба Белого.

О Вагинове разговоры нескончаемы. Сегодня (когда я ночевал у него) — он видел во сне Вагинова. Видел, что он утверждает как гениальный поэт. И сам добавляет: «Иначе и быть не может. Это так и есть». Его сравнивает с Бодлером, Новалисом. Над стихами работа чудовищная, и, сейчас, — по-моему — чуть-чуть разрушительная. В законченнейший цикл вставляются чужеродные, размашистые куски, делаются антикомпозиционные вставки. В 4-х местах мне удалось вернуть идеальный вариант, — места два — сохраняются в стиле барокко, не идущем к целому. Так:

войны и мира гнутая подкова —

заменено:

воздушно-океанская подкова³

(влияние катастрофы с «М.Горьким»⁴), по мне это безлепица, оттеснившая классику. Называется: «борьба с акмеизмом».

Черновики копятя.

«Проклятый» акмеизм в 1912 году у него выковал такие стихи о бедном художнике, живущем на чердаке и имеющем акмеистические «легкие», «тяжелые», «упрямые» etc. вещи даже в быту:

...художник...

Чтобы кофе варить на спирту,

Он купил себе легкий треножник.⁵

Стихи писались серьезно, но потом отвергнуты и стали анекдотом. {...}

¹ Это обстоятельство отразилось в стихе Мандельштама «К нему не подойти — почетный караул...» («Откуда привезли? Кого? Который умер?..», 1934). Временем «близости» с Андреем Белым Мандельштам считал весну 1933 г., когда оба они отдыхали в Коктебеле; Мандельштам читал Белому свой «Разговор о Данте». На смерть Белого Мандельштам откликнулся циклом «Утро 10 января 1934 года» (см. *НБП*. С. 234—236 и примеч.) и стихотворением «Голубые глаза и горячая лобная кость...».

² Данными об отношении Мандельштама к писателю Борису Пильняку в 1930-е гг., которые могли бы объяснить столь резкую характеристику, не располагаем. О свойствах прозы Пильняка Мандельштам писал в статье «Литературная Москва: Рождение фавулы» (1922).

³ Из стихотворения «Мне кажется, мы говорить должны...» (апрель 1935).

⁴ Речь идет об агитационном самолете «Максим Горький», построенном в одном экземпляре; в то время он был самым большим самолетом в мире. Потерпел катастрофу 18 мая 1935 г.

⁵ Из стихотворения «Я давно полюбил нищету...».

22 мая 1935

{...} В ночь на сегодня пережил удовольствие — повидал Воронеж после 3-х часов ночи — сонный и огромный, расширенный ночью Воронеж, воздухом уходящий в мандельштамовские поля ЦЧО.¹ Было так: лег спать. Сплю. Слышу стук в парадные двери. Голос хозяйки и ответ из-за двери: тут Р(удаков) С(ергей) Б(орисович)? Представляешь мою радость?! И оказывается, это... Осюк, который не дозвонился Надеине и перепуганный прибежал ко мне (по дороге забегал на телеграф, но телеграммы не дал, а только перепачкал трехтысячный костюм о свежевыкрашенный маслом барьер). Я свел его на телеграф — отправил Надеине молнию и до утра с ним сидел у него; утром свел к одному заезжему москвичу (его — очень милому — знакомому),² а сам пошел на работу. Пришел ответ о благополучии, и он днем отсыпался, а я буду сейчас. {...}

¹ ЦЧО (Центральная Черноземная область) — официально принятая и широко распространенная аббревиатура тех лет. В состав области входили Липецк и Тамбов, центром был Воронеж.

² Речь идет, по-видимому, о Я.Рогинском (см. следующие письма).

23 мая 1935

{...} Пишу карандашом, потому что тушь у М(андельштама). Сегодня там занимались *диктовкой* (уже около 300 стихов!).¹ Ах, Лика! что это? Этим я *искусственно* остановил, нейтрализовал разрушение новых стихов.² Он весь в припоминании. Лика — чудо, что мы встретились. Сейчас он ежедневно долбит: работайте, пишете — и у меня будут новые вещи. А работа о нем будет изумительна.

Кит, я писал Г(ригорию) М(оисеевичу), чтобы он «подработал» список интересных вопросов, ответы на которые даст М(андельштам). Ли, сделай и ты то же — помоги мне (может быть, совместно с Г(ригорием) М(оисеевичем), может быть, одна). Со стороны можно шире или глубже взглянуть. Я, например, расспрашиваю, как издавались его книги (Так, «Tristia» — назвал Кузмин)³ <...>

¹ Речь идет о стихах 1930—1934 гг., которые Мандельштам начал, в отсутствие архива, восстанавливать по памяти.

² Рудаков имеет в виду стихотворения «Первой воронежской тетради».

³ Этот факт подтверждается рядом свидетельств. Поэт Михаил Алексеевич Кузмин (1872—1936) принимал ближайшее участие в делах издательства «Petropolis», издавшего книгу Мандельштама «Tristia».

24 мая 1935

<...> Депрессия.

Лежит и скулит, что написал только «Каму» и «Чернозем», а остальное — чепуха. Цикл его гнетет, и он слабеет. Из окон поезда — чернозем. Лина! Какое совпадение с текстом! А он еще более тускнеет: эта мысль затемняет остальные вещи.

Беру бумаги и читаю ему подряд (читаю воспитательно) — после каждой вещи — «видите — хорошо, а не чепуха, и хорошо тем-то и так-то». Он молчит — а у него вертятся какие-то полуварианты, интересные, но к делу (цикла) не идущие. В целом — он колеблется. Говорит, что я *изумительно* читаю (это лучше диплома!). Я так люблю, когда ценят мое чтение — может быть, больше всего, т.к. в душе не всегда бываю уверен. А главное только начинается: идучи на телефон, говорю ему — «Слушайте — период “мне кажется, мы (т.е. я) говорить ДОЛЖНЫ”² — кончен, т.е. кончен цикл *открытых* политических стихов. Теперь вы — вольноотпущенник, и не должны, а вольны. Последние вещи живут отдельно, а это сейчас самое главное». Он счастлив, поняв это. Эти полуварианты будут новой вещью — о детях — и всё.³ Хорошо? <...> Покойной ночи, дитя. Это письмо выразило все очень полно. <...>

¹ Рудаков имеет в виду то обстоятельство, что у него тогда не было диплома вуза (т.е. высшего образования).

² Первая строка стихотворения Мандельштама (апрель 1935).

³ Подразумевается стихотворение «Еще мы жизнью полны в высшей мере...» (см. следующее письмо).

26 мая 1935

Линуся, пишу утром на службе. Спал сегодня у М(андельштама). Часов в 8 пришел на почту, получил два твоих письма. <...> Рад твоей

свободе от статьи. А вот у меня беспокойно в смысле расценок. Скоро конец месяца, подведение итогов, а у меня ушло много времени на согласование и утверждение проекта, который сам был кончен быстро, и я не знаю, как будет оплачиваться это при сдельной работе.¹ Все это не страшно, но важно и показательно в отношении моего положения тут. Дело не в деньгах, которых мне хватит, а в тоне.

Сейчас жарко, конец мая, и весь город в белом.

Бедный, бедный перед великой исторической перспективой твой счастливый мальчик. Уже налицо у мальчика гениальные... ученики, а сам он только Фриде² пока известен.

Слушай:

Еще стрижей довольно в мире и касаток,
Еще комета нас не очумила,
И пишут звездоносно и хвостато
Толковые лиловые чернила.

Это конец хорошего в целом нового 12-стишия О(сипа) Э(милевича).³ Лина, Лина, тут лучше всего:

Толковые
Лиловые
чернила

Источник?

Привычными
Кирпичные
заборы!!!⁴

Ли́ка, что делать!?! Нельзя же встать на Невском и всем это рассказывать. Моё он знает наизусть.

Ли́ка — сейчас он, может быть, уедет раньше меня. Это неопределенно. Надины еще нет, и нет именно поэтому. Если он уедет — встретимся ли мы когда-нибудь — неизвестно. <...> Посмертно — стихи все завещаны мне — его собственные слова: «Вы будете единственным душеприказчиком и издателем Мандельштама»*. Сейчас Надин, может быть, уже привезет старые вещи из дому.⁵ На благополучный Ленинград расчеты о новом вечере — со мной.⁶ <...>

Сегодня во сне видел Хлебникова. Вчера мы о нем говорили. М(андельштам) его видел перед самым отъездом Х(лебникова) в Новгород, где он умер. Перед отъездом он два раза был у М(андельштама).⁷

У М(андельштама) к Х(лебникову) огромное почтение. А боится как конкурента он только Гумилева, но это дико скрывает. Побаивается Цветаевой и Вагинова, но по-другому. <...> Линуся, уже лето, а мне никуда идти не хочется — все сижу у М(андельштама), и не тяготясь стенами — потому что без тебя непривлекательны зелень и

река. Линуся, пиши чаще. Какие белые ночи. Вчера мы вспоминали, что в Ленинграде светло, — и жутко стало. Я сочинил еще полстиха с белыми ночами в «Чапаеве».⁸ (...)

* Да, еще — «вы единственный мой соратник, так близко стоящий к моей работе. Гумилев это умел делать с другими, со мной так и он не умел».

¹ Место службы Рудакова не уточнено.

² Кого именно имеет в виду Рудаков, установить не удалось.

³ Из стихотворения «Еще мы жизнью полны в высшей мере...»

⁴ Из стихотворения Рудакова «Громкоговоритель, чище вытязни...».

⁵ Рудаков имеет в виду архив Мандельштама; он был привезен в Воронеж позднее (см. письмо от 15 января 1936 г.).

⁶ Подразумевается творческий вечер, подобный вечерам 1933 г. (см. примеч. 4 к письму от 4 апреля 1935 г.). Рудаков, по-видимому, претендует на «вступительное слово» о поэте.

⁷ Об этом см.: *Вторая книга*. С. 80—86.

⁸ Стихотворение Мандельштама «День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...». Стих «с белыми ночами» в основном тексте читается «Расширеньем аорты могущества в белых ночах — нет, в ножах...», в ранней редакции «Расширеньем аорты болеющих белых ночей...»; неизвестно, какие «полстиха» приписывает себе Рудаков — возможно, в дошедших до нас архивных источниках они и не отразились (см. письмо от 27 мая 1935 г.).

27 мая 1935. Вечер

(...) Лица, помимо всего легкого и хорошего с ним — как все трудно и ответственно. Он пишет новое — по-моему, плохо. Что делать? Хвалить — мне цены нет, потому что это будет поддакивание бесценное. Ругать (отговаривать) — мешать тому, что, может быть, сильнее меня. Мы друг для друга представляем *всю русскую литературу* (его слова) — и это очень трудно.

Вот стих:

Сон был больше, чем слух, слух был больше, чем сон —
слитен, чуток —¹

ну, Лина, извини меня, а по-моему это риторика. М(андельштам) запутался в словах, под них подставляет «смыслы» и не чувствует резины на зубах. Или:

Расширеньем аорты могущества в белых ночах, нет — в ножах.²

Даже в отрыве от целого (это «Чапаев», который при тебе³) — это абсурдная тянучка. Он расстроен чуть ли не до слез. А я хвалить не имею права. Он в волнении (без психования) сказал, что сейчас «до конца нам договариваться нельзя — надо это делать в конкретном литературном процессе», т.е. это значит: «С(ергей) Б(орисович), не ешьте меня живьем», а сам целый день вытаскивал меня на «откро-

венность» по поводу злосчастного «Чапаева». Я уверен, что прав, если даже он этого не поймет. <...>

¹ Из стихотворения «День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...».

² Из этого же стихотворения.

³ Речь идет о том же стихотворении. Рудаков имеет в виду то обстоятельство, что стихотворение писалось во время приезда Л.С.Финкельштейн.

29 мая 1935

<...> Сегодня были с Айчами на «Севильском цирюльнике» у Станиславского¹ (я ведь первый раз на нем). <...> О(сип) убежал с первого акта; я сидел отдельно от Айч — один. <...> У М(андельштама) новая стадия — он почти публично меня расхваливает, говорит о «сотрудничестве» в его вещах, диким ревом голоса выделяя в чтении строки, написанные или поправленные мной. Из-за последней редакции «Чапаева» (о строках, о которых тебе писал) — дикие споры.² А в целом — это совершенно изумительно. Сейчас 1930—1933 годов — надиктовано 406 строк (а в журналах около 250, да будет диктованья еще около 150). <...> Между прочим, его комический рассказ. Я чего-то вспомнил о лисенятах, а он говорит: «В Москве у писателя Свена³ есть лисица, дома, привязанная, она моя тезка... ее тоже зовут... ОСЯ». Лица, по-моему, это очень хорошо. <...>

¹ Спектакль входил в репертуар Московского государственного оперного театра им. К.С.Станиславского, гастролировавшего в Воронеже с 20 мая.

² См. примеч. 8 к письму от 26 мая 1935 г.

³ Кремлёв (Свен) Илья Львович (1897—1971) — писатель, жил в одно время с Мандельштамом в «Доме Герцена» на Тверском бульваре.

31 мая 1935

<...> А главное — стихи и М(андельштам) — все и многое будущее — в том, что творится сейчас. <...> Был гость, некий Стефан¹ — ему читались стихи (10 штук). Реакция: ему безумно нравится «Чернозем» — остальное звучит политически, а он «сторонник чистого искусства» и не может мириться с «тенденцией». И тут огромное выступление М(андельштама) (обращено на меня — мне легче передать). Передаю не порядок разговора — а итог.

«Чернозем» — вещь реакционная: акмеистическая строфика с обновленной инструментальной, вещь из «Камня», источники — «Адмиралтейство» etc. (вещь, угнетающая сейчас М(андельштама)). Это вещь 1001-я и прекрасная, а остальное — вещи первые, и после них будут так (по-новому о новом) написаны тысячи. Основное — вещь о Пушкине и Чапаеве.² Она — говорит о русском фольклоре, о сказ-

ке, о стране, и впервые — о новом «племени» — о ГПУ, о молодежи, у которой будущее, о пленном времени, вечности, и материально — на основе реального бреда при поездке на Урал — образы безумного пространства, расширяющегося, углубленного и понятого через «синее море» пушкинских сказок, море, по которому страдает материковая, лишенная океана Россия (сюда же «воздушно-океанская подкова» в предыдущей вещи³). (...) Далее М(андельштам) говорил, что его всю жизнь заставляли писать «готовые» вещи (монументальные), а Воронеж принес, может быть впервые, открытую новизну и прямоту. (...)

Обо мне, детуля, не беспокойся в материальном смысле — ем в нашей столовой или в столовой под М(андельштамом) (дешевая и очень приличная), белья много. (...)

¹ Стефен Александр Иванович (1882—после 1942) — писатель; дипломат. В воронежской ссылке с 1933 г. (переведен с Камчатки, куда был сослан в 1931 г.). Работал экономистом в плановом отделе Облсполкома, одно время — директором кукольного театра. Сотрудничал в журнале «Подъем». Арестован в июле 1936 г. (см.: *Высоцкий А.* От него требовали оклеветать поэта... // Воронежский курьер. 1991, 14 января). Его имя упоминалось, наряду с именами Айча и Мандельштама, в статье Кретовой (см. примеч. 5 к письму от 12 мая 1935 г.).

² Стихотворение «День стоял в пяти головах. Сплошные пять суток...».

³ Речь идет о стихотворении «Мне кажется, мы говорить должны...».

1 июня 1935. Утро

(...) Тут есть знакомый из Москвы, Рогинский — профессор (лет 30-ти), очень интересный человек.¹ Были у него (он временно читает в Университете курс) — и там невероятно чудный маленький котенок. (...) У Рогинского взяли 2 тома Хлебникова, «Гамбургский счет»² и «Встречи» Пяста³. Я им читал вслух 3-й парус «Детей Выдры».⁴ Восторг — потом у М(андельштама) скука на лице: «У Хлебникова такое же, как гениальность, огромное уродство: он не умеет кончать. Это ему никогда не простится. Стих канитель...». Возражение мое: за лабораторной работой Хлебников для всех (и, увы, для М(андельштама)! — это говорю ему) скрыты и кажутся неполными настоящие вещи.

Интересно дальше. У Шкловского о Бабеле⁵ — Мандельштам почитал-почитал и говорит (еще раньше Мандельштам хвалил Бабеля, говоря: он из лучших) — «что Зозуля, что Бабель — одно и то же, только один получше, другой похуже, а оба не очень хороши — не по-русски» (!)?!

Кроме того — масса о вчерашнем разговоре и планах издания собрания сочинений или новой книги стихов. А главное — рассказы о себе последних 5-ти лет — о стихах. И так до половины второго часа. (...)

А с Мандельштамом — последняя победа — в длинной строке про сон и слух, которая считалась законченной и мной опротестовывалась — изменение, нарушающее мертвую игру словами того варианта:

«Сон был больше, чем слух, слух был старше, чем сон:
слитен, чуток — »⁶

⟨...⟩

¹ Рогинский Яков Яковлевич (1895—1986) — антрополог; знакомый Е.Я.Хазина (см.: *Герштейн*. С. 190); в Воронеж был направлен в командировку от Московского университета для чтения курса лекций на биологическом факультете Воронежского университета. В письме от 22 мая это он, по-видимому, упоминается как «московский знакомый». Его воспоминания о Мандельштаме помещены в сб.: *Жизнь и творчество О.Э.Мандельштама*. Воронеж, 1990.

² Книга В.Шкловского (Л., 1929).

³ Книга воспоминаний В.Пяста (Л., 1928).

⁴ Помещен во 2-м томе «Собрания произведений Велимира Хлебникова» (Л., 1930. С. 148—152).

⁵ В книге «Гамбургский счет».

⁶ Ср. в письме от 27 мая 1935 г.

1 июня 1935. Вечер

⟨...⟩ «Трамвай» Н.Г.⟨умилева⟩ — иллюзия, “представим себе”, — значит, уже ничего нельзя представить. Все время помнишь, что действие в П(етрограде) — путешествие за гривенник. А он считал, что это лучшее; я говорил, что “Колчан” очень плохая книга, а он — что лучшая. Я говорил ему — поменьше Бога в стихах трогай (то же у А(хматовой): “Господь” — а потом китайская садовая беседка). А понимал он стихи лучше всех на земле, но ценил в себе не это, а свои стихи». Киса, это запись того, что Мандельштам говорит о Гумилеве. Кит, а он мне своим существованием не мешает работать.¹ Какое чудо, что мы встретились. Вот деталь отношений: если разъедемся (если разъедут нас) — будут письма, и его слова: «Если я раньше вас смогу двинуться, буду к вам приезжать, а из Москвы в Ленинград — будем видаться по 6 раз в год». Его стихи без меня уже невысказаны такими. Если у нас связь порвется — у него будут другие стихи. ⟨...⟩

¹ Вероятно, Рудаков подразумевает эпизод, позднее записанный Ахматовой в ее «Воспоминаниях об Александре Блоке»: она передала Блоку слова Б.Лившица о том, что Блок «одним своим существованием мешает ему писать стихи», на что Блок ответил: «Я понимаю это. Мне мешает писать Лев Толстой». Этот случай мог быть известен Рудакову от Мандельштама.

3 июня 1935

Ли́ка, сегодня опять ночевал у М(андельштама). Его хозяйка на даче — и я живу у нее в комнате. Лег около 12 — читал Овидия (...). Вечером вчера диктовали машинистке его стихи — это способ подчеркнуть, что стихи кончены — иначе он их еще и еще потрошил бы. Отпечатана тетрадо́чка: «О.М. Одиннадцать стихотворений. Воронеж. 1935» + три вещи отдельно. У меня копится целый архив. (...)

4 июня 1935

(...) Пишу днем — от Мандельштама. Вчера вечер такой. Остался у него и лег очень рано (в 10) — он писал новую вещь.¹ Я так заснул, что узнал эту вещь только утром — он не мог меня добудиться. Вещь «новая и неожиданная», в его терминологии, в моей — вторичная «Tristia» с учетом «Чернозема» etc. Об этом споры с Рогинским. Очень интересны к ней варианты, которые, по-моему, живут как 12-строчное стихотворение.² Но это всё частности. Главное — обо мне. Читал ему «Караима». Ли́ка, тут 2-х-часовой перерыв — прения по «Караиму».³ Теперь письмо дальше. Он говорит, что нужна несколько бо́льшая детализация темы. И я почти восстановил, почти написал заново — вставь, пожалуйста:

- 6 Тюремный корпус глухо
- 7 Приезжих бережет
- 8 Для неживого слуха
- 9 Лишь вентилятор сухо
- 10 И сетует и лжет
- 11 Бессоница etc.

Ли́ка, вывод (его) — «хорошо, очень хорошо», но у него живут те же возражения о «неясности», что раньше. Господи, это тупость. Решили послать Пастернаку от его имени. Кидается с восторгом на вентилятор, наизусть бубнит про кровать и самого караима, а в заключение разводит руками: «Тово...», дескать. Вы, говорит, «пишете по-японски, а я по-китайски, все хорошо, а пути разные». (...)

¹ Речь идет о стихотворении «Возможна ли женщине мертвой хвала?..», датированном этим числом.

² Вероятно, именно эти «варианты» поэт авторизовал позднее как стихотворение «На мертвых ресницах Исаакий замерз...».

³ Стихотворение Рудакова «Железная дорога...» (см. публикацию в настоящем издании). Его текст Рудаков послал жене в письме от 27 мая 1935 г.

⟨...⟩ А я с Мандельштамом читали их¹ и новые его² — Калецкому и еще знакомому. Те говорят, что его — традиционно, а мое для него ново. Когда узнали, что одно мое — решили, что «Караим» — его и очень нов, а второе — мое и ему подражательное. Они говорили убедительно и были смущены, когда узнали правду, а Оська чуть не плакал. Если невзначай тот же эффект будет с Пастернаком и Ахматовой, а может быть, и Надин — боюсь, он отравится. Стоит ли даже экспериментировать при его нервах?! ⟨...⟩

¹ Речь идет об упоминающемся ниже стихотворении Рудакова «Караим».

² По-видимому, накануне написанные стихи Мандельштама.

8 июня 1935

Разговор о последних вариантах «Да, я лежу» etc. (см.) М(андельштам): «Сказал “Я лежу”, сказал “в земле” — развивай тему “лежу”, “земля” — только в этом поэзия. Сказал реальное, перекрой более реальным, то — реальнейшим, потом сверхреальным.¹ Каждый зародыш (росток) должен обрастать своим словарем, обзаводиться своим запасом, идя в путь, перекрывая одно движение другим. Будь форма, ритм... все недостаточно, если нет этого. Получится канцелярская переписка, а не стихи. Надо не забывать, что был Хлебников, что у меня были хорошие стихи... Этого правила не понимали некоторые акмеисты, их последыши, вся петербургская поэзия, вся официальная советская поэзия (пауза). Сергей Борисович, давайте писать книгу о поэзии!...»

Я: «Нет. Так как вы на некоторые вещи смотрите иначе, чем я. (Пауза) Согласившись, я должен был бы сплясать индейский танец на Гумилеве».

М(андельштам): (Пауза) «Он отвечал... этому... правилу». Опять пауза. Сидим мы у стола. Пожевав губами, он поднимается, идет к кровати и ложится носом к стене. Я записываю этот листок. ⟨...⟩ О Гумилеве. На днях говорили о утерянных произведениях. Я сегодня ему говорю: «Вот еще “Дракон” Гумилева. Известно 6, а было 12 книг».² Он: «Это его (Гумилева) счастье, т.к. вещь плохая». При мне, кроме «У цыган» (условно), он не похвалил ни одной строки Гумилева. ⟨...⟩³

¹ Речь идет о стихотворении Мандельштама «Да, я лежу в земле, губами шевеля...», написанного в мае 1935 г. Объяснение собственного метода Мандельштамом достаточно неожиданно обнаруживает прямое влияние теории Вячеслава Иванова, где «a realibus ad realiora» («от реального к реальнейшему») — «формула» чаемого «реалистического символизма» в статье «Две стихии в современном символизме» (1908), положения которой развиты в статье 1912 г. «Мысли о символизме». Как известно,

выступление акмеистов в 1913 г. сопровождалось критикой методов русского символизма, Мандельштамом в частности — в статьях «О собеседнике» и «Утро акмеизма», в которых он полемизирует и с указанными статьями Вяч.Иванова, см. в кн.: *Мандельштам О. Камень*. Л.: Наука. 1990. С. 332 (примеч. 3), 336—337 (примеч. 7 и 15). Лит. памятники.

² Это ошибка памяти Рудакова: он, по-видимому, основывается на хронике журнала «Вестник литературы» (1920. № 8), где говорилось о плане Гумилева составить «Поэму начала» из 6 книг, включавших 18 песен, были перечислены их названия; «Дракон» явился первой книгой этого незавершенного замысла. Ныне известны фрагменты 2-й книги.

³ Вероятно, к этому письму Рудаков приложил две записки Мандельштама со своей пометой: «Это записки, которые я застаю приколотыми к его двери»:

⟨6.VI.1935⟩ Я у врача. Разыгрался гайморит. Ждите.

⟨7.VI.1935⟩ Я в клинике рядом с Первомайским садом или в Поликлинике, ул. Энгельса (по Комиссаржевской и направо). У горловиков. Зайдите туда. Надо срочно показать снимки (ед.хр. 15, лл. 7, 8).

8 июня 1935. Вечер

⟨...⟩ М⟨андельштам⟩ — приходит в норму в смысле «отъезда». ¹ Температура спала, болевые ощущения гайморита прошли, и вернулось сознание, что сейчас «не выскочить» — он подавлен, и, смешной и расслабленный, лежит на диване; 14-го приезжает Надин. ⟨...⟩ «Отъезжающий» период — дней 5—6 — сегодня кончен. ⟨...⟩

¹ Имеется в виду желание Мандельштама сменить место ссылки.

9 июня 1935. Утро

⟨...⟩ М⟨андельштам⟩ сейчас опытный кролик или собака Павлова. Надо уметь быть академиком. ¹ ⟨...⟩

¹ Рудаков имеет в виду свою «работу над Мандельштамом»; академик И.П.Павлов выработал свое учение о рефлексах в опытах над собаками.

11 июня 1935

⟨...⟩ Другая страница — литература. ⟨...⟩ Эпизод. Калецкий играет в шахматы. О⟨сип⟩ психует, что на него здешние литераторы не обращают внимания. «Вот Есенин, Васильев¹ имели бы на моем месте социальное влияние. Что я? — Катенин, Кюхля...»² Вот Бонч-Бруевич за архив мой предложил 500 р., и когда я поднял шум — написал мне честное письмо: «Я, да и мои товарищи считаем вас второстепенным поэтом — не обижайтесь и на нас не сердитесь — другие и даром дарят...»³ Я не Хлебников (по Калецкому), я Кюхельбекер — комичная сейчас, а может быть, и всегда, фигура... Оценку

выковывали символисты и формалисты. Моя цена в полушку и у тех, и у других. Дальше, сейчас показал ли Плоткин⁴ стихи Стойчеву⁵, что думают здесь обо мне» etc., etc.

Мы решили систематизировать с его слов курьезы низких оценок его за 30 лет.

Он убежал на улицу. Калецкий вякает о том, что высокая оценка его стихов «понимающими» не совпадает с оценкой масс. Я (играя в шахматы):

Коль не совпадает,
Значит, он страдает*
Значит, он страдает целый век.
На других похожий,
Помните — он тоже,
Тоже настоящий человек...
9. VI. 35

Мы шли с почты. Он все скулит. «Чувствует несвободу». (...) И болеет всеми болезнями (с терминологией). Я этим изведен. Он охает. Я говорю очень спокойно, что мне хуже. Он очень оживленно доказывает, что ему. Я тогда злобно говорю: я в пустоте, и мне делать нечего, — вы болеете, надеетесь, звоните по телефону, строите планы (их тьма!) etc., при этом я сосуществую; когда были ваши стихи — я работал больше вас; но и писать вы мне мешаете и не замечаете, что я только присутствую при вашей болезни, что со мной ничего не случается, а вам все равно. Это собственно с другим человеком могло мир перевернуть, а он обрадовался литературности выражения «не случается» и умилился. «Ах, какая я свинья». (...)

* Можно читать: Масса не читает.

¹ Васильев Павел Николаевич (1910—1937) — поэт. В своем творчестве испытал влияние Мандельштама; о нем см.: *Герштейн*. С. 62—63.

² Об этом уподоблении см. во вступительной статье.

³ Об этой истории см. подробнее в статье: *Шулихин В.* Судьба архива О.Э. Мандельштама // Вопросы литературы. 1988. № 3.

⁴ Плоткин Лев Абрамович (1905/1906—1978) — литературовед, преподавал в это время в Воронежском пединституте (доцент) и университете; с 1934 — в докторантуре ИРЛИ. С 1938 — заместитель директора ИРЛИ. Входил в реколлегию журнала «Подъем», был членом воронежского отделения Союза советских писателей.

⁵ Стойчев Стефан (Степан Антонович; 1881—1938) был в это время председателем воронежского отделения Союза советских писателей. Занимал пост директора Воронежского педагогического института. Арестован 23 августа 1937 г. по делу первого секретаря Воронежского обкома партии Рябинина (см. упоминания о нем в последующих письмах), расстрелян.

14 июня 1935

⟨...⟩ Приехала Н⟨адин⟩. Вообще у них дела полукислые, но нормальные; ко мне опять ее настороженность и чуть полемичность. ⟨...⟩ Оське из Москвы привезла Батюшкова (Academia),¹ а мне завидно. ⟨...⟩

¹ Батюшков К. Сочинения / Под ред. Д.Благого. М.: Academia. 1934.

15 июня 1935

⟨...⟩ У М⟨андельштамов⟩ материнские функции перешли на Надин, я отдыхаю. Работаю над вопросником. Надин по-дамски меня «уничтожает» и полемизирует с моей правкой его вещей. Это забавно, но минутами скучно.

Оська пишет рецензию на навозного Санникова¹ и хвалит его (из уважения к Белому, который его хвалил). А я говорю: «Вы обычно ругаете хорошее, а это первый случай, что хвалите плохое». Он злится. ⟨...⟩

Сочинили с М⟨андельштамом⟩ коллективно Басню: -

Случайная небрежность иль ослышка
Вредны уму, как толстяку одышка.
Сейчас пример мы приведем:
Один филолог,
Беседуя с невеждою вдвоем,
Употребил реченье «идиом».
И понадергали они друг другу челок.
Но виноват из двух друзей, конечно, тот,
Который услышал оплошно «идиот».
12.VI.35

А вот его старые стихи (басня):

Один портной
С хорошей головой
Приговорен был к высшей мере.
И что ж — портновской следуя манере,
С себя он мерку снял
И до сих пор живой.
Свердловск²
1 июня ⟨19⟩34

И ⟨то⟩, и другое из жанра его «дурацких басен» и моих двустийши о Тирбасове³ и др. ⟨...⟩

¹ Санников Григорий Александрович (1899—1969) — поэт, биографически был близок к Андрею Белому. Речь идет о его сб. «Восток» (М., 1935). Рецензия Мандельштама позднее была напечатана в журн. «Подъем» (1935, № 5). См. подробнее: *Герштейн Э.* Забытые рецензии О.Э.Мандельштама // Вопросы литературы. 1980, № 12.

² Свердловск для Мандельштамов был транзитным пунктом по дороге к месту ссылки (Чердынь).

³ К жанру басен у Мандельштама относятся «Лжец и ксендзы», «Тетушка и Мирабо», «Извозчик и Дант» (печатавшиеся с подзаголовком «Басня»). Названные двестишия в архиве Рудакова не сохранились.

16 июня 1935

Кити, вот конец дня: у Мандельштамов — дико пишется рецензия.¹

И мечетей суровые скулы
Проступали арабской резьбой.²

Надин: «Мечеть на скулы не похожа».

Ося: «Надя, это и лицо и мечеть сразу, поэт так хотел сказать» etc., etc., etc., etc. Бред сплошной, а все влияние чудного А.Белого. Санников этот его ученичок (не в учителя). Сегодня год их отъезда из Чердыни. Мы сложились и купили бутылку вина. За рецензией оно простояло не открытым. Надину жаль. Меня он изводил время краткое, а ее всю жизнь. <...>

¹ См. примеч. 1 к предшествующему письму.

² Неточная цитата из поэмы «Сказание о каучуке»; у Санникова: «И мечети суровые скулы Оживали арабской резьбой».

17 июня 1935

<...> Лица, Сумарокова,¹ может быть, сопрет в библиотеке для меня Оська. Если уже купила, пиши сразу (переть трудно, и он колеблется) — если еще нет, воздержись дня на 2—3, когда выяснится с этим. Жду его (Сумарокова) как новое издание Гумилева. <...>

¹ Вероятно, речь идет об издании: *Сумароков. Стихотворения* / Под ред. А.С. Орлова. При участии А.Малеина, П.Беркова, Г.Гуковского. Л., 1935. «Библиотека поэта». Большая серия.

18 июня 1935

<...> Мы вчера вечером надиктовали (мне) около 150 строк. Ли, это такая радость, что без тени конкуренции рад его жизни.

Восьмистишия. Их 11 штук. 1933—4.

1. Люблю появление ткани,
Когда после двух или трех,
А то четырех задыханий
Придет выпрямительный вздох.

И так хорошо мне и тяжело
Когда приближается миг
И вдруг дуговая растяжка
Звучит в бормотаньях моих.

2. О бабочка, о мусульманка,
В разрезанном саване вся,
Жизняночка и умиранка,
Такая большая, сия.
С большими усами, кусава
Ушла с головою в бурнус.
О, флагом развернутый саван,
Сложи свои крылья. Боюсь.

Лица, и т. д. и т. д. Лица, со мною заканчивалась, сегодня кончена «Барина» (23 строки).¹ Во время работы — Надин вмешалась (оттирая меня и смазывая мои разговоры). Он: «Надюша, мы должны побыть одни, это может только С(ергей) Б(орисович)». Она примирилась и счастлива по-своему. <...>

¹ Речь идет о стихотворении «За Паганини длиннопалым...».

19 июня 1935

<...> У Мандельштамов волнения: О(сип) Э(мильевич) проходит медобследование на предмет установления нетрудоспособности (рука) и установления необходимого объема лечения. Волнения. Но все это сейчас снято. Сегодня умерла жена Калецкого. Н(адежда) Я(ковлевна) говорила, что ее (Н.Я.) отец был единственным человеком, перед которым О(сип) не хорохорился.¹ <...>

¹ Об отце Н.Я. Мандельштам, Якове Аркадьевича Хазине, см.: *Книга третья* (гл. «Отец»).

20 июня 1935

Продолжение Санниковской эпопеи. В толпе на похоронах¹ Подобедов² красноречиво вынул из кармана желтенький «Восток»³ и сказал О(сипу) Э(мильевичу): «Какая пакость — и печатает Москва». О(сип) Э(мильевич) ему: «Я не могу ругать у него все огульно». На пути с кладбища О(сип) Э(мильевич) (обращаясь к Айчу, а не ко мне, шедшему рядом!): «Задал я работу Подобедову — читает Санникова. Теперь принято его ругать в пику Белому, а у него много прекрасно». Дома (мне): «Опять я против течения — принято ругать Санникова». На мои общие (не формулированные) возражения начинал кипятиться: «Что за чистоплюйство! Мы не можем из книжки в 1000

стихов выбрать 300 прекрасных; хотим, чтобы была гладенькая, обструганная книга. Я не могу так швыряться поэтами, отмахиваться...». Я делаю ход — что, дескать, вы боитесь поверить Вагинову, называете Багрицкого «подпоэтом», а тут выхваляете четвертостепенное. Кто, судя по вашей манере делить на сорта и ранги, выше — Багрицкий или Санников? (пауза). О(сип) Э(мильевич): «Санников». Я хвалю «Победителей»⁴, говоря, что это стихи, какие дай бог писать *всякому* (!). Он мне возражает, что это Гумилев на революционной романтике. Я тыкаю его носом в «Победителей». И говорю (1 нрзб. — *Ред.*) речь (раньше он сказал — «что ж Б(елый) и М(андельштам) его хвалили и “ошибались”, может быть, еще кто “ошибется”», — я это снимаю, говоря, что нечего подавлять авторитетом имен). И тут речь (а он добавил, что мы, т.е. он и Б(елый), не в том, что другие, видят мастерство). Речь: «Статью Белого я увидел с огромным интересом, прочел с недоумением. Чудный ответ Светлова и Багрицкого⁵. (...) Я говорю дальше: в журнале Б(елый) и не стал бы читать этих стихов, тут бытовая связь, а от Белого к вам. Вы делаете нехорошее дело (и недаром от меня по секрету — ведь рецензию мне не читали). Вы должны были бы писать о Багрицком, Вагинове». Он после большой паузы (конца) кисает и носом к стене. (...)

¹ Похороны жены Калецкого З.Г.Каниной.

² Подобедов Максим Михайлович (1897—1993) — воронежский писатель; в это время — ответственный редактор журнала «Подъем».

³ Книга стихов Г.Санникова, см. письма от 15 и 16 июня 1935 г. В приписке к настоящему письму Рудаков сообщил: «Косвенные сведения: в рец(ензии) стих Санникова сравнивается с “джазом (?) Белого” (в смысле — со стиховой инструментровкой, это видел на черновике). Кончается рецензия словами: поэты должны не излагать волю партии, а продолжать ее поэтически (это сказал О(сип) мне, рецензию я еще не видел). В архиве Мандельштама черновые материалы к рецензии не сохранились».

⁴ Книга стихов Багрицкого (1932).

⁵ Рецензия Белого на поэму Г.Санникова «В гостях у египтян» (включенную и в его сборник «Восток», который обсуждают Мандельштам и Рудаков) была помещена в «Новом мире» (1932, № 11). Белый писал: «Поэма Санникова знаменует собой впервые перевал авангарда пролетарской поэзии: к эпосу собственно; биография всякой серьезной производственной поэмы отныне, уверен я, будет упираться в разбираемую поэму как в матернюю форму» (с. 234). Восторженный тон рецензии вызвал полемику. М.Светлов и Э.Багрицкий в статье «Критический случай с Андреем Белым» оспаривали тезис Белого о том, что Санников своей поэмой «разрешил проблему эпоса», а саму рецензию назвали «влюбленной серенадой» (Литературная газета. 1933, 17 марта). Далее в своем письме Рудаков справедливо замечает о биографической близости Белого и Санникова, однако внимание Белого к «пролетарской» поэзии имело глубокие и давние корни (см.: *Богомолов Н.* Андрей Белый и советские писатели // Андрей Белый: Проблемы творчества. М., 1988).

Сосновка.¹ 22 июня 1935

(...) Треть дороги лес, остальное — поля, те самые, которые были черными в «Черноземе» Мандельштама — это самое тясячехолмие.

У меня страшное чувство, что я должен написать ему в параллель (может быть и себе, т.к. «Чернозем» на 1/3 мой) «Урожай» — или нечто этакое кольцовское, с новыми смыслами, но на летнюю тему того же ЦЧО.² {...}

¹ Дачный поселок в 100 км от Воронежа, здесь жили знакомые Рудакова.

² См. примеч. I к письму от 22 мая 1935 г.

23 июня 1935. Вечер

{...} Он написал, пока я был в Сосновке, рецензию на книжку о метро.¹ Надин говорит, что блестящую (рецензию). Сцена: он лежит на диване, я лежу около.

Он: «Рецензия хорошая. Лучшее стихотворение — Кострова, где строки

Да здравствуют товарищи мои
(с рифмой:) бои.²

Читает на память кусок, украшая его голосом и умением читать. Я молчу. Он молчит. Я, нарочно осторожно: «У этой цитаты есть минус...» (пауза). Он: «Какой?» Я: «Дело историческое. Хороший поэт Багрицкий написал:

Так вытерев ладони об штаны
Встречаются работники страны.³

Мерзейший Луговской подтянул (в “Большевиках пустыни”) —

Да здравствуют работники страны
Да здравствуют работники полей
Да здравствуют работники границ etc., etc.⁴

Молодежь стала списывать и ухудшать (примеров множество может быть). Это дурная литературность».

Он: «Нет... тут... ритм неподдельный». Я: «Поддельнейший, именно подделанный...». А еще дальше: «Я мыслю анализ стиха только как продукта времени; авторы, даты и проч. — частности, из которых складывается вывод о целом. Вы, О(сип) Э(милевич), действовали “на вкус”, без запаса знаний (скучных и нудных, но объективных) и попались — нашли свежее там, где лежат копии с копий. Люди, стоящие близко к метро, должны в стихи переносить новый живой опыт, а не подражать старшим однополчанам».

Он (помолчав и помычав): «Поэтическая мысль вещь страшная, и ее боятся...». Я: «А они — люди благополучные (авторы те) и пишут политически и как еще хотите, но не поэтически. Костров хуже всех (литературнее)».

Он: «Подлинная поэзия перестраивает жизнь, и ее боятся...» (уже примиренно-побежденным тоном). Я: «А знаете — я получил от

Л(ины) С(амойловны) хорошее письмо, где говорится (рассказываю суть дела) и читаю —

Соображение овладевает
Понятием, как звуковым пятном...»⁵

Он (живо): «Что это?» Я: «Я... Вот это предвосхищение одной из форм жизни, формы, называемой наукой... Писано это без учета фактического психологического материала. Это только настоящая поэзия».

Он блекнет и медленно шамкает губами, глядя мне в лицо куда-то мимо глаз. Всё. (Детали — ранее разговора он говорил Надине: «Если они (в журнале) не понимают, что это хорошо, я не виноват, я лучше их понимаю, сколько туда хорошего вкраплено»). Линуся, прикладываю две записи 20 числа.⁶ Прочти, сопоставь с письмами. Киса, у тебя мальчик умница?

Линуся моя, это сплошное торжество. (<...>

¹ Рецензия на книгу: Стихи о метро: Сборник литкружковцев Метростроя. М., 1935 — была помещена в журнале «Подъем» (1935, № 6), вместе с упоминавшейся в предшествовавших письмах рецензией на книгу Г.Санникова «Восток». Перепечатана в журнале «Вопросы литературы», 1980, № 12 (публикация и предисловие Э.Г.Герштейн).

² В рецензии это стихотворение кессонщика Григория Кострова («За здоровье моих товарищей!») названо «лирической вершиной этой маленькой книжки» (Вопросы литературы. 1980. № 12. С. 250).

³ Из стихотворения Багрицкого «Так будет» в цикле «Стихи о себе» (сборник «Победители»).

⁴ Цитаты отдельных строк из одноименной поэмы Луговского (Большевикам пустыни и весны. М., 1934). В 1-м стихе неточность, у Луговского: «Да здравствуют работники пустынь...».

⁵ Из стихотворения Рудакова (не сохранилось).

⁶ Их текст представляет собой план рецензии Рудакова на тот же сборник — вероятно, это следы попыток наладить, для заработка, совместную литературную работу. Приводим записи:

«20. VI.35. Стихи о метро. Сборник литкружковцев Метростроя. Гос. изд. "Худож. лит.". М., 1935. Материалы к рецензии.

Историческая аналогия: Космисты после Октября работали под символистов, говоря о новом "по-старому". Сейчас — задание общехудожественное: метод социалистического реализма. А для этих (имярек) начинающих авторов образцами служат третьи отражения Багрицкого и Тихонова через Смелякова, Корнилова и всех других. Беда в том, что авторы, имеющие полноценный жизненный (внелитературный) опыт, переносят насущную тематику (метро) в литературу в готовом, олитературенном виде. Это не из обычных упреков начинающим в подражательности, ученичестве. Это указание на то, что *сейчас* советская поэзия нуждается в полном внутреннем перевооружении, что благополучное следование даже за недавними удачами дела не решит.

Надо говорить не о метро, а методом метро, не о энергии, а с энергией, не о радости, а с радостью...

Механистически (формально) понятая задача решается так: обычные стихи украшаются терминами обихода метростройки и строками о радости свершения.

Нужно органически распределить это новое и общепозэтическое (старое). Органически — значит так, чтобы вещи сами по себе не специфичные для метро (специфичные не только для метро) звучали как единственно нужные здесь, в этом месте стиха,

чтоб они были не только в теме, задании стиха, но в его словесно донесенной до читателя сущности.

Характерные отдельные удачи (далее конкретный анализ: цитатно с разнесением его по всему тексту в нужные места. Обратить внимание на деление книги на два отдела (...)).*

Он на это сказал: так писать нельзя. Правду можно сказать еще жестче, а нельзя. Я: это правда, и такая, как нужна, жестче — будет просто руготня».

* То, что в скобках — переход от прочего, являющийся записью моей тирады Осе, — к фактической возможной рецензии.

27 июня 1935

⟨...⟩ Лица, сегодня вроде оживление. Именно: О⟨сип⟩ написал 10-ти-стишие. О море и Стамбуле. Первый стих:

Бежит волна волны волне хребет ломая

Я в спор о идиоме: «волна волны» (что это такое?), хотя сам факт употребления одного слова троекратно в падежном изменении очень интересен, и в частности дает интереснейшее ритмическое движение здесь, раскачку. Еще несколько замечаний. Оська на дыбы. Надин рада, что спор со мной, и похваливает. Он ушел чинить сапоги и долго один бродил по городу, терзаем сомнениями. К вечеру сделано:

Бежит волна — волной волне хребет etc.

т.е. нарушена связь «волна волны», а зависимость с изменением падежа дала смысловую связь между всеми тремя волнами. И натурально, и принципиально здорово (вот где слава Хлебникову!). Сохранен чудный черновик. Вещь очень хороша. Надин во время конца доработки изгнана («Надюша, это дело семейное, оставь нас!?!»). Дальше. О⟨сип⟩ знает, что я сейчас работаю над стихами (дома). Увидел в блокноте, тобою присланном, «Осенние приметы» Заболоцкого.¹ Попросил прочесть. Я чудно прочел. Он (и Н⟨адин⟩) охали и оживлялись. В конце он сделал умный вид и стал многословно ругать. Ругань такая — «Обращение к читателю как к идиоту, поучение (“и мы должны понять”) — тоже Тютчев нашелся...² Многословие... Подробности... А что мы узнаем? — что корова вещество на четырех ногах...³ Природа-то перечислена — тоже Гете нашелся... Это капитан Лебядкин,⁴ это не стихи... В хвост и в гриву использован формалистический прозаический прием отстранения (я поправил: остранения)... Всё на нездоровой основе. И стихи-то это *не Заболоцкого, а ваши*». Я сказал, что они из «Известий». ⁵ Надин вспомнила об этом. ⟨...⟩ «Ну, тогда на вас похоже, сказанное больше относилось к вам, у Заболоцкого тоже всё так же, но я думал — это вы». ⟨...⟩

Линуся, стихов новых не создалося. А с тобой хочется поделиться новым, новым ритмом, движеньем. Посылаю сонет Петрарки (один из 3 1/2)*, в 1934 г. переведенных О(сипом) Э(милевичем).

Как соловей сиротствующий славит
Своих пернатых близких ночью синей
И деревенское молчанье плавит
По-над холмами или в котловине.

И всю-то ночь щекочет и муравит
И провожает он один отныне
Меня, меня! Силки и сети ставит
И нудит помнить смертный пот богини.

О радужная оболочка страха,
Эфир очей, глядящих в глубь эфира,
Взяла земля в слепую люльку праха.

Исполнилось твое желанье, пряха,
И плачучи твержу: вся прелесть мира
Ресничного недолговечней взмаха.

24.VI.35 № 43

* 3 закончены, 1 черновой.⁵

¹ Стихотворение «Когда минует день и освещенье...»; было помещено в газете «Известия» (1934, 18 ноября).

² У Заболоцкого: «И мы должны понять, что это есть значок, Который посылает нам природа, Вступившая в другое время года». Возможно, Мандельштам проводит параллель с тютчевскими стихами «пойми, коль может, Органа жизнь глухонемой!» («Не то, что мните вы, природа...»).

³ У Заболоцкого:

Осенних листьев ссохлось вещество
И землю всю устало. В отдалении
На четырех ногах большое существо
Идет, мыча, в туманное селение.

⁴ Подразумеваются стихотворные опусы этого героя «Бесов» Достоевского.

⁵ Под «черновым» здесь подразумевается перевод «Промчались дни мои, как бы оленей...», редакцией 1934 года которого поэт не был удовлетворен.

29 июня 1935

(...) Только что вернулся от Мандельштама. Усталый, как после 100-часовой работы. В твой белый блокнот надиктовано больше ста пятидесяти строк, а главное: обнаружались вещи, им начисто забытые. Это дикарское бескультурье и с его, и с Н(адин) стороны — ничто не записано. Вещи браковались и иногда дальше очумелой Н(адин) не шли. Вещи порой первоклассные. Куча коктейльских стихов невозвратима,¹ а эти попугаи психуют из-за

потери коктейбельских камешков.² У Н(адин) постепенно выветривается ко мне недоверие (точнее, нежелание пускать к черновому наследству). И, смущенная моей руганью по поводу утерянного, она даже обещала записать потихоньку то, что сам О(сип) не дал сдуру. С напечатанными по журналам с 1930 г. — у меня сейчас более 1000 строк. Главное то, что О(сип) Э(милевич) стал пытаться восстановить стихи об Ариосто.³ И из полузабытых обломков стало *нами* строиться новое стихотворение. Лирика, честное слово — план (количество строф и строк в них, тематика строф, созданная по полустрочным обрывкам) — *мой*. Вся композиция — лицо вещи — и она прекрасна, стройна. Кроме мелочей — последняя, заключительная строка — моя, мое центральное место (1 1/2 строки) в середине вещи.⁴ Оська смущен и... старается делать вид, что я «только помогал». Это стало так обидно, что я чуть не плюнул и собрался все бросить и уйти. Какая-то ослиная тупость, страх за свою славу. {...}

¹ Речь идет о стихах, писавшихся весной 1933 г.

² О коктейбельских камешках было написано стихотворение «Исполню дымчатый обряд...» (июль 1935 г.).

³ Речь идет о стихотворении «Ариост» («Во всей Италии приятнейший, умнейший...», 1933), текст которого поэт считал утраченным; однако при разборе архива в январе 1936 г. он нашелся и был внесен в составленный в Воронеже рукописный сборник стихотворений.

⁴ Рудаков описывает процесс создания так называемой «редакции 1935 г.» «Ариоста» («В Европе холодно. В Италии темно...»). Под «центральным местом», возможно, он имеет в виду трехстишие:

Часы песочные желты и золотисты,
В степи полуденной кузнечик мускулистый,
И прямо на луну взлетает враль плечистый.

1 июля 1935. Утро

{...} У Мандельштамов внутренний междуособный полумир. О(сип) в литературной столовой читал двум ослам¹ «Ариоста», и один из них, тронутый общелитературной грамотностью (тронутый, т.е. испорченный), стал говорить кислотности о традиционности. Это по сути вздор, но О(сип) огорчен. И хочет в купе со мной писать аполлогию своих стихов с адресом чуть ли не Союзу писателей в Москве, в Воронеже по меньшей мере. Мне это и благо, хотя адрес вздор. А дальше он скулит и придумывает — найти у Батюшкова или Пушкина чудные стихи и прочесть тем же лицам за свои, и когда они изругаются — завопить: «Ага, это Батюшков!». ² Глупость, потому что под Батюшкова буквально писать не нужно. А главное — я ему напомнил скрывание имен его и моего с Калецким etc. Он скис и сконфузился. {...}

¹ Кто были собеседники Мандельштама, не установлено. Место действия — столовая в издательстве «Коммуна».

² Эти слова отсылают к эпизоду, описанному Рудаковым в письме от 4 июня, когда знакомые «лица» приняли стихи Рудакова за мандельштамовские.

1 июля 1935. Вечер

⟨...⟩ Пишу у Мандельштамов. ⟨...⟩ 10 часов вечера. Они ушли. «Ходят и разговаривают». Полулюбовная трагедия, и в розницу делятся со мной былыми утехами, один о другом рассказывая. Жизнь идет кувырками. Этак у них при мне впервые. А началось все со стихов. ⟨...⟩ Меня он все выспрашивает о моих стихах, но у меня их нет новых, а потом — показывать ему не хочу... ⟨...⟩ Много-много думаю о литературе своей. Сейчас один, не зажигая света — ходил по Оськиной комнате и читал свои стихи — почти все. Это или авто-безумие, или стихи, правда, замечательные. Мой «Державин»¹ свободнее «Шерри-бренди» Мандельштама² и всего Кирсанова. А «Железная дорога»,³ а «Вагинову»,⁴ а «Воронеж»⁵ и все старое!

В этом невероятное счастье и, может быть, смерть без двух даже десяткой читателей. Вот это судьба. ⟨...⟩

¹ Это стихотворение Рудакова не сохранилось.

² Речь идет о стихотворении «Я скажу тебе с последней прямой...»

³ См. примеч. 3 к письму от 4 июня 1935 г.

⁴ Приведено в гл. IX «Города Калинин».

⁵ Возможно, речь идет о стихотворении «Почтовый и лагерный строй...». см. публикацию в настоящем издании.

2 июля 1935

⟨...⟩ У них тихая драма. А я повинен в ней. Всё в стихах старых. У О(сипа) есть женские вещи, не ей посвященные, а есть вещи, написанные в часы, когда она думала не о нем (их она наизусть не помнит и не любит). Воспоминание для диктовки мне тех и других привело к воскрешению запретного прошлого.¹ Они стали заниматься мельчайшими взаимоупреками и (я уже писал) излипаниями мне горя своего. Бежать бы мне от этих мест — вот одно-единственное, что могу говорить об этом. Неловкость не хуже той, какую мы испытываем приROME-Жениных затмениях.² Все кажется — вот сейчас скандал разгорится. А стихи, к слову сказать, становятся яснее и сильнее от этого. ⟨...⟩

¹ Речь идет о стихотворениях «Мастерица виноватых взоров...» и «Твоим узким плечам под бичами краснеть...», обращенных к М.С.Петровых.

² Речь идет о знакомых Рудакова: Цомук Роман Исакович (1902—1967), его жена — Пекарская Евгения Григорьевна (1904—1989).

⟨...⟩ Сегодняшний мой день такой: дал деньги хозяйке, потом М(андельштамам) (в долг дня на 4), и у них устроили обед. Надин готовила, по многу купленным продуктам (суп овощной, яичница, блинчики с земляничным компотом — вышло рубля по три с хвостиком на нос; в заключение Оська сбежал за 300 гр. мороженого). Потом дождь. Шахматы с Надин: если она не берет назад — я не проигрываю, но сам от переигрываний воздерживаюсь с трудом — привык. Здесь Камерный, О(сип) знаком там, и решили идти на «Сирокко».¹ Пошли. Опоздали. Сидели в оркестре (очень весело и видно). Артисты О(сипа) уважают. Вчера у них дома была Ефрон,² завтра будет несколько. ⟨...⟩

Пьесу не досмотрели: они по неуравновешенности, я за компанию. ⟨...⟩ Они все пишут Гете (для радио).³ За вечерним чаем — я: а помните Кузмина стихи о Гете? (в «Нездешних вечерах»).⁴ О(сип) морщится — наверное плохие. Я читаю (а стихи хорошие); он читает что-то из «Сетей» и добавляет: «Гумилев говорил, что поэт Кузмин плохой». Я говорю: «Это почти так, т.к. лучшее — “Гуль” и “Форе-ли”⁵ — написаны много времени (спустя) после оценки Гумилева»... Несколько общих фраз о произнесении некоторых слов, и я говорю: «А как надо “конквистадор” произносить — об этом спорят все, знающие Гумилева». О(сип): «О нем рассуждает много народу, которому этого не надлежит делать. А книга первая не такая плохая, я ему всегда говорил, что он хорошо начал...».⁷ Лица, все это есть боязнь Гумилева (об нем-де никто не должен говорить теперь), и полемика (начал «хорошо», а кончил — не плохо ли?! — Ай да Оська!). ⟨...⟩ Но стихи, может быть, только он и умеет писать сейчас. ⟨...⟩

¹ Камерный театр гастролировал в Воронеже с 1 июля 1935 г. «Сирокко» — музыкальная комедия по новелле А.Соболя «В голубом покое».

² Ефрон Наталья Григорьевна (1896—1973) — актриса Камерного театра.

³ См. примеч. 3 к письму от 12 мая 1935 г.

⁴ Стихотворение «Гете» («Я не брошу метафоре...»).

⁵ Сборники стихов М.А.Кузмина «Сети» (1-е изд. — М., 1908), «Новый Гуль» (Л., 1924) и «Форель разбивает лед» (Л., 1929).

⁶ Рудаков имеет в виду ударение в стихе «Я конквистадор в панцире железном...» (сб. «Путь конквистадоров»); нормативное ударение в этом слове — конквистадор.

⁷ Речь идет о первом поэтическом сборнике Гумилева «Путь конквистадоров» (1905), собранном из юношеских стихов; автор впоследствии относился к этому сборнику как к незрелому, и лишь некоторые стихи, в переработанном виде, включил в последующие сборники.

6 июля 1935

⟨...⟩ У Мандельштамов либо сегодня, либо завтра артистки Камерного на варениках. Рад, что (сознательно) отсутствую. ⟨...⟩

7 июля 1935

⟨...⟩ Но сейчас хочется написать несколько слов о последней железной дороге,¹ об облегченной. Дело в том, что вся суть стихотворения в так называемом «ложном действии» — строфы следуют в синтаксической последовательности станций и знакомых мест фактически; 2-ая (перечень деталей одного места, продолжающий псевдодвижение), 3 и 4 (и есть этот перечень внимания, которое задержалось у дивного поэта балкона, и здесь закономерно «А», «А»..., закономерна яма у семафора, и семафор, о котором первым в Воронеже сказал Мандельштам).² Последняя строфа — итог, композиционно оформляющий вещь и являющийся формулой, вытекающей из задержанного действия трех средних строф. ⟨...⟩

¹ Рудаков имеет в виду свое стихотворение, текст которого в его архиве не сохранился.

² См. в письме от 17 апреля 1935 г.

9 июля 1935

⟨...⟩ Сегодня еще домучил М(андельштам). Шел сейчас домой (11 часов) и, придя в П(етровский) сквер — заплакал. Зачем это? Я так хотел оставаться сильным. Но надо жить. ⟨...⟩ Вот М(андельштам) хотел, когда его поприжало, писать Гумилеву.¹ ⟨...⟩ М(андельштам) погружен в радио («Гете», которого просят еще подправить; это три недели работы Надин и Оськиного пляса вокруг). Он собирается от газеты ехать в колхоз. Его это оживляет и занимает. Стихов нет. Он самопогружен. Я получил Сумарокова, когда его не было дома; показал Надин Сумарокова — та в восторге, пришел О(сип) — тоже, оба зачитали. Дураки, смели раньше мне не верить. ⟨...⟩

¹ Сведений о времени и обстоятельствах эпизода, на который намекает Рудаков, не имеется.

11 июля 1935

⟨...⟩ День длинный. И прежде всего паспортный. В отделении милиции — очередь, часы — и паспорт (трехмесячный). Заходы на почту и к Мандельштамам в перерыв стояний. Открытка поздравительная от Гр(игория) М(оисеевича). У Мандельштамов некоторое

успокоение. Хотя Ося огорчен (ошеломлен): приходом «полковника» (объясню, что это такое),¹ смертью котенка и некоторыми неладями с Гете.² Это днем, а сейчас, вечером, — мир и благодать, и планы. ⟨...⟩ Вечер у М(андельштама) — за Гете и чаями. ⟨...⟩ Бесчувственные Мандельштамы ощущают потребность в сведениях об Ахматовой и не видят твоего для меня отсутствия. ⟨...⟩

¹ О чем идет речь, не вполне ясно; возможно — о каком-то контакте с НКВД или милицией.

² Радиокomпозиция, см. примеч. 3 к письму от 12 мая 1935 г.

20 июля 1935. Утро

⟨...⟩ О(сип) на радио предложил меня с Кюхельбекером. Там сказали, что подумают. ⟨...⟩ Обедали. Был Калецкий. К нему насчет комнаты. Хозяин не согласился. Вечер у Калецкого и его проводы на вокзал. ⟨...⟩ У Калецкого взял «Архаисты и Новаторы» Тынянова. Какой он чудный. Так захотелось работать... ⟨...⟩

21 июля 1935. Утро

⟨...⟩ к Мандельштамам. Там только Н(адин) — играли в шахматы. Она говорит: «Оська ругал вас самым пышным образом всю ночь и мне не давал спать. В результате стихи переделаны.¹ Вы огромный молодец. Без вас он бы их не доделал». Когда О(сип) пришел — мне поднесены варианты на 7 страничках и напечатанный на машинке окончательный текст. Стало лучше, тверже. Он, входя, смеялся, что пишет полудедевы. Сейчас вместо половины, т.е. 50% — стало, может быть, 80%. Есть например, стих: «Как венок, шагающий в покое...».² Всего не посылаю, так как это еще не конец, и вся история текста слишком многообильна. Он хочет меня (в моей работе над ним) представить «подъемовцам».

Сам занимался передачей о Блоке.³ Т. е. мы с ним и Н(адин). Писали проспект (больше половины моего). Будет ли так вся работа, не знаю. ⟨...⟩ Про «Гете» — сделано на 3/4 Надин — он говорит, что всё он. ⟨...⟩

Они (О(сип) и Н(адин)) идут к артисткам.⁴ Те, заходя, звали и меня, но я не пошел. ⟨...⟩

¹ Речь идет о стихотворении «Не мучнистой бабочкою белой...», датированном 21 июля 1935 г.

² Эта редакция в известных нам архивных источниках не содержится; варианты также не сохранились.

³ Материалы работы над радиокomпозицией о Блоке не сохранились.

⁴ См. следующее письмо.

21 июля 1935. Вечер

Лина, сейчас 3 часа, только что вернулся от Мандельштамов. Там были артистки.¹ О(сип) читал, говорили, ели кекс, колбасу. Это с 12-ти. А раньше доделывали «Летчиков».² Еще раньше — О(сип) был в редакции, а мы с Н(адин) играли и разговаривали. Я хитро ее познакомил с программой по Оське. Она обещала: 1) дать шуточные стихи; 2) из Москвы привезти все черновики и свои о нем дневники(!);³ 3) все что может стихового вспомнить; 4) написать его биоканвару!! по датам. Рассказала обо всех его любях, не щадя себя (т.е. хваля их — это форма самозащиты). Говорили о нем как о младенце. Она поможет — есть пафос в ее секретном от него участии. Артистки обещают еще адреса. (...) перед их уходом в 8 ч. я Оську ругнул за Блока (за психованье etc.). Они без меня говорили и сейчас как шелковые. Отсюда и откровенность Н(адин), и его заискивание. Может быть, они завтра едут в колхоз на 5—6 дней. А потом он отдастся моей над ним работе. (...)

¹ О встречах с Мандельштамом в эти дни оставила воспоминания одна из актрис Камерного театра, Христина Феофановна Бояджиева (см.: Поэзия. М., 1990. Вып. 57).

² «Домашнее» название стихотворения «Не мучнистой бабочкою белой...».

³ Дневники Н.Я.Мандельштам не сохранились.

22 июля 1935

(...) Мандельштамы уезжают сегодня вечером. Карточка вышла только одна — где все полулежим.¹ (...) Теперь о М(андельштаме). Сейчас ночь (1 час). Луна уже полувдавленная, а (в) 12 ч. 05 м. они уехали к станции Калач на декаду, может быть, более. Боже — какая сразу пустота, т.е. отсутствие назойливого фона ста с лишним дней. Расстались более чем нежно. В вагоне (они внутри, я снаружи) ели куриные котлеты, запивая их вишневым морсом с нарзаном. Говорили нежные вещи. Обещали писать. Поняли и сказали, как привыкли друг к другу. Совсем расставаться будет очень трудно. Оська последних дней поглощен моей литературной легализацией. Умоляет писать стихи; хотя бы легкую статью о Кюх(ельбекере); рецензии. Все чуть шало, но искренно и проникновенно (хотя это и порыв). Н(адин) держит себя ультрачуждо (поняв и приняв мою роль в О(сипе)). Получается немного трогательно, особенно после того, как я его так ругал; но невероятное счастье наша встреча. В конечном счете ждать лучших результатов и нельзя, может быть. Протест на меня в работе — лучшая похвала, а уступки в работе над его стихом, его согласия — даже оценки не имеют. Надо работать и жить. И верить в столичные встречи. (...)

¹ Эта фотография в известных нам архивах не сохранилась.

24 июля 1935

⟨...⟩ Купил за 2 р. книгу Л.Цырлин «Тынянов — беллетрист».¹ Прочел 20-страничное предисловие — умно и с эрудицией. ⟨...⟩

¹ Цырлин Л. Тынянов — беллетрист. Л., 1935.

25 июля 1935

⟨...⟩ Помнишь в 20-е годы любовь к Тынянову? ⟨...⟩ Книжка о Тынянове производит гадкое впечатление. Она и умна немножко, и бессодержательна очень, бесформенна, а целеустремленность где-то вне ее. ⟨...⟩

26 июля 1935

⟨...⟩ Цырлинского Тынянова все не могу дочитать. А знаешь, какая странная и хорошая вещь. Помнишь — мы нанимали комнату на Геслеровском, что ли — и там были соседи Цырлины, и мы еще думали, он это или нет? Так по ходу чтения все время (благодаря памяти о фамилии) — нахожусь в кругу ассоциаций тех дней и именно того места. ⟨...⟩

31 июля 1935

Китуся, конец июля уже был в стихах. Непосредственно: «Июль венчающая дата», и вообще: «В последней четверти июля». В этом году — «А на небе черном» — подразумевается ЦЧО в июле (небо особенное — летне-черное).

Сегодня день особенный и обставленный обществом.

Утром (в 9) разбудили Мандельштамы. Записываю тебе первое и главное. Они бодры. О(сип) весел. Там было так. Жили они в Доме крестьянина. О(сип) пленил партийное руководство и имел лошадей и автомобиль и разъезжал по округе верст за 60—100 с партийцами знакомиться с делом. Надин говорит, что он их очаровал, но чем — не признается, т.к. это было не в ее присутствии. Говорит, что произошло это потому, что под боком не было любящей жены, которая при его взлете сказала бы: «Молчи, дурак». Оська мне говорит: «2 1/2 часа чувствовал себя Рябининым (секретарь Обкома),¹ который инспектирует область. Они думали, что приехал писатель расшатанный, с провалами, а я им... я им... дал по 12 важных указаний и без числа мелких...» На вопрос мой — каких же, он лукаво смеется и говорит, что не может пересказать, что это было вдохновенье. По

сути, он распустил перед ними хвост и действительно пленил личным обаянием, которое, при подобающей настроенности, излучается им здорово. Покрутит и напишет очерк. Это внешнее. А фактически это может быть материал для новых «Черноземов». Говорит: «Это комбинация колхозов и совхоза, единый район (Воробьевский) — целый Техас с очень сложной картой чересполосиц. Люди слабые, а дело делают большое — настоящее искусство, как мое со стихами, там все так работают».

О яслях рассказывает, о колхозниках. Их там (Мандельштамов) заели клопы и блохи. Он говорит, что эти звери для клопов мелки, для блох велики, назвал он их комбинационно: блохохотам. Говорит — это новая разновидность. Факт тот, что он, не зная деревни, — видел колхоз и его воспринял. Но сам добавляет: «Вот всё ошибаюсь, скажу про какого-нибудь председателя, что он молодец, что ему дивизией бы командовать, а секретарь райкома мне скажет, что тот отменно плохой работник; то же с отдельной колхозницей. Видите, как обманчиво!»²

Как ребенок мечтает поехать еще туда. Глупость, т.к. газета туда же не пошлет, а если сам приедет, не будет той короны, что венчала его сейчас. Практически дело такое. Они предлагают сделать так. Они едут в деревню (часов 5). Я с их комнатой жду тебя. (...) В Сосновке пока ничего не видно. Был там сегодня, ходили с Лилей³ — по соседям и в Дубовку — пока все полно и сдают не на месяц (и то проблематично), а до конца сезона (...). Днем, ходючи за комнатами, рассказывал Лиле разные популярные куски своей концепции литературной. И вдруг нашел схему (условную), по которой Гумилев и Хлебников пределы, полюса поэзии. Между ними Оська, я etc. Все, что правее Гумилева — плохая поэзия (по ступеням), что левее Хлебникова — может быть и очень хорошо, но уже только жизнь, а не литература (т.е. отдельно — мысль — академик Павлов, например, и Марр, как идея языка). Из этого — без упрощения — могут выйти корни композиции. Это не вульгарно, потому что это не цель, а вспомогательное сооружение. Тут упоительно разместить имена (буквально диаграмму сделать). Это для себя — а выводы будут настоящие. Интересно? Может выйти что-нибудь? В это письмо вместил весь день. Ночь сейчас. Спокойной ночи, моя радость. (...)

¹ Рябинин Евгений Иванович (1892—1938, расстрелян) — в то время первый секретарь Воронежского обкома партии.

² Об этой поездке см.: *Мандельштам О. «Я предлагаю дать документальную книгу о деревне...»* / Подг. С.Василенко и Ю.Фрейдина // Лит. обозрение. 1991, № 1; *Вторая книга*. С. 237—242.

³ Знакомая Рудакова; ближе неизвестна.

1 августа 1935

⟨...⟩ Оська пишет очерк¹ — и, вроде рецензий, — по секрету. Я и рад, т.к. ценю в нем только стихи, остальное интересно только как материал к ним или пути от них вовне. ⟨...⟩ В саду М.А.Юдина — только певица,² а до и после — шахматы etc. Взял билет. И не грех. Пела она цыган; старуха, но не плохо. ⟨...⟩

¹ Очерк о поездке в совхоз — см. примеч. 2 к предшествующему письму.

² Рудаков имеет в виду то, что это была не ее однофамилица М.В.Юдина — пианистка, знакомая Мандельштама (см.: *Воспоминания*. С. 133. 209).

2 августа 1935

⟨...⟩ Теперь об Оське. Но все записать очень трудно. Он не может написать очерк.

Об этом Надин: «Это медленное выживание человека — давать ему работу, ему чуждую, но, по сравнению с Москвой, и рецензии, и радио, и статья в газету — невероятная свобода. Все это рано или поздно приведет к тупику. Но каков он? Опять бросаться в окно? Те годы разлада кончились стихами и... Воронежем... Ося цепляется за все, чтобы жить, я думала, что выйдет проза, но приспособляться он не умеет. Я за то, чтобы помирать...» — это мне, без него. Его утешаем.

Он: «Я опять стою у этого распутия. Меня не принимает советская действительность. Еще хорошо, что не гонят сейчас. Но делать то, что мне тут дают — не могу. Я не могу так: “посмотрел и увидел”. Нельзя, как бык на корову, уставиться и писать. Я всю жизнь с этим боролся. Я не могу описывать, описывать Господь Бог может или судебный пристав. Я не писатель. Я не могу так. Зачем это ездить в Воробьевку, чтобы описывать, почему это радиус зрения начинается за одиннадцать часов ползучки от Воронежа. Из Москвы наши бытовые писатели ездят за материалом в Самарканд, а Москвы не могут увидеть. Эти “понятники” меня с ума сведут, сделают себе же непонятным. Я *трижды* наблюдал: написал подхалимские стихи (это о летчиках),¹ которые бодрые, мутные и пустые. Это ода без достаточного повода к тому. “Ах! Ах!” — и только; написал рецензии — под давлением и на нелепые темы,² и написал (это о вариантной рецензии) очерк.³ Я гадок себе. Во мне поднимается все мерзкое из глубины души. Меня голодом заставили быть оппортунистом. Я написал горсточку настоящих стихов и из-за приспособленчества сорвал голос на последнем. Это начало опять большой пустоты. Я думал, что при доброжелательности — жизнь придет, подхватит “фактами” и понесет. Но это была бы не литература. А пробиться сквозь эту толщу в завтрашний или еще какой день не могу, нет сил. О нашей

жизни говорить еще рано, надо действовать. Можно уже стихами, и то потому, что они свое знание вкладывают, привносят. А давать черновики, заготовки прозы я не умею. У меня полуфабрикат ужасен, я или ничего не даю, или уже нечто энергетическое. Я хотел очерком подслужиться. А сам оскандалился. Стихами — кончил стихи; рецензиями наплел глупости и отсебятины; очерком — публично показал свое неумение (он его показывал в редакции, и там сказали, что плохо). Это губит все. И морально, и материально. И бросает тень сомнения на всю мою деятельность и на стихи». И т.д., и т.д.

Киса — это запись почти дословная, только очень сокращенная. В жизни это причитания, почти слезы. Но не психование. Все трезво, и есть вывод за целый период. Надеюсь, что оно минет. Что ни нового безумия, ни самоубийств не будет. Но по тому, как подтянулась Надин, и по ее словам о сходстве состояния с первым случаем, да и по собственному наблюдению — вижу, что скверно. Вся его «деятельность» — не выход. Положение скверное и упирается в тупик материальный. Но беда не так близка, дело не в ней, а в том, что Мандельштам взвыл от халтуры. Не тот Осип Эмильевич (или Ося), что с нами обедал, а гениальный, равный Овидиям, и чувствующий, что стихи трещат. Здесь даже ирония не напрашивается, и Оськой зову его только по привычке. (...) Если б не было неловко (немыслимо), записывал бы при нем все. Много блестящего, но это было бы кощунство — человек чуть ли не вены вскрывать себе (в 3-й раз)⁴ хочет, а я с карандашиком каждое словечко уловляю. Может быть, он хвалил свою «Скрипачку». О всем воронежском периоде говорил как о сломленном и недостроенном. Корректуры рецензий отнесены в «Подъем»⁵ после мучений: «может быть, их снять?» Мы с Н(адин) уговорили не снимать. Через несколько часов я нашел на полу чет-вертушку бумаги: конец рецензии о метро.

Оська — к Н(адин): «Надюша, убери этот селедкин хвост — он воняет и перетух». Это совсем не смешно. Теоретически сложность какая! Все, все он (и я) об этой самой жизни, а вот прямо описывать ее нельзя.

Кит, все это утомительно и на такой высоте, как сегодня, держаться не может. Но бежать от этого и беречь себя не хотел. (...)

¹ Стихотворение «Не мучнистой бабочкою белой...».

² См. письма от 20 и 23 июня 1935 г.

³ Какой очерк («вариантную рецензию») имеет в виду Рудаков, не вполне ясно.

⁴ Попытку самоубийства Мандельштам совершил в тюремной камере (см.: *Воспоминания*. С. 70—71). О попытке «стреляться» во время поездки в Варшаву (1915 г.) писал в «Петербургских зимах» Г. Иванов (см.: Стихотворения. Третий Рим. Петербургские зимы. Китайские тени. М., 1989. С. 355).

⁵ По-видимому, речь идет о рецензиях на книги М.Тарловского «Рождение Родины» (М., 1935) и А.Адалис «Власть», которые были помещены в номере 6 журнала «Подъем» (сдан в производство 16 августа 1935 г.).

Китуся, у Оси пожар сердца почти кончился. Т.е. начинается залгание действительного положения вещей (это от слов «зализывание» и «лгать»). Деталь ко вчерашнему, к вопросу об «описании». Он: «Почему это санкция, поощрение должны быть двигателями литературы? Меня в рай пусти — я его не опишу, хоть меня и будут просить это». А сегодня — «Отобраны, заложены жизнь и смерть — выданы ломбардные квитанции. То же у других людей. И идет разговор с помощью квитанций, а настоящее все спрятано — концы в воду. Действительность надвинулась. Мы ощущаем ее корку, ее отвердение. Жизнь — это же движение, действие, событие — его нельзя описать. Я должен писать белые стихи, но не обычные — без рифм пятистопные ямбы, а мои — вроде «Нашедшего подкову», где все держится на прозаическом дыхании, кусками, члененно, за пунктами. Чтобы эпитеты стояли, как в оде, на своих местах: бум, бум, бум и БУМ!...» Я: «А отчего нельзя это в обыкновенных стихах? (Я-то ведь ненавижу «Нашедшего подкову» etc.). Он: «Все от обмеления словаря, а это — от воронежского оскудения интеллекта. Не читаю книг, не спорю, и вы-то (т.е. я) со мной не говорите, не спорите».

Дальше опять о том, что все обмелело, есть только квитанции, а не смысловые слова. Киса, все это параллельно попыткам писать большую прозу, где «очерк», может быть, будет как эпизодический момент. Идет и пересасывание стихов о летчиках. Благо, что мир воцаряется. Киса, сам я почти работаю, т.е. по нему систематизирую мысли. Важнее докопаться по плану. <...> Приезжай — может быть, вместе лучше, или, вернее, конкретнее и четче начнем «формулировать». <...> Лика, питаюсь чудесно. У М(андельштамов)! Сейчас дешево, и вкусно, и много. Надин тогда у меня брала 50, а сейчас 30, и клянется, что я окупаюсь. Подарков тебе два.

А моя биография нудная, и самую главную роль в ней играют Лавриевич (?) и Ромочки (обе),¹ а я только хочу, чтобы Тынянов с присными. Может быть, потом устыдятся и будут посрамлены — но пока все в мире Гуковские вели себя по-хамски. А Воронеж, т.е. О(сип) — тяжелый эпизод, хотя и замечательный. А город-то Воронеж я очень полюбил. Вот что здорово — это стихи. Алла пишет,² что сонет³ похож на М(андельштама). И спрашивает, верно ли. Что ответить? А??? В астрономических цифрах похоже, а в земных сильно отличен. Верно?

Хочется писать и буду. Спокойной ночи, моя родная. <...>

¹ Возможно, речь идет о Р.Цомуке и его жене.

² Сестра Рудакова (см. вступительную статью).

³ Возможно, «Травой живущая среди кустов тропинка...» (см. публикацию в наст. изд.).

⟨...⟩ С почты иду к М⟨андельштамам⟩. Они вчера коллективно кончили очерк, и может быть, наступит полный мир — тогда начну доить Оську исторически. ⟨...⟩

6 августа 1935. Утро

Кит, пишу днем 6-го — вчера вечером не писал, т.к. ночевал у М⟨андельштама⟩ и лег очень поздно. Как обидно, что письма мои теряются (а твое об А⟨нне⟩ А⟨ндреевне⟩!), — в письмах мысли, которые нужно будет перечесть и собрать, — это тревога вторая, после первой, что ты оказываешься без писем. Настроение тоскливое, как бывает из-за отъезда, расставания, неудачи. Оська псих и маниакальный человек. Помнишь, как у него была эпопея болезни, — так сейчас колхозной поездки. Он может думать и говорить только об этом. Стараюсь его задержать, но ничего не выходит. Часть материалов копится, но все скудно, не планоно. Немного и очень искренно помогает Н⟨адежда⟩ Я⟨ковлевна⟩. Но мне тревожно. Слов сейчас как-то нет, а хочется сказать о том, что разъезжаться нам глупо, и единственная нормальная форма — Ленинград для обоих, только без его психований.

Сейчас (только что) он докончил мучившие его строки «Летчиков».¹ Веселый бегаёт по комнате, подпрыгивает, машет руками, говоря, что боль сломанной руки прошла, т.к. рука только функция психики, а сейчас он доволен и спокоен.

Может быть, это и нормально. Может быть, если бы Вяземского в 70-е годы стали спрашивать о Дельвиге — ему интереснее было бы говорить о чем-нибудь газетном, но ведь количество лет не то, и сам автор вопрошаемый не тот.

Все же Воронеж богачейший, но план не остался бы иллюзией. Очень и очень это нужно. С Н⟨адеждой⟩ Я⟨ковлевой⟩ всяческие литературные разговоры уперлись в то, что они через А⟨нну⟩ А⟨ндреевну⟩ нажмут на вопрос пуска меня к материалам Гумилева. Боже, жить бы и работать! Вчера, в порядке отрезвления от очерка, — он вслух читал Данта. Во-первых, здорово, а во-вторых, он без словаря переводит труднейшие места. Смотрели по подстрочному научному изданию.² И так захотелось хорошо работать, учиться, создавать научно-обработанные истины. Ведь это могло быть профессией — а я это так люблю. Идеи высокие ведь не уйдут — ради них делается, а люблю и самую работу.

Нет темперамента спорить из-за стихов, их О⟨сипу⟩ не показываю, и он верит, что я писать не умею. Так, очевидно, спокойнее. Сказал фразу: «В России пишут четверо: я, Пастернак, Ахматова и

П.Васильев». А меня, наверное, кошки съели. Это делается скучно и противно, но глупо обижаться. Сейчас больше всего интересует «программа».³ Может быть, пройдет тревога ложного отъезда⁴ и стану спокойнее. В этот их отъезд думаю, что буду работать. Еще раз пишу стихи.

Ничего не скажешь милому соседу
Ничего не скажешь — промолчишь.
Ведь сосед не милый — я с тобой не еду,
Обо мне дорогою грустишь.

Вот начало ночи. Про разлуку злую
Радио концерт передает.
Я тебя — ты слышишь? милая, целую,
Голос о любви твоей поет.

А на небе черном, возле звезд синяя,
Птиц ночных повторны голоса.
Нам они стозвучны — гимны Гименя,
Озаряя наши небеса.

Ветер пробегает воздуха пространства,
Листья слабо льнут к его волне.
Мы с тобою знаем радость постоянства,
Веруя полуночной луне.⁵

Писал, но повторю: перекрещивание линий Сумарокова и «Синей звезды».⁶ Поется на одесский мотив, как и часть романсов Сумарокова.

Иду опустить письмо. Целую мою нежную и жду. Мандельштамы зовут с собою, но решим, когда ты приедешь. Целую и жду, жду. Твой мальчик Гуль.

¹ Эта стадия работы в известных нам архивных источниках не отразилась.

² Речь идет, вероятно, о «Божественной комедии». О каком «подстрочном научном» издании идет речь, неясно. Среди книг библиотеки Мандельштама сохранилось два издания Данте — оксфордское и миланское, см.: Фрейдлин Ю. «Остаток книг»: Библиотека Осипа Мандельштама // Слово и судьба: Осип Мандельштам. М., 1991. С. 238.

³ Рудаков подразумевает программу своей работы «по Мандельштаму».

⁴ Подразумевается то обстоятельство, что надежды на успех ходатайств Рудакова об освобождении из ссылки не сбылись.

⁵ Окончательную редакцию этого стихотворения см. в публикации в наст. изд.

⁶ Сборник Н.С. Гумилева «К синей звезде».

6 августа 1935. Вечер

(...) еще раз я умудрился понять огромность мандельштамной встречи. И расставанье страшно. Откидывая все авторские распри, мы очень полюбили друг друга и загрустили при мысли (мною искус-

ственно подогретой) о разлуке. Ведь сознание вот какое: не было бы, ну скажем, всего (?) Ин(ститу)та (?), или сейчас Оси — у меня представление о мире было бы скудее и хуже. И жаль себя отрывать от настоящего общения. Мы вот сегодня дошлифовали «Летчиков». Он подкис и говорит: а мы правительству заявление подадим, что отдельно не можем. Это не только шутка. А будет время, и мои стихи сделают в нем нужную дырку. Я за силы свои не боюсь. Все освещается твоим приездом, твоей близостью, Лица. (...) Если бы немного меньше друг друга понимали бы — не было бы нашей истинной полноты. Не было бы тебя — гипертрофия отношения к Осе была бы невероятна. (...) Вот сегодня весь вечер разговор с ним, с записями по плану. Уйму сделали, многое еще впереди, но времени, так интенсивно организованного, как сегодня, надо не так уж много. Отдельно постараюсь по датам сделать биографическую канву. (...) Все о нем не расскажешь. А вот кусочек: осколок забытого сонета Гумилеву (год 1915) —

Автоматичен, вежлив и суров
На рубеже двух славных поколений —
Забыл о бесхарактерном Верлене
И Теофиля принял в сонм богов...

И твой картонный профиль, Гумилев,
Как вырезанный для китайской тени...

.....

Надеюсь с вопрошательства все переключить на писание и в их отъезд позаполнить большую тетрадь. Праистория сделана (исключая описания вечеров Капеллы). Сейчас ретроспективно восстанавливаю Воронеж. Любопытно, что без писем, а по ним — дополним. (...)

7 августа 1935

(...)Привез оттуда¹ Тасса — 1818 г(ода). Ося клянчит — а он спец («И отвечал мне оплакавший Тасса», или «Что если Ариост и Тассо, обворожающие нас»,² или «Друг Ариоста, друг Петрарки, Тассо друг — язык... etc.»). Придется уступить. Перевод прозой. Сами они завтра едут — ждут нас. Мы посмотрим — решим. Состояние у меня спокойное — волнение, что ничего не успею, улеглось. Я психованью от Оськи научился: такое волнение — специфическая его форма. (...)

¹ Имеется в виду Сосновка, куда Рудаков ездил к знакомым.

² Цитаты из стихотворений «Батюшков» (1932); «Не искушай чужих наречий...» (1933).

10 августа 1935

⟨...⟩ По Мандельштаму веду работу двоякую: биографические ретроспективные записи, и планы и соображения к анализу конкретного стиха. Первое больше записывается, второе — больше думается. ⟨...⟩

14 августа 1935

⟨...⟩ От Надин сегодня письмо (а от тебя нету). Ося занят новой волной наблюдений. ⟨...⟩ Оськи приедут к 20-му, следовательно, загород, кажется, отпадает. ⟨...⟩

25 сентября 1935

⟨...⟩ У «Осек» депрессия. Наташа (хозяйка) через третьи руки прослышала, что Осипа стадия долговечна...¹ и они снова с ума сходят. О(сип) абсолютно подавлен. А между прочим, — говорил о рукописи: «Кому бы ее Л(ина) С(амойловна) передала, куда бы ее направить».² Мы с Н(адин) немного его отрезвили, вернее, отвлекли его злое внимание. Читали они Багрицкого, с дикой руганью, а я не спорю — дабы не ругаться. ⟨...⟩ У О(сипа) взял Сильвестра Щедрина (пейзажиста половины XIX века) — письма, с Эфросом — наподобие Ван-Гога.³

О Багрицком завтра запишу ругань подробно. ⟨...⟩⁴

¹ Речь идет о том, что срок ссылки Мандельштама заканчивался в 1937 г.; вероятно, это обстоятельство скрывалось от квартирных хозяев, избегавших сдавать комнаты на длительное время (см.: *Воспоминания*. С. 121—122).

² О какой рукописи идет речь, установить не удалось.

³ Речь идет об изданиях: *Щедрип С. Ф. Письма из Италии / Вступительная статья, ред. и примеч. А.Эфроса*. М.; Л. 1932; *Ван-Гог В. Письма / Предисловие и ред. А.Эфроса*: В 2-х т. М.; Л. 1935.

⁴ В этот день Мандельштам сделал дарственную надпись на своей «Второй книге»:

Лине Самойловне Рудаковой —
в хорошее, рабочее и дружное
воронежское время —
с сердечным уважением
О. Мандельштам
25 сент. 35 г.
(ед. хр. 15)

26 сентября 1935

⟨...⟩ У Осек новые волнения... Хотя финансы налаживаются, он взял делать передачу «Гулливера у великанов» (образец «У лиллипутов», сделанной Н.Заболоцким!). Там стихи:

Мы настоящие солдаты
Даты — даты — даты — даты
Мы лиллипуты
Путы — путы — путы — путы etc.¹

О(сип) ругается злобными словами: мерзость, пакость, отвращение и все такое...

Я тщетно объяснял, что «даты» и «путы» монотонный припев, очень вяжущийся с детскими песенками (передача ведь детская). ⟨...⟩ За последнюю «Тарантеллу»² он получил немного денег, и они отправились на «Петьку».³ А я на турнир.⁴ ⟨...⟩

¹ Текст «радиопередачи» Н.А.Заболоцкого в библиографии и литературе о нем не отразился. «Путешествия Гулливера» в его пересказе вышли в свет в Ленинграде в 1937 г. Возможно, текст «радиопередачи» имелся в воронежском Радиокomitee, анонсировавшем трансляцию «Путешествий Гулливера» в октябре 1934 г. (см.: Коммуна, 1934, 5 окт.).

² Вероятно, речь идет о песне, в переводе Мандельштама называвшейся «Канателла» («Умоляю, Канателла...»).

³ Кинокомедия «Петер», в главной роли — Франческа Галь.

⁴ Рудаков посещал шахматные турниры, проводившиеся в Первомайском саду.

27 сентября 1935

⟨...⟩ К часу добрался до Осек. Там писание проспекта к фольклорной книге¹ (для аванса). Я ушел. ⟨...⟩ У О(сек) подготовительное чтение «Гулливера». И нервы, нервы. К еде зовут, но я всегда «от Медведя».² ⟨...⟩

¹ Материалы «проспекта» в архиве Мандельштама не сохранились.

² Название дорогого петербургского ресторана; это поговорка, говорящая (с ироническим оттенком) о том, что человек сыт.

29 сентября 1935

⟨...⟩ Осек не было целый день — вернулись они в 7 часов, были на радио: сдавали и защищали перед администрацией «Гулливера». Сделали его за три дня — 250 рублей — и еще хвастаются, сволочи. ⟨...⟩

30 сентября 1935

⟨...⟩ У Осек — тоже — только 5 р. У меня заняли (сами — я больше не предлагал). Кроме того, О(сип) все пытается писать проспект фольклорной книги — у меня советы выпрашивает. ⟨...⟩

1 октября 1935

⟨...⟩ У О(сек) огорчение. За двухдневную работу по «Гулливеру» Радио отказалось платить 250. Оська настоял, те сухо согласились, но его положение более чем пошатнулось. Малость он зарвался там. ⟨...⟩

2 октября 1935

⟨...⟩ Весь день (с 2-х ч.) у М(андельштамов). С Надькой опять биографические разговоры, раскрытие посвящений, etc. Если откинуть денежно-хозяйственную дурь ее — все всегда могло бы быть хорошо. О ее «дамском» так в спорах — ей сказал очень удачно и остро, так, что она ошалела и призналась, что я ее «разоблачил». Поводом послужил Конашевич. Она, узнав, что я им как-то заинтересован, лягнула: «Он вам приятель?» Я и сказал в очень веселой форме о том, что особы ей подобные (и жена Яхонтова и пр.) знают много, но это многое замыкается кругом знакомств и разговоров мужа... Деталь разговора: стихи «Не веря воскресенья чуду» ⟨...⟩ — написаны Марине Цветаевой. ⟨...⟩ Спасибо за Фета, он чудный.¹ М(андельштамы) клятвенно обещали, что через А(нну) А(ндреевну) я буду работать над Гумилевым, ⟨...⟩

¹ О каком издании идет речь, не установлено.

3 октября 1935

⟨...⟩ Сегодняшний день лишен Осек — и как-то даже легко. Хотя работать с ним еще надо уйму (это вывод из разработки примечаний). ⟨...⟩ Лица, в возвратных делах ⟨...⟩ Как в этом смысле быть с Тыняновым? — Т.е. с О(сипа) письмом.¹ ⟨...⟩

¹ Рудаков ведет речь о подготовке своего освобождения из ссылки. Мандельштам, по-видимому, обращался к Тынянову с просьбой содействовать Рудакову; это письмо не сохранилось.

4 октября 1935

⟨...⟩ День нарочно плохой, у О(сек) ремонт, психованье...
дождь. ⟨...⟩

5 октября 1935

⟨...⟩ Днем расписывали Оськи. Я пришел и опять плачу, хочу
вслух говорить с тобою. ⟨...⟩ Вышли «Шум времени».¹

¹ Книга О.Мандельштама (Л., 1925).

5(?) октября 1935

⟨...⟩ У Осек ремонт, — грязь, хотя и сносная. Надька едет в Мос-
кву, а я боюсь оставаться с О(сипом) — оба с ума сойдем, вернее, он
меня сведет. ⟨...⟩

6 октября 1935

⟨...⟩ У Осек ко мне подлизывания, т.к. О(сип) остается один, без
Н(адин), на время. Ремонт смешно изменил комнату. ⟨...⟩

7 октября 1935

⟨...⟩ Жду «Шум времени» и сведения о «Tristia», и «Камень». У
О(сипа) — назначение на эфемерную должность в театр.¹ Он юн и
весел. Где они, психования отчаянные? — остались так только, кро-
шечные... Я и рад и начну его теревить. ⟨...⟩

¹ В Воронежский Большой Советский театр Мандельштам был принят на долж-
ность литературного консультанта.

8 октября 1935

⟨...⟩ А тут еще О(сип) пристал смиренно с тем, чтобы я с ним делал
передачу по «Как закалялась сталь» Н.Островского.¹ Рублей 300 —
т.е. у меня деньги будут, и он, введенный в норму, будет работать без
штук. ⟨...⟩

¹ Заказ Радиокomiteта был связан, по-видимому, с тем, что за эту книгу в октябре
1935 г. автор был награжден орденом Ленина.

Предположение о влиянии этой работы Мандельштама на его стихи последующих лет выдвинуто в статье: *Жюль Алекс де. Как закалялась стихотворение: Мандельштам и Островский // Русская литература XX века: Исследования американских ученых.* СПб., 1993.

9 октября 1935

⟨...⟩ Спасибо, Киса, за «Tristia» — сейчас займусь тем, что разнесу по старой сетке по годам твое оглавление.¹ Лина, спиши мне текст: «От легкой жизни» (знаю наизусть, но не точно), «Вот дароносица», «Исакий под фатой» — и что это за «Ласточка»?² Если вещь не знач(ащаяся) по другим изданиям — и ее тоже.

А с радио, о котором писал вчера,³ — могила. У меня ум за разум зашел — а ладится плохо, хотя Оськи утихомирены и со мной ультранежны. А действие происходит в Щебетовке и действует «о(тец) Василий». Честное слово! — все-все в жизни связано с тобою.⁴ ⟨...⟩

Детуся, сегодня ходил менять паспорт. Волынка довольно длинная, но я спокойный теперь и прохожу все стадии мирно и тихо.

Как о рае мечтаю о хоть более или менее сносной службе — о 200 р. в месяц, чтобы и тебе было легче ⟨...⟩ да и чтобы с Оськой не кооперироваться. ⟨...⟩

¹ Речь идет о присланном Л.С.Финкельштейн оглавлении книги Мандельштама (Пб.; Берлин. 1922).

² Стихотворение «Я слово позабыл, что я хотел сказать...», под заглавием помещено в кн. «Tristia».

³ Подразумевается работа по книге Н.Островского.

⁴ Рудаков обыгрывает сходство названий места действия в книге «Как закалялась сталь» (Шепетовка) и Щебетовки (бывш. Отузы) в Крыму. О каких биографических сближениях ведет речь Рудаков, установить не удалось.

10 октября 1935

⟨...⟩ Отступление. Передач нужно несколько.¹ О(сип) — опять манит меня. Я очень полно его отругал, сказав, что уже десяток работ мне предлагался, а делался им (перечислил все его доблести). Он бунтовал, отрекался, валил было все на меня, и стал говорить: «Возьмите самостоятельно, вы не хотите работать в коллективе с нами». А я хочу, но сделать это было трудно, т.е. «работать». Он беспорядочен предельно. Но я работать захотел и стал. Масштабы, может быть, пустяковые, но выводы сейчас огромные. Эти дни я находился в очень тяжелом состоянии. И не боюсь об этом вспоминать, а тебе писал. Затруднения всегда идут развернутым фронтом. Материальная база, литература, работа с Оськой — все в перспективе — с точки зрения уныния может гореть жалобными огоньками и

чадить. Ведь он (например) жив только верой в себя, и это методологически верно.

Никогда человек не должен думать, что нет выхода из положения. Всегда может спасти воля, воля.

В воронежском однообразии Мандельштам — это большой процент моей жизни, и с этим надо считаться. Невозможность вместе работать (как раньше возможность писать стихи) — решающий фактор (между прочим, тут же вопрос денег).

Итак, работать я взялся. Способ таков. Читая книгу, я аннотирую эпизоды и куски текста. (Читали и они.) Из 350 страниц надо сделать радиогеничность на 30 страниц.

Доругался я (тогда) до того, что с ним нельзя работать. Он: «Неужели я так мелочен, что за то, что вы вели меня в работе над стихами, я буду в иной работе умышленно себя выставлять!? Я самый советующийся человек».

Н(адин): «Да, но только в стихах. В остальном ты уверен, что все делаешь лучше всех...»

Мой вывод. В стихах мы (т.е. я) спорили до конца, так как была абсолютная ответственность за стихи лучшего, может быть, в мире поэта. И я спорил до смерти, а в халтуре это просто невежливо, т.к. низка выработка будет. А кроме того, меня не поколеблет в стихах — его брань (а брань — фон творчества у него). Он всеми словами ругает строку, и кажется, ее заплевал полноценно, а потом она же остается, а ряженный гений в итальянских переводах в радио² непомерно авторитарен, и т.к. я не успеваю (не довожу до конца, как с тем переводом) доказать свою точку зрения практически, то в историческом плане я оказываюсь оттесненным. А Надька все это усиливает. «Это может сделать только Ося, для такого надо иметь нечто в пальцах» и т.д. Т.е. опять Ося по одну черту, а обыватели и я по другую («Как вы, С(ергей) Б(орисович), сделает каждый» etc.). Это мотив всех попыток работать халтурно вместе. Я не лезу на стену, и победителем остается тот, у кого последнее слово, т.е. Оськи. {...} Вернусь к Островскому.

О(сип) — не имеет чувства объема, композиции, и все его удачи в этой области — случайности. Он и стихи, и все делает «строчками», а они лепятся друг к другу, это не архитектоника. А у меня (от Гумилева, или с Гумилевым) главное — ощущение соотнесенности, функциональности вещей. Итог — я создал нить фактов, драматургически связанных и образующих цепь. Факты цитатны. Их надо цементировать отсебятиной. Ее лепит Ося. Это идилия. Это результаты 1-й части книги.³ А в жизни было так. Когда я показал список учтенных цитат, Ося «хвалил» и умилялся, но платонически. Когда начали вместе работать, стоял вопль на мои куски и линии, их связывающие. Вопль: дайте готовые две страницы радио (аналогично: дайте готовую строфу — в том пе-

реводе⁴). А я не успокаивался, как раньше, а орал на него, как за стихи, и методически твердил о своей концепции ⟨...⟩ Я чертил на стене кривую действия. Он кидался ничком на кровать, со стоном, что устал и ничего не понимает. Н(адин) кусалась. А я долбил. ⟨...⟩ Кончалось тем, что Ося слюной (как пчела) склеивал мои кусочки (а без кусочков — только брызганье слюной!). Работа шла — от тупика к тупику, а там и на столбовую.

Работаем. Манометр показывает давление, близкое к стиховому. ⟨...⟩ Немного, и Н(адин) будет выгоняться в коридор.

Здесь Вилли Ферреро⁵ (помнишь?). Он по сто раз репетирует с оркестром одни куски: 5 репетиций. Этого никто не делает. О(сип) был на репетиции. И в восторге от его упорства. Мы работаем как Вилли. ⟨...⟩

¹ Речь идет о радиопередаче по книге Островского «Как закалялась сталь».

² Вероятно, Рудаков имеет в виду «Неаполитанские песенки», одна из которых упомянута им в письме от 26 сентября 1935 г.

³ Подразумевается работа над книгой «Как закалялась сталь».

⁴ Вероятно, Рудаков продолжает сравнение с работой над «Неаполитанскими песенками» (см. примеч. 2).

⁵ Ферреро Вилли (1906—1954) — итальянский дирижер. В Воронеже дал два концерта с Воронежским симфоническим оркестром в зале Большого Советского театра. В программе были: Сюита для струнного оркестра Корелли, 7-я симфония Бетховена, «Дон Жуан» Р.Штрауса (см.: Коммуна, 1935. 12 октября).

11 октября 1935

⟨...⟩ Здесь продолжает довариваться «Сталь». Момент тормозящий (новый) в том, что Надья боится за идеологическую четкость передачи и страшает Осю, что будет политический провал. Это вздор, но он частично поддается. Настоящая же причина некоторой прохладности к «закалению» в том, что он зачисляется в театр на 400 рублей и его сразу обуяла лень к работе. Это только повод. ⟨...⟩

12 октября 1935

⟨...⟩ «Сталь» — ползет. Двигаем мы с Н(адин) (!), а Ося по театру бегаёт. Елизавета¹ терпеливо ждет денег, а «Орфея»(?)² пока не вижу. Экономический эффект «Стали» тот, что в счет гонорара опять (увы!) ем у Оси обед, а деньги твои (от тех 40 р.) держу на домашнюю еду, а говорю, что их нет. Любопытно, что М(андельштамы) не интересуются — что я ем по утрам и вечерам. И благо. ⟨...⟩

¹ Елизавета, квартирная хозяйка Рудакова.

² «Орфей» — радиокomпозиция по опере Глюка «Орфей и Эвридика», сделанная Мандельштамом для Радиокomитета. Какой смысл вкладывает Рудаков в это упоминание, не ясно.

14 октября 1935

⟨...⟩ О⟨ськи⟩ уже перебрались из «Бристоля». ¹ Ферреро уехал, и ремонт окончен. У «Стали» полу-пауза.

Вечер — были у Шваба, флейтиста («Мариинский», а с 1918 года — здесь), он шахматист 1 категории. ² Проиграл ему 3 партии. Покой и занавески, семейный чай, разговор почти по-немецки. Играл на флейте Моцарта и куски из Баха. Немного на рояли (Бах). Ося — читал свои стихи, преимущественно где есть о музыке.

Днем произошло одно травматическое событие. Шел от Тат⟨ьяны⟩ Серг⟨еевны⟩ ³ — а она живет под горой — споткнулся на гладком камне и упал, разорвал немного левую ногу и, по обыкновению, подвывихнул правую, она дико внизу распухла, но мало болела, даже к Швабу пошел, а после сидения весь вечер в одном положении сейчас нога дико разболелась, но по дороге разошлась. Это не серьезно. Оськи хотели меня оставить у себя, но доехал третьим номером. ⟨...⟩

¹ Гостиница в Воронеже, где Мандельштамы поселились на время ремонта в снятой ими комнате.

² Шваб-Карл Карлович (1873—1939) — солист (флейта) Воронежского симфонического оркестра. До переезда в Воронеж (1918) работал в Мариинском театре в Петербурге. Был арестован 29 декабря 1936 г. по делу «фашистской контрреволюционной группы». Погиб в пересыльном лагере на Второй речке через 10 дней после смерти Мандельштама (см.: Ласунский О. Соло на флейте для поэта // Воронежский курьер. 1991, 18 марта; Акиншин А., Ласунский О. Музы ГУЛАГА // Утро. Воронеж. 1992, 14 апреля. С ним связано стихотворение Мандельштама «Флейты греческой тэта и йота...» (апрель 1937 г.; см.: *Воспоминания*. С. 174).

³ Об этой знакомой Рудакова других сведений разыскать не удалось.

15 октября 1935

Линуся, сегодня день провел дома, даже лежа... Часа в 4 Оська принес обед: мясо и блинчик. Часов в 6 не выдержал и пошел на почту: три письма (13, 14, 15) и «Шум времени». ⟨...⟩

16 октября 1935

Китуся, доброе утро. Одиннадцатый час — я сижу за столом и делаю кое-что по «Стали». ⟨...⟩ Н⟨адин⟩ собирается к 20-му уехать в М⟨оскву⟩. У О⟨сипа⟩ довольно благополучно с театром, но это требу-

ет времени, и он нервничает и ищет повода опорочить работу, чтобы избежать ее. Псих, как индюк, постепенно начинает багроветь.

«Египетская марка» — минутами была хороша. Петербург превагиновский,¹ но минутами сумасбродная и пуста... Кое-что просится в комментарии к стихам. Но узко, узко. Вот посмотрю «Шум». (<...>)

¹ Эта характеристика в известной мере предвосхищает стадиальность «петербургского текста», предложенную современным исследователем: «Пушкин и Гоголь как основатели традиции; Достоевский как ее гениальный оформитель, сведший воедино в своем варианте Петербургского текста свое и чужое и первый сознательный стронтель Петербургского текста как такового; Андрей Белый и Блок как ведущие фигуры того ренессанса петербургской темы, когда она стала уже осознаваться русским интеллигентным обществом; Ахматова и Мандельштам как свидетели конца и носители памяти о Петербурге, завершители Петербургского текста; Вагинов как закрыватель темы Петербурга, «гробовых дел мастер». (Топоров В.Н. Петербург и Петербургский текст русской литературы // Метафизика Петербурга. СПб., 1993. Вып. 1. С. 210).

16 октября 1935. Вечер

(<...> Утром зашла Н(адин). Вместе пошли к ним. Играли в шахматы (счет 4 1/2—15 1/2 в мою пользу!). А к вечеру они готовили сокращение пьесы «П(латон) Кречет»¹ — сокращенье для передачи по радио (это служебное задание). Вечером же — Гольдони «Слуга двух господ», премьера.² Лина, театр тот же, что на Ферреро.³ (<...>) Сидели все врозь на свободных местах. (<...>) А в конце Ося, изумленный и побледневший, подошел к нам: «Со мной феномен произошел — я забыл, кто я, это раздвоение личности...». А Н(адин) острит: «Слуга двух господ» (т.е. театр и радио). (<...>)

¹ Пьеса украинского драматурга А.Е.Корнейчука.

² В этот день было напечатано интервью с постановщиком пьесы П.Б.Харлиппом (см.: Коммуна. 1935. 16 октября). Отчет Е.Лубина о премьере был помещен в «Коммуне» 22 октября.

³ Подразумевается зал Большого Советского театра.

17 октября 1935

(<...> У Осек — с Н(адин) записывал психову биографию. (<...>) «Сталь» ползет.¹ Оська мною отвлекается. Н(адин) скоро едет, а я боюсь, что О(сип) меня одного заест радио-проектами и всем сумбуром своим. Но зато попробую полнее выпотрошить в смысле истории. (<...>)

¹ Подразумевается работа над радиокомпозицией по книге «Как закалялась сталь».

20 октября 1935

⟨...⟩ Оська, конечно, надул (он ведь не знал о рожденьи¹) и не пошел на «Грозного». ²⟨...⟩ Маранц³ обещает работу (первый шаг — «Москва—Донбасс»,⁴ но туда «нас» не берут). Жду Ромин проект,⁵ да ведь еще должен буду с радио (то есть, увы, с Осек) получить — что-то получится... ⟨...⟩

¹ Рудаков говорит о дне своего рождения (21 октября).

² Речь идет о спектакле в Большом Советском театре. Трагедия А.К.Толстого «Смерть Иоанна Грозного» шла в театре 20 и 21 октября.

³ Маранц Федор Яковлевич (1887—1942?) — агроном-плановик воронежского Сортсемтреста; знакомый Мандельштама. До 1914 г. жил в Австрии и Германии. Был под арестом в 1938—1939 гг. (см.: Ласутский О. Поединок // Воронежский курьер. 1991. 27 ноября). По сообщению Н.Я.Мандельштам, готовился стать скрипачом, но в юности «испортил себе руку». Был одним из «первослушателей» стихов Мандельштама. «В Феде была та внутренняя гармония, которой отличаются люди, слышащие музыку. Со стихами он столкнулся впервые, но его музыкальное чутье делало его лучшим слушателем, чем всех специалистов» (*Воспоминания*. С. 65). Вместе со своей женой, Еленой Яковлевной, он жил по адресу: Поднабережная ул., д. 51, кв. 29.

⁴ Управление железной дороги этого направления.

⁵ О каком проекте пишет здесь Рудаков, неизвестно. Рома — вероятно, Цомук.

21 октября 1935

Линуся, сегодня продолжение вчерашнего дня — на почте девять получений (8 писем и бандероль — «Камень»). ⟨...⟩ Оська на «Камень» и обрадовался и разгрустился. ⟨...⟩

22 октября 1935

⟨...⟩ Чего не было давно, пришел от О(сипа) поздно — неожиданно опять литературные разговоры, воспоминания etc. ⟨...⟩

23 октября 1935

⟨...⟩ Разговоры и всё с ними пошли после концерта типа Ирмы Яунзем (Фрейчко, кажется).¹ ⟨...⟩ Оська в театре и уже начинает там скандалить. Ему не дают «фору», а он лезет. 1-я часть «Стали» уже сдана. Надоело до дьявола. Кит, сегодня О(сип) принес анкету для театра, и ее вид подействовал на меня ужесточающе.² ⟨...⟩

¹ Фрейчко Дина, исполнительница народных (русских, украинских, еврейских, грузинских, армянских и др.) песен, дала в Воронеже два концерта — 22 и 23 октября (см.: Коммуна. 1935. 20 октября). Яунзем Ирма Петровна (1897—1975) — певица (меццо-сопрано), собирательница и исполнительница фольклорных песен.

² Анкета не обнаружена; вероятно, на Рудакова произвели впечатление данные об арестах.

23 октября 1935

⟨...⟩ Н⟨адин⟩ настаивала, чтобы О⟨сип⟩ меня представил на радио, а О⟨сип⟩ вилял, пока, наконец, выяснилось, что он боится себе испортить положение. О 2-й части «Стали» — решение глупейшее: он ее делать не хочет; тем, что делаю я один, — не удовлетворен, а от моего имени не несет: деньги получил под первую только (сто с лишним), и они ушли на пару обедать. ⟨...⟩ Маранц кроме жел⟨езной⟩ дор⟨оги⟩ ничего еще не узнал. ⟨...⟩

24 октября 1935

⟨...⟩ Сегодня рано дома. ⟨...⟩ Занимаюсь Оськой. Смотрел свою тетрадь. Лиана, это бездна материала! и мыслей!! Необходимо продолжать. Иначе глупо и нечестно. Всегда потом при надобности можно перетрясти, но сейчас писать и писать. ⟨...⟩ С О⟨сипом⟩ немного работал над его прозой, по «Шуму времени» и «Египетской марке» — примечания труднее добывать, чем по стихам: ведь это проза, значит, нужное уже сказано и не требует повторения. Это его логика. ⟨...⟩ Мы купили Нарбута,¹ а потом мальчик поехал на дежурство, а за это два след⟨ующих⟩ дня провели вместе. ⟨...⟩

¹ Вероятно, Рудаков пишет об одном из поэтических сборников Владимира Ивановича Нарбута (1888—1938), близкого Мандельштаму по Цеху поэтов.

25 октября 1935

⟨...⟩ Н⟨адин⟩ старается ублажить меня диктовкой его биографии. И то благо. Но освещение событий у нее с претензией, с наглостью и пошло по окраске, не в пример Оське. ⟨...⟩ Сейчас занимался «шуточными» — скоро допотрошу психа. Мечтаю о тетради № 2. ⟨...⟩

26 октября 1935

⟨...⟩ Сейчас много работаю над Оськой, и нужно много писать. Стянул копию анкеты, им заполненной! Родился 3 января 1891 г. И интересное изложение своего социального происхождения. Документик! Надька систематически диктует его (и свою) биографию. Есть ⟨19⟩19, 20, 21 и начало 22 года. Теперь радио-дела. 1-я часть

сделана так. Взял Островский,¹ составлен монтаж из его кусков, но т.к. они Осю не удовлетворяют художественно, он многое *пересказал* в своем вольном стиле, приукрасил бедного автора своей манерой, так сказать подарил ему свои красоты.

2-я часть сделана мною. Честный сбор цитат. Согнанных и подогнанных. Его отказ от моей работы, от ее метода тебе уже описан. Сегодня он читал свою первую часть на радио. Там испуг. «Книгу, одобренную правительством, признавать негодной стилистически?!!» Передача снята. Деньги идут только под первую часть. Похоже, что на радио (не наверно еще) не будут больше давать работы. Ося горд: «Опять я не смог принять чужой строй, дал себя, и меня не понимают» (я-де гений). (...) Там один из радиоработников в кабинете зава стал его утешать: «Это не ваше амплуа». Он раскричался: «У меня нет и не было *моего* амплуа...» (т.е. — я молод и многообещающ, и безграничен). Все буффонство и биографический анекдот. Самоупоенье.

Надька опять собирается продавать квартиру.² Это перманентно. (...)

¹ Речь идет о книге «Как закалялась сталь».

² Речь идет о московской квартире Мандельштамов.

27 октября 1935

(...) Вечером с О(сипом) были в Музтехникуме. На 2-х роялях, Моцарт и Григ.¹ (...) Оська все сходит с ума о своем положении, об этом у меня копятыся записи.

Знаешь, Кит, — тот сонет: со львом и Марией — о Петровых и, кажется, Леве Гумилеве.² Что о ней — это факт. Получается, что «патриарх» — Ося — смотревший на ухаживания за нею. Вот сплетня! (...)

¹ Кто концертировал на этом вечере, установить не удалось.

² Речь идет о шуточных стихах Мандельштама «Мне вспомнился старинный апокриф...» (1934).

28 октября 1935

(...) На почте штука: письмо Оське — с неполным адресом, дали мне по знакомству. Это из издательства о расторжении договора на книгу о Воронеже — срок ее 1 сентября.¹ С него требуют авансовые 1800 рублей. Может быть, это только формальность. Их не разобрать. Требуют и оплату почтовых расходов. Ося нежно острит, что он предложит немедленно погасить половину задолженности, т.е. 30 коп. за марки этого письма, а 1800 р. — потом. При этом —

мрачные проклятия литературе и всем издательствам. Его полубуффонская речь: «В Воронеже я благополучен: должен писать книгу о городе, колхозные очерки, передачи о Гете, Павке («Сталь»), Платоне² etc. объяснять всех музыкантов мира³ — для радиоконцертов, давать советы руководителям радицентра, исправлять для Большого театра переводы Шекспира Соколовского и Радловой,⁴ создавать итальянские песенки, сочинять на немецком и французском языках приветствие Коминтерну, режиссировать в театре, поддерживать связь театра с Союзом⁵ (хочет выхлопотать Союзу бесплатную ложу — а с Союза теарцензии), поддерживать неугасимо хорошее настроение, готовить собрание сочинений; при всем этом не мозолить глаза общественности, а быть в рамках вспомогательной работы, черновых ролей...». Это все может быть дополнено циклами психований и маниакальных грез. (...) Да, это к фону, — что иронической речи предшествовали слова: «Это (письмо издательства) — первое признание меня снова писателем, с меня требуют деньги! Скажут — обирает гос(осударственные) кассы, живет и ничего не делает» — а дальше пошло то, что было цитировано выше. И смех, и грех.

А между тем — я в миниатюре: он все хочет и боится писать *письмо*⁶ — а вдруг ответа не будет?! Что тогда?! (...) У О(сипа) взял Сухово-Кобылина. Вот О(сип) — человек со своим миром, ну гений и все такое, а Сухово-Кобылин — единственно, что нового я через него узнал.⁷ Остальное «пополнение» того ж. (...)

¹ Договор на создание книги «Старый и новый Воронеж» был заключен Мандельштамом с издательством «Советский писатель» 5 января 1935 г.

² Подразумевается пьеса «Платон Кречет» А. Корнейчука.

³ Подразумевается работа над радиокомпозицией о Глоке.

⁴ В переводе А. Д. Радловой театр поставил «Отелло» (премьера состоялась в феврале 1936 г.).

⁵ Речь идет о воронежском отделении Союза советских писателей.

⁶ О каком письме говорит здесь Рудаков, неизвестно. Возможно, разговор шел о письме к Сталину.

⁷ Пьесы Сухово-Кобылина Александра Васильевича (1817—1903), возможно, намечались к постановке в воронежском театре.

29 октября 1935

(...) Утром за мной прибежала Нюра (прачка) с запиской от Н(адин), что у Оси дизентерия. Я за Богомоловым.¹ Еще дома меня застала сама Н(адин). Вид бледный и перепуганный. Сама от меня к Елозе² в газету, Богомоллов обещал быть в 2 часа. Дома у них: Ося как ангел — весел, бодр и собирается ехать в Москву. Последние дни мечтал о болезни и скуляще-плаксивым голосом пищал: «Наденька, дай мне бюллетень». Болезнь — аргумент еще старый, один из основ-

ных поводов возврата.³ Теперь сбылось. Н(адин) как львица носится по Союзу и редакции, требуя устройства умирающего поэта в отдельную палату обкомовской больницы... Я иду на радио за деньгами — там их нет до 31-го, и вместо 150 только 100, т.к. работа недоделана... Елозо Надьку принял вполне сочувственно, дал 100 рублей и обещал все сделать. А нужно-то им не «все», а только «вольную». Н(адин) преувеличенно рассказывает о своих победах в Союзе, о том, как она вопила на всех. Богомоллов опоздал немного. Раньше пришел врач, вызванный Елозой (без меня, к сожалению). По его словам — колит. Прописал английскую соль. Случай легчайший. Лежать дома. Встать дней через 5. Богомоллов нашел, что это уже грань между колитом и дизентерией, но в облегченной форме — Ося сразу скис. Н(адин) обещает везти его в Москву поправляться — брату уже послана телеграмма. Дизентерия громкое слово. Для них лафа — шум хоть куда. Масса деталей комичных. Богомоллов говорит, что t° 38 или 37,8 — нормально и хорошо даже — для его состояния, а О(сип) все свое, что температура — значит, надо в Москву. Эта тенденция настолько оголена при всей своей тонкости, что даже Н(адин) ему говорит: «Будь приличен: не говори неловкостей». Если это откинуть, ничего веселого во всем этом нет. Болен, хоть и пустяково, а на самом деле. (...)

¹ Богомоллов Леонид Иванович — врач, знакомый Рудакова.

² Елозо Сергей Васильевич (1899—1938, расстрелян) — ответственный редактор газеты «Коммуна».

³ Имеется в виду возврат в Москву из ссылки. См. последующие письма.

2 ноября 1935

(...) Кит, вот ты пишешь, что я не хочу, не говорю тебе о литературной жизни своей (и О(сипа)) — боишься, что это сознательно. Кот мой маленький — да разве это может быть? Просто тот кусочек разговоров был малым островком — это во-первых, а во-вторых, то, что теперь и удавалось выудить — это чистые комментарии, и они сразу вставали на свое место в блокноте и, естественно, не дублировались в письмах, не пересказывались. А бытовым образом (особенно с его болезнью) мы бесконечно замотаны. Само по себе это даже повод для писем, но последние дни я как-то лишен способности наблюдать — может быть, нет деталей, а одна полоса нервов. А главное, — что пишу тебе всего себя без нарочных утаек.

Театр, болезнь, етс. — как комментарий должен воплотиться в тетради № 2. В этом смысле их обдумываю. И тут проклятое псишье фонбаронство: во всем видеть фабулу, фабульность своей судьбы. Это ложно, надуто, и вместе — безумно вяжется с его образом. Болезнь, как интервал, дала убеждение, что служить больше нельзя, это

есть самосожжение, это вредно. Упадки сменяются скандалами с Надин (с терминами: дура, дурак, скотина, сволочь и т.д. в рамках мещанско-комнатной ругани с психологическими экскурсами в область этики поведения и общежития). Деньги у них почти последнее — тревога; а все к мысли, что он устроен (служит) — привыкли, и не беспокоятся. Н(адин) тоже нездорова (сильная простуда). И я сегодня звонил ее брату (чертова станция — с Москвой слышимость чудная, как в городе, как в Ленинграде). (...) Ответ от Евг(ения) Як(овлевича)¹ — что «общее не время»,² а деньги, может быть, еще достанет (это у них называется независимость от родни...). Богомол мил, внимателен, и сам одинок и задавлен... Оськи сволочи — людей ненавидят и обращаются с ними мерзко и нахально. Словом, Богомол рисует (а искусства не знает, ни литературы — меня спрашивает, как звали Дельвига, который убил Пушкина: Антон или Александр!?!). И Надька стала ему показывать Ван-Гогов и говорить, что нужно этакое в кончиках пальцев иметь, etc., etc. А тот чуть не спросил чего-то вроде «Дельвига». А Оськи пышно цветут на фоне бедного «непросвещенного». И тут же Псих стал ему о своем величии доказывать. Пусто и мелко. Хорошо, что я успел Богомолова предупредить (не столько о величии О(сипа), сколько о мании величия, как о следствии жизненной загнанности при фактически первоклассных литературных данных — ведь яснее ему втолковать нельзя, в большее со слов не поверит). Это все для 2-й тетради. Пусть не звучит сплетней. Стыдливые многоточия всегда можно будет вставить. Психованья — это налет, а впрямь — они больны, и сейчас не грех с ними возиться. Сегодня оговорено: в день полчаса литературной работы (комментарии — насильственно, как лекарство). (...)

¹ Евгений Яковлевич Хазин (1893—1974) — литератор; брат Н.Я.Мандельштам.

² По-видимому, так Е.Я.Хазин ответил на пожелание начать хлопоты по освобождению Мандельштама из ссылки.

3 ноября 1935

(...) У Осек денежные волнения, которые к тому привели, что я должен был еще раз звонить Евгению Яковлевичу и Шкловскому (!). Но пришла телеграмма, что за Мопассана¹ высылают 500, и они успокоились. Болезнь фактически кончилась. Заходили Богомолы и Маранц. А Оська все хочет болеть, чтобы жить льготами. Пустое дерганье и усталость. Это надоело и уже скоро кончится, я надеюсь. (...)

Читали «Марко Поло» Шкловского. Оська говорит, что это начало отмены всякого чтения, вроде кино. А по-моему, минутами просто нестерпимо — особенно набор цитат про татар.² Решено было все это рассказать Шкловскому параллельно с устройством для

Н(адин) перевода в ГИХЛе. Есть идея звонить Пастернаку. Все это мандельштамовские штучки, а мое участие мотивировано тяжелой болезнью героя. Кит, к моменту получения этого письма все войдет в норму, т.е. игра в болезнь чувствует свой конец. <...>

¹ См. примеч. 4 к письму от 6 апреля 1935 г.

² Речь идет о журнальной публикации «Марко Поло»: Знамя. 1935. № 6, 7 (отд. изд. — М., 1936). Оценки Мандельштама и Рудакова имеют в виду повествовательный стиль Шкловского и его способы использования источников. «Набор цитат про татар» (в гл. IV: № 6. С. 121—125) — из «Libellus historicus» П. де Карпини (в русском переводе 1911 г., которым пользовался Шкловский, — «История монголов»).

4 ноября 1935

<...> Оська почти здоров. Легкие волнения из-за того, что т° доходит до 37,2! Но все мирно. А литература многообразна. Но об этом ниже. <...>

Сегодня у меня день поворотный. Именно — начало литературной работы. Мы почти час работали по «Tristia», и, кроме того, я массу из него тянул попутно. Я лукавыми разговорами (после полного выяснения данных по анализируемому стихотворению) свожу Оськину мысль на общие вопросы. Метод такой. Я говорю о своей (или чьей-нибудь) точке зрения, а он возражает и плывет по данному направлению, себя проявляя. Далее: выматываю сведения о писателях. Сегодня: Рукавишников, Сологуб, подробно — Дм.Петровский¹ и стихи последних номеров («Знамя», «Звезда», «Новый мир»). А фон — расспросы о теоретической работе — о его «Данте».² При этом он чувствует, что фиксирую только комментарии к стихам!!

Кит, у них от Евгения Яковлевича скверные, неутешительные намеки на Оську.³ Повторяющаяся мысль, что раз так: хуже и мне — на этот раз не пришла. Почему-то легкость и вера в целесообразность жизни, в то, что нужно, как ты пишешь, *каждое мгновение надо держать крепко, оно неповторимо*. <...> Спасибо, Китуся, что так ждешь моих стихов. А как те — последние — Кит, как они? Самому они уже кажутся чужими, такие они настоящие, такие уже и без меня живущие. Так ли это для тебя? Если бы Оська был не такой псих критический — показал бы ему, а так — не (1 нрзб) его тревожить. Пусть лучше о себе тихонько говорить будет. <...>

¹ Имеются в виду поэты: Рукавишников Иван Сергеевич (1877—1930), Сологуб Федор Кузьмич (1863—1927), Петровский Дмитрий Васильевич (1892—1955).

² «Разговор о Данте» (1933).

³ По-видимому, речь идет о перспективах освобождения Мандельштама из ссылки.

5 ноября 1935

⟨...⟩ У Осек мир. Т.е. он встал. Жизнь ровная в ожидании будущего. Не выходит еще. Читаем Шевченко (по-украински и в переводе Сологуба), Медведева о формалистах...¹ Много и хорошо работаем. Через 3—4 сеанса кончится книга 1928 года.² Да, Кит, спиши, пожалуйста, из «Tristia» «В хрустальном омуте». Масса ценнейшего укладывается в блокноты с примечаниями. И опять тупик: понял, что пишу примечания сам, т.е. из О⟨сипа⟩ выматываю и огромную долю своих мыслей апробирую и с его изволения фиксирую. Сам это всегда отделить сумею, но делать двойные примечания нелепо сейчас. А тут игра: если это М⟨андельштам⟩ — ему все верят, если это я — сомнения. А выдавать все за М⟨андельштама⟩ — значит себя «затирать». Все это нормально должно утрястись и в боковых, и в предисловных словах должно быть четко названо. Верно? А техника растет. Как он станет менее подробен — я ему чего-нибудь вопросительно-раздражающего, и он оживляется, и едем дальше.

Н⟨адин⟩ сплошь обыгрываю. Шахматы и семечки — наша вольность, вопреки вкусам Псишьим. ⟨...⟩

¹ Медведев П.Н. Формализм и формалисты. Л., 1934 (см. об этой книге во вступительной статье).

² Речь идет о «Стихотворениях» Мандельштама (Л., 1928).

6 ноября 1935

⟨...⟩ А днем: бега по покупочным делам — бега бестолковые. Просветы разума у О⟨сипа⟩ — с ним почти хороший разговор о Хлебникове, о акмеистах, а после (часов с 6) психованье — страх за болезнь, и я тащусь к Богомолу; с ним обратно, он разговорчив и сидит вечер. Пусто и бессмысленно. О⟨сип⟩ не замечает, что собеседник не в курсе его дел, и тонко плетет ему о своей политике, а тот ушами хлопает. Пусто, и нет все оправдывающей работы, напряжения, при котором О⟨сип⟩ из маниакального больного делается человеком, собою. ⟨...⟩ Детик, внутренняя новость: очень мне нравится Шевченко. Может быть, для него начну читать по-украински. ⟨...⟩ Детуся, попробую записать кое-что о Хлебникове и ложусь. ⟨...⟩

7 ноября 1935

⟨...⟩ У О⟨сипа⟩ разговоры о нашей форме жизни, о ее беспредельности узаконенной. Вдруг, как ижица, осозналась нелепость этого. Почему? Зачем это? И как в письме, что писал тебе в конце первого

нашего лета (еще на «вы», еще до всего), стало ясно настоящего с высот будущего. Как изумительна встреча с М(андельштамом). И через все бытовые дебри его (их) изломанного лица пробираемся мы к историческому и неповторимому. Он говорил о моих стихах как о будущем, о своем авто-протесте на них, и о изумительной моей выдержке к нему, к его стихам. Линонька моя, когда это кончится, будем вместе, и я буду писать о нашей воронежской свободе, о мире, открытом в будущее — за счет нормального настоящего.

О(сип) побрился — я ему сказал, что есть два человека, О(сип) Э(милевич) бритый и О(сип) Э(милевич) небритый. А он добавил, что у них разная идеология.

Написали план работы. Именно — кроме примечаний составить письма (до десятка): в Секцию поэтов, Щербакову,¹ Пастернаку, М.Шагинян, Селивановскому,² в редакции журналов. Снабдить их стихами и пояснениями к стихам (а мне это и комментариями будет). Это должно создать оживление вообще, а для О(сипа) — «внутреннее движенье». Пусть утопия, но работа, и нужная по существу, как анализ. Сейчас кончаем «Tristia». Лирика, характер записей углубился невероятно. {...} Боже — сделать бы так Гумилева! Самому или с А(нной) А(ндреевной)! А там и теория поэзии сложится сама.

Интересные дополнения. У стихов «Tristia» — «Я изучил науку...» была строфа:

Всё чуждо мне в столице непотребной
Ее сухая твердая земля
И буйный торг на Сухаревке хлебной
И страшный вид разбойного Кремля.
Она дремучая всем миром правит
Мильоном арб она качнулась в путь
И пол-вселенной давит
Ее базаров бабьих ширина.³

Т.е. отвлеченнейшие стихи — конкретная Москва!
А «Чуть мерцает призрачная сцена» имела вариант:

Слаще пенья итальянской речи
Для меня родной язык
И румяные затопленные печи
Лучше римских мозаик.⁴

Общеизвестны подчеркнутые стихи так:

Ибо в нем таинственно лепечет
Чужеземных арф родник.

Мне — убранный нравится, хотя про арфы стало классическим. День сегодня теплый, жаркий. {...} Тебе письмо отправил с вокзала.

Там купил «64»⁵ и «Литературную газету». Жаль Дементьева.⁶ К нему участие через Багрицкого еще.

Нет покоя, и сонет не тронут сегодня.⁷ Примечания же идут очень хорошо. (...) Я от Г(ригория) М(оисеевича) письма не получил. И печалюсь. Еще не писал Степ(анову).⁸ Тын(янов) — кажется, сволочь.⁹ А новое издание «Кюхли» чудное.¹⁰ Но он животное. (...)

¹ Щербаков Александр Сергеевич (1901—1945) — в 1934—1936 гг. секретарь Союза писателей СССР.

² Селивановский Алексей Павлович (1900—1938) — литературный критик, автор статей об акмеизме и акмеистах.

³ По-видимому, эти сведения легли в основу соответствующего примечания в кн.: *Мандельштам О.* Стихотворения. Л., 1973. С. 275.

⁴ Редакция этого стиха в публикациях и автографах читалась: «Словно розы римских базилик».

⁵ Название шахматного еженедельника.

⁶ В «Литературной газете» от 5 ноября 1935 г. были помещены некрологи поэта Николая Ивановича Дементьева (1907—1935).

⁷ Рудаков имеет в виду свой поэтический замысел.

⁸ Степанов Николай Леонидович (1902—1972) — литературовед; знакомый Рудакова.

⁹ Рудаков подразумевает молчание Тынянова в ответ на его просьбу о характеристике. В связи с ней Л.С.Финкельштейн писала Рудакову 2—3 декабря 1935 г.: «Кита, сегодня, наконец, повидала Степанова. Он уверяет, что Т(ынянов) даст все нужное. Условились, что он не будет ему звонить (повидаться с ним не может из-за скарлатины), а я сама позвоню и приду, чтоб было нахрапом, чтоб он дал письмо сразу же, без советов с женой. (...) У Т(ынянова) дела еще хуже. Он был у врачей в Москве — установлен диагноз — рассеянный склероз. (...) Отсюда нога, глаз и прочее, что с ним происходит. (...) Вот чем объясняется то, что он не ответил на твое письмо. По словам Степ(анова), и я думаю, что это правда, в таком деле ни к чему прикрашивать — Тынянов очень тепло о тебе отзывается и чувствует вину от ненаписанного письма. (...) Папа сделал так, что заявление будет должным образом рассмотрено, этому помогут. Ися (Бабель. — *Per!*) пока ни при чем, т.к. в Киев он не приезжал, но в Москве у него буду и думаю, что не помешает и его участие. Сегодня буду у Т(ынянова), выведу 6-го вечером. Из Москвы буду звонить М(андельштамам) по телефону» (Ед. хр. 17). По-видимому, жена Рудакова осуществила свой план (см. примеч. к письму Рудакова от 15 декабря 1935 г.).

¹⁰ В 1935 г. «Кюхля» выходил дважды. Рудаков, вероятно, имеет в виду издание в оформлении художника В.Чернецова (иллюстрации, заставки, концовка, рисунки на суперобложке).

8 ноября 1935

(...) Сегодня — обыкновенный день. У О(сипа) чуть-чуть осложнилось его здоровье, может быть — утомление после первого выхода на улицу и неумеренной подвижности: т^о и головная боль. Вечером капризы и постель. Не занимались из-за этого. Но, читая «Новый мир», обсуждали журнальный вздор. Он говорит: «Как они все с ума не сошли, эти пакостники, — ведь так писать невыносимо. Еще ак-

меисты над собой острили, что в глаза смерти надо смотреть (и писать об этом стихи) *модро и болотцевато...* Это невыносимо».

О себе говорит, что казенный период кончился. Что больше не хочет ни театра, ни радио. А рупор на улице кричит «Кречета», но не в его перделке.¹

Кит, для Шевченко, кажется, начну читать по-украински. Уже знаю наизусть и читаю:

І день іде, і ніч іде
І голову сховавше в руки
Дитвуюся: чого нійде
Апостол правди і науки

(может быть, правописание еще не точно). А какая фонетика! Может быть, это будет первым моим иностранным языком. <...>

¹ См. примеч. 2 к письму от 28 октября 1935 г.

9 ноября 1935

<...> Теперь о стихах. <...> Так вот о теории. Бывают стихи — точно разложимые на «планы» (языковые пласты). Таковы, может быть, даже оськины стихи хотя бы 20-го года (см. разбор в «Архаистах и Новаторах» у Тынянова). Там, допустим, этот ключ *дерево* и все деревянное. И это и внутренне связано, и внешне (об этом хорошие вещи говорил С.Вл.Петров — ШПРОТ¹). А то, что, может быть, в «Данте»² есть, чем живы лучшие вещи 1930—35 года его, и что вижу в «Миргороде»³ своем — это связь не *словарная*, а *смысловая*. Т.е. не локальность (т.е. совпадение темы и подобранных слов и образов), не единство словарных источников (архаизмы там, или слова античные, и еще что) — а повторяемость, усиление, собирание, нагнетание, группировки элементов, говорящих об одном. Яснее это трудно рассказать. <...> А стихи, разноустремленные внутренне, сейчас литературны. Поговори об этом с Г<ригорием> М<оисеевичем> (может быть, даже прочти это место). А Моня⁴ пусть культивируется и возрастает у нас — это только хорошо. Пусть заочно проникается ко мне почтением, если только знает, что Я — это Я. Так нужно широко обсуждать все это. Я с кем? Шадрин — ангел вроде Тынянова, и тоже не пишет. С О<сипом> поругиваюсь о том, кому из нас хуже — четко и злобно (но спокойно) доказываю, что ему плевать на людей, поэтому думает, что им (т.е. мне) лучше. Это идет в сопровождении того, что критикуется весь воронежский период с точки зрения этичности его поведения. Все это пицца для тетради № 2. <...>

¹ Литературное объединение; название составлено из начальных букв фамилий его участников: Шадрин Алексей Матвеевич (1911—1983) — переводчик; Петров Сер-

гей Владимирович (1911—1988) — лингвист, переводчик; Рудаков С.Б.; Обломиевский Дмитрий Дмитриевич (1907—1971) — литературовед; Томашевский Борис Борисович (1909—1974) — литературовед. С.В.Петров, который, как и Рудаков, был страстным почитателем стихов Мандельштама (как и Л.Я.Гинзбург, И.Г.Ямпольский, С.А.Рейсер, он был арестован через несколько дней после выступления Мандельштама в Капелле 23 февр. 1933 г.), оставил воспоминания, содержащие некоторые сведения о ШПРОТе. Объединение составилось в 1932 г. и мыслилось его участниками предназначенным для разработки методологии литературоведения — «нечто вроде ОПОЯ-За», но развернуть научную деятельность не смогло — ни один доклад, по этим воспоминаниям, так и не был прочитан.

² «Разговор о Данте» (1933).

³ Вероятно, стихотворение Рудакова «От холмов уйдя в отроги...».

⁴ Возможно, здесь назван Рейсер Соломон Абрамович (1905—1989) — литературовед и текстолог, знакомый Л.С.Финкельштейн еще по Киеву. Моей, по его свидетельству, его называли в кругу близких друзей.

10 ноября 1935

Линуся, вот и скандал, если это нужно. Дело такое — сегодня поругался с Оськой. Обстоятельства и источники такие:

С давних времен (до тебя и при тебе) гипертрофия его биографии, работы etc. С моей стороны — одно объективное наблюдение. Работа наша идет по чайной ложке в пятидневку и все такое прочее. У меня настроение под давлением тыняновского молчания и всего ленинградского прошлого с Гуковским, Пушкинским Домом etc.¹ А здесь из-за Психа литературная безработица — закрыты «Подъем», радио и т.д. Ты все знаешь, но повторяю как мысли последних дней. Сегодня был в Публичке. «Литературный Ленинград» о выходе малой серии «Библиотеки поэта» — опять XVIII век (Лом(оносов), Сум(ароков) и все прочее).² Действуют такие радости нехорошо, но вовсе не отчаянно, не разрушая. Придя к О(сипу), почему-то решил об этом, т.е. о сборниках, сказать. А он бойко: «Вы тут работайте. Занят тот материал — на новом. Если мысли есть, всегда выбьетесь, и все получится хорошо». Я стал (опять) говорить, как вредно отражаются эти тормозы, как я мог еще в 1929 году работать официально, и всё (ну, ты ведь знаешь), а он опять свое. Но гадко именно тупое равнодушие, прикрывающееся благими советами. Скандал начался с того, что я сказал: «Будь у меня конченая и изданная работа, и вы по-иному относились бы к моим сегодняшним планам, не говоря уже об отношении Тынянова и литературы вообще ко мне». Он взбеленился, что я его обвиняю в низкопоклонстве перед литературой, его! — ниспровергателя авторитетов!! и т.д. Злоба перешла в ругательства почти обычные, но чрезмерные. Все предыдущее и последующее я говорил очень спокойно, но вполне злобно, так что его корчи понимаю. Не надо было этого начинать, но начав (т.е. обратив нескромно внимание на себя), не нужно было смягчать. Пусть это заложено в его характере, пусть это повод и причина всех его ссор (от

Гумилева через Саргиджана до Вдовина),³ но мне от этого не веселее. Он опять (как тогда при тебе) вопил, что я его обвиняю в хамстве (теперь уже обиженно, а тогда стоически). Н(адин) вмешалась, говоря, что если бы его лишили Данта, как меня всей литературы, он не написал бы «Разговора» своего, а без Гумилева, Ахматовой, Г.Иванова и К°, может быть, его и не было бы таким вовсе. Он совсем очумел от этого. Стал орать, что все настоящее всегда пробьется и т.д., и т.д. У меня нет темперамента пересказывать все; да это «все» и не так многообильно. Важно же, что я перехожу для него в разряд его «не понимающих» людей. Вот скот — и это после всего, что я делал для его же стихов, и старых, и новых! Поиграв с Н(адин) еще в шахматы и почитав Шевченко — я ушел часов в 9. Он в озлоблении лежал на кровати и огрызался на Н(адин). Если это не пойдет у него по линии маниакальной — завтра будет держаться побитой собакой. А нет — решит, что я враг!

Сведения лишены лексической прелести подлинника (вот театр для Наташи и ее мужа⁴), но важно, что в сцене многое недоговорено — я очень хотел сказать, что он, подобно Пастернаку, — боится устроить мне работу, чтобы себе не напортить. И делает именно потому, что не почитает меня за литератора — т.е. не видит аналогии между собою и Пастернаком. Но и сказанное его переполнило, хотя и не было рассчитано на высокие эффекты.

Все это гадко, но быть ангелом иногда труднее и бесполезнее. Жаль, что все разыграно на три голоса, что не было тебя — были бы и ясность, и цельность. Мне все кажется, что ты смогла бы его усадить на место, сказав, что он должен понять, что я такой же, что я теряю от общения с ним, расходуя себя, и все такое — может быть раз в жизни это надо было бы сказать именно так. {...}

¹ Г.А.Гуковский в это время возглавлял группу по изучению русской литературы при Пушкинском Доме; других сведений о сотрудничестве с ним Рудакова нами не получено.

Когда наша работа уже была сдана в набор, М.Д.Эльзон в заметке «Звездный час Николая Львова» (Russian studies. 1995. Т. 1, № 4) привел сведения, документированные научные занятия Рудакова в ГИИИ. Это текст заявления в Гос. Публичную библиотеку с просьбой разрешить работу над рукописями Н.А.Львова и поддерживающее его отношение Г.А.Гуковского (в качестве исполняющего обязанности декана словесного отделения); оба датированы 26 марта 1929 г. В заметке сообщается и о других заявлениях Рудакова в фонде РНБ (одно — в связи с занятиями А.А.Дельвигом). Анализируя эти и сопутствующие данные, М.Д.Эльзон приходит к выводу о том, что материалы, собранные Рудаковым, были использованы Гуковским (под псевдонимом «З.Артамонова») для публикации «Неизданные стихи Н.А.Львова» в томе «Лит. наследства» (1933. Т. 9/10); выразить благодарность Рудакову печатно Гуковский не мог по «независящим обстоятельствам» (с. 383). Здесь нет необходимости обсуждать новую атрибуцию псевдонима (З.В.Артамонова — вторая жена Гуковского и сокурсница Рудакова по ГИИИ), однако вопрос о том, действительно ли имя Рудакова в то время не могло быть названо в печати, следовало бы аргументировать применительно к реальным обстоятельствам тех лет: ведь Рудаков был выслан только через два года после выхода тома в свет. В связи с не лишенным основа-

ния предположением автора заметки о том, что материалы Рудакова могли быть использованы в упомянутой публикации, следует принять во внимание и одно противоречащее обстоятельство. Нуждаясь в характеристике своей научной деятельности для представления в прокуратуру в 1935 г., Рудаков должен был в таком случае обратиться к Гуковскому и апеллировать к этой, уже напечатанной, работе; между тем единственной его надеждой оставался, как видно из его писем к жене, Ю.Н. Тынянов.

Констатируем, что документы, найденные и опубликованные М.Д.Эльзоном, являются ценным вкладом в материалы к биографии С.Б.Рудакова.

² «Литературный Ленинград» сообщал в хронике, что в декабре 1935 г. «Советский писатель» издаст 1-й выпуск Малой серии «Библиотеки поэта» (1935, 7 ноября. С. 4).

³ О ссоре Мандельштама с Гумилевым сведениями не располагаем. Саргиджан Амир (наст. имя Бородин Сергей Петрович, 1902—1974) — сосед Мандельштама по Дому Герцена, оскорбивший в 1933 г. жену поэта. О конфликте с хозяином квартиры Вдовиным Рудаков писал жене ранее (17 апреля 1935 г.).

⁴ Квартирные хозяева Мандельштамов.

11 ноября 1935

⟨...⟩ На фронте дела такие. Пришел к ним часа в 2. Оська старается говорить об электричестве, погоде, в виде вставок — о переводах Пастернака, но все слишком вежливо, хотя благопристойно в высшей мере. Н(адин) — рассыпается, мила, etc. Оська при этом сдержанно нервничает.

Вывод: оба хотят все упорядочить, Оська чувствует, что я фундаментально недоволен «какими-то» чертами наших отношений, но познание этих черт привело бы его к самообвинению и он предпочитает все сглаживать etc.; а раз так — получается, что дело и не в нем, что он святой и т.д. Натянута, как ледок, подтаивает, — или другая метафора: царапина зализывается.

Тоже в порядке вывода: доволен собой в смысле общего «держания себя». Все хорошо. ⟨...⟩ Ушел от них рано (часов в 7) — пошел в кино. «Семь барьеров» — военно-учебная картина. Забавно.

Оськи — вступенувшись при сборах на уход — уговаривали (нежнейше) посидеть. Надеюсь на лучшее и благополучное в отношении примечаний и проч. ⟨...⟩ Кроме этого — поездка в Университетскую библиотеку менять книги. Взял укр(аинского) Шевченко и Булича о Сумарокове¹ себе, а им — Итальянские Новеллы² и журнал «Восток» (1923), где напечатан перевод Важа Пшавелы (грузина),³ сделанный Оськой — для сравнения с грузинской деятельностью Пастернака.⁴ Но об этом отдельно. ⟨...⟩ Утром был, наконец, в Музее.⁵ Вход 30 коп., и та же стоимость содержимого. Хотя как частная коллекция — ничего, но после наших музеев трудно переключиться. Ведь миргородский и воспринимается как местный, а тут — претензии.

Пара комнат — копии, с итальянских, испанских, немецких художников — от Возрождения до XIX в. Россия щипаная, но есть подлинники Сильвестра Щедрина, Лагорио. Маковского, Поленова etc. Десяток левых, два хороших Рериха, этюдики Васнецова, Нестерова — но все мелкое и второкачественное. Имена громче продукции. Один «видик» Айвазовского, рисунок Добужинского («Провинция — Воронеж» — может быть, самая лучшая вещь). Немного фарфора да несколько мраморных персон. Главное — забавно из окон смотреть на проспект, на почту. (...) У нас новость — Во(ронезская) ГРЭС в ремонте. Электрический свет только на проспекте и то в крошечном количестве. Оськам повезло — у них оставлен. (...)

¹ Булич Н.Н. Сумароков и современная ему критика. СПб., 1854.

² Возможно, «Новеллы итальянского Возрождения, избранные и переведенные П. Муратовым» (М., 1912—1913. В 2-х т.).

³ Пшавела Важа. Гоготур и Апшина (Эпический сказ) // Восток. 1923. Кн. 3.

⁴ Подразумеваются переводы грузинских поэтов, собранные в кн.: Грузинские лирики. М., 1935.

⁵ Воронежский музей изобразительных искусств: располагался в бывшем «губернаторском доме» (дом Тулиновых).

12 ноября 1935

(...) Толмачев — тот приезжий, что смертельно похож на Гр(игория) М(оисеевича)¹ (тебе его показывал, не зная его). Семья: мать (вроде старой Карлихи (?), только попроще еще), дочь (которой не видел), и он, т.е. сын. От старого кусочек мебели (расползающийся диван с инкрустациями, стулья без пружин, комодик etc.) — все в минимуме. Нового — сын строитель (масса книг, все свежее, читаемое, в будущее глядящее: он полусамочка-практик (!), рисующий, знающий фото etc.), дочь — гид Интуриста (полка иноязычных книг, американские журналы, альбомы фото, «Кюхля» etc.). Жизнеспособность и чуть рутинка, тень тени, но еще живая. Со мной милы, но нет той простоты, что установилась у «них». С ними живет племянница художника Билибина. (...) Я рад своему, но то, о чем пишу, «общество» (Боже, тут маска его, конечно) — меня всегда грустно пленяло. (...) Взял у него книгу по «Истории архитектуры» — читаем ее с Оськой. С Оськой мир. Читаем Шевченко — все трое одновременно. Мы с О(сипом) ритм и интонацию, а Н(адин) произношение и перевод. Чудный базар.

Книжная же новость — I, III, VIII и IX тома Сумарокова! Мне неожиданное издание.² Куплено вроде как пополам с О., но будут только моими. (...) Кончился вечер так: читали — читали Шевченко. Оська, стилизуя, пересказывал прелести из его дневника, а потом

была произведена читка (проверка) его — псишьих — стихов. Лучшее — «Чернозем» и с «Чапаевым»,³ а остальное — ох, жидковато минутами («Стансы» в особенности, и «Венок»⁴). (...) Цалую тебя, мое солнышко. Ты засыпай, я еще чуть-чуть займусь: запишу кое-что о Шевченко и читке стихов Оськой. (...)

¹ О Толмачеве известно лишь по упоминаниям в письмах Рудакова.

² Подразумевается «неожиданная» покупка.

³ Стихотворение «День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...».

⁴ Стихотворение «Не мучнистой бабочкою белой...».

13 ноября 1935

(...) Мотивы дня такие. У Осек Веня (мой сожитель — бухгалтер) проводил настольную лампу — теперь уютно. О(сип) здоров и бодр. Со мной нежен etc. Концепция его быта такая. Не хочет (? — не может) брать всех халтурных нагузков, их боится; бюллетень не оформлен, а для поправки (осмотра и т.д.) он направлен в обкомовскую клинику. Говорить хочет так: я переутомлен, хотя и здоров формально, перегружена и легковозбудима психика, работы умственного напряжения делать не могу, мне искренне несвойственна работа, какую выполнял последние четыре месяца — отсюда нервы и слабость сердца, сильно реагирующего на нервное возбуждение, т.е. — отчипитесь и дайте спокойный отдых, не отнимая театральных денег.

Позиция и откровенная, и хитрая, и вполне соответствующая действительности. Бюллетень дадут на основе истории болезни Богомолова, а вот дадут ли «отпуск» такой?

Пока — мир и Napatuli¹. Немного разговоров вокруг переводов и Шевченко. Я (и он) читаю историю архитектуры. Очень интересно (пока прочел первобытную стадию, Ассирию, Вавилон и Египет). (...) Линуся, все-таки привыкли мы с Оськой и нас не разогнать сейчас. Никакие посторонние собеседники его не заменят никогда. Только тебе могу говорить больше, чем ему. (...)

¹ Напареули, марка грузинского вина.

14 ноября 1935

(...) Сегодня — неожиданный Ленинград: Калецкий.¹ Он за вещами приехал. Служба в библиотеке Академии Наук и все прочее (рекомендации Эйхенбаума, Оксман,² Пушкинский Дом etc.). Его явление рецидивно. У нас возбуждает зависть и еще что-то. А он еще корежится, что 350 ему и материально, и морально мало, то да се. Но это пустое.

Собираемся сыграть турнир по 5 партий «каждый с каждым» (он, Н(адин) и я). (...) История с Федоровым³ кончилась хорошо. А о Колычеве могу сказать вот что — это московский эпигон акм(еистов) (и О(сипа) в частности).⁴ (...)

¹ Калецкий был освобожден из ссылки и уехал в Ленинград в июле 1935 г. Работал в Библиотеке Академии наук до февраля 1936 г. (*Нерлер П.* Павел Калецкий и Осип Мандельштам, с. 63).

² Оксман Юлиан Григорьевич (1894/1895—1970) — ученый-филолог, в то время — заместитель директора ИРЛИ.

³ О какой истории упоминает Рудаков, выяснить не удалось. Установлено лишь, что речь идет не об Андрее Венедиктовиче Федорове, ленинградском литературоведе.

⁴ Колычёв Осип Яковлевич (1904—1973). По одной из версий, Колычёв был тем молодым поэтом, которому Мандельштам говорил «А Иисуса Христа печатали?» (эпизод закреплён в «Листках из дневника» Ахматовой и, позднее, в воспоминаниях С.Липкина «Угль, пылающий огнем»). По устному сообщению Л.Н.Гумилева, Колычёв приходил к Мандельштаму со своими стихами в квартиру в Фурмановом переулке, и о нем были шуточные стихи, начинавшиеся: «Осип к Осипу пришел...». В упоминавшемся выше номере «Литературной газеты» (1935, 5 ноября) была помещена поэма Колычёва «Пир победителей»; вероятно, жена послала Рудакову этот номер.

15 ноября 1935

(...) В университетской библиотеке (для служащих, не в фундаментальной) взял книги по истории шахмат и Вельфлина «Историю искусств» (название как-то иначе).¹ Об этой книге с О(сипом) разговоры, сводящиеся к проклятиям Запада, как системы наций.² Сам он «лечится» через клинику Обкома. Знакомит психиатра со своим творчеством. Дизентерия кончилась. (...)

¹ Речь идет об издании: *Вельфлин Г.* Основные понятия истории искусства. Проблемы эволюции стиля в новом искусстве / Пер. с нем. А.Франковского. Вступ. статья Р.Пельше. М., 1930.

² Вероятно, эти «разговоры» были близки к мысли о Европе как «пифическом торжище национальных идей», высказанной в статье «Пшеница человеческая» (1922), и отразили рост национализма под влиянием фашизма в Германии и Италии.

17 ноября 1935

(...) Калецкий едет 20-го, а я решил его выпотрошить по части О(сипа). К тому же он засуматошен и выбит из колеи воронежским одиночеством. Я ночевал у него. Был к тому и «спортивный» повод. У М(андельштамов) я проиграл ему 4 (!) партии. (...) Дело оформилось так: он мне надиктовал сведения об О(сипе) периода раннего Воронежа. Тут отношения его с Союзом, планы etc., etc. Между прочим, планы организации рабочего университета — по литерату-

ре, с утопическими программами, планы фольклорной работы (по этой части у К(алецкого) есть Оськина записка — копию ее обещает прислать из Ленинграда или тебе передать).¹ Сведения не многообильны, но пополняют запас. Кроме того, К(алецкий) отдал мне № «Подъема» со статьей О(сипа).² (...) Теперь о Толмачеве. (...) Его сестра знает Шадрина, знают они Пяста, кое-кого из Института. Билибина знает Артоболевских,³ частично (через Пяста же) Оську, но о том, что тут — не знают, (...) а я не говорил. Сам Толмачев не приехал. (...) У его сестры видел посмертного Гумилева.⁴ Боже, как хорошо. Лина, это единственный поэт, с которым нет ни сил, ни охоты равняться, при общности задач (Толстой велик, но что мне до него). Ли, Гумилев совершенно неизмеримый гений, и все сволочи не могут этого понять. (...)

¹ Записка не сохранилась.

² Вероятно, речь идет о № 1 за 1935 г., где была помещена рецензия Мандельштама на «Дагестанскую антологию».

³ Пяст (Пестовский) Владимир Алексеевич (1886—1940) — поэт, близкий знакомый Мандельштама. Артоболевская (урожд. Карпека) Анна Даниловна (1905—1988) — пианистка и преподаватель игры на фортепьяно; подруга Л.С.Финкельштейн киевских лет. Ее муж, Артоболевский Георгий Владимирович (1898—1943) — зоолог, чтец и теоретик искусства декламации (см. в его кн.: Художественное чтение. М., 1978). В 1930—1933 в заключении (см.: *Анциферов Н.П.* Из дум о былом. М., 1992. С. 389).

⁴ Речь идет о посмертном сборнике «Стихотворения» (Пг., 1922).

19 ноября 1935. Утро

(...) Теперь обстановка у Осек. В прямом смысле — последний ругани нет, но некая лживость извечна. Объясняю грубо: Н(адин) ясно видит необходимость моего присутствия (ну, как минимум, хотя бы, чтобы «общество» было), она и старалась тогда все сгладить. И это все с оглядкой на свои удобства. Ведь она едет в Москву, а псишок один скис бы. Вот она и понимает, что меня надо задобрить. В этом все ее поведение. Ни тени полемики. Один сахар, один мед. А Оська поглупее, да попроще — так он прямо (бесцеремонно) ляпнул: вот месяц подождали бы с работой, а там на весь день загружайтесь. Это хамство мелкого, неприципиального эгоизма. Я весьма учтиво сказал, что загрузка *мне* очень вредна, что время гибнет, но это вполне необходимо, что случай редкий — войти, может быть, в регулярный заработок. Н(адин), учтя неудобство Оськиного выступления, стала сокрушаться обо мне. А он (о, дитя!) перемежает сетования (в тон мне) о гибнущем времени со вздохами: «Подождали бы все же загружаться-то...» Все это проще, я обобщаю, конечно. (...) Сейчас идут

хлопоты вокруг врачебной комиссии: желание получить «должную» оценку. Сегодня вечером — у психиатра. (...)

19 ноября 1935. Вечер

Ли, это письмо передаст Павел Исакович.¹ С ним провел весь сегодняшний вечер. М(андельштамы) к 8 ч. собирались к психиатру, а мы с шахматами отправились к Павлу Исаковичу домой. Несколько сжато, но додиктовано кое-что об О(сипе). Очень было бы хорошо, если бы в мирной обстановке он тебе что-нибудь дополнил или уточнил (вне связи даже со сделанным), а ты запиши и пришли. (...) С Н(адин) почти не играю, т.к. О(сип) нервничает при этом. Шахматы и семечки он с трудом переносит. (...)

¹ Калецкий.

20 ноября 1935

(...) С Мандельштамами были в кино. На «Вражьих тропах».¹ Местами очень и очень правдиво, т.е. портретно, натурально. В целом — ложно и надуту. А впечатлительный О(сип), по окончании, как свет зажегся и все встали — на весь зал изумился: «Надюша, как же это может быть такой конец... это плохая фильм?.. Как же?» Публика на отчаяние его интонации стала хихикать. А он и взволнован и взъерошен, как воробей.

Вчера — у психиатра — заключение: истощение нервной системы. О(сип) откровенно уже говорит, что цель «исканий» медицинских — быть на глазах, вертеться, а не лечиться. И похоже, что особых льгот, вроде обкомовской клиники, — ему не дадут.

Они оба подлизываются — это принесет те плоды, что я в Н(адин) отъезд его замучаю работой. А Н(адин) обещала привезти из М(осквы) максимум там лежащих рукописей. (...) Сегодня проводил Калецкого. Боже, когда же я поеду? (...)

¹ Фильм был экранизацией романа Ивана Шухова «Ненависть» (Мосфильм).

21 ноября 1935

(...) А тут еще Оськи сволочат. Объявился какой-то знакомый, ленинградец же — О(сип) его сейчас же на радио устроил (он тео-литхалтурщик).¹ Я нежданно зашел к ним на свиданье этого дяди и радио-редактора. Редактор говорил про положение того: «Ну, пус-

тяки — у нас многие такие работают» — Н(адин) и О(сип) очень смущались. Сволочи. {...}

¹ О ком идет речь, установить не удалось.

22 ноября 1935

{...} Зашел к О(сипу). Он {в} деморализованном состоянии. Не верит в болезнь как в путь, а это было, может быть, из последних вер. Н(адин) едет 24-го. Пока начал его тормошить: записана забытая вещь 1930 года.¹ Н(адин) — обещает привезти много; боюсь, что поспекуит и припрячет дома кое-что.² Но все же привоз реален. В быту же он потускнел, ничего более или менее твердого, четкого. Нытье одно. {...} Как-то сложится быт без Н(адин). Хочу, чтобы пришла к заключительным формам работа с О(сипом). {...}

¹ Выяснить, о каком произведении ведет речь Рудаков, не представилось возможным.

² Рудаков имеет в виду материалы архива Мандельштама.

23 ноября 1935

{...} На улице же встретил Лилю. Она 27-го едет с Беби¹ в Москву — на лечение. {...} У Осек Лео Гинзбург² — О(сип) перед ним извивается, читает стихи. При этом сам все говорит, а потом вопит: «Так? Да? Да. Да. Так? Вы правы. Так? Да...» А тот жметя (он к тому же заика). Пришел Холли.³ Юн и глуп. {...} Н(адин) передо мной заискивает — это предъездовое. У О(сипа) состояние рассеянноподавленное. Она его называет все время: «Мой ребенок, мой дурак» (и так все время: «Дурак, хочешь чаю?» etc.). И это «тон», ласковость. Или еще. О(сип) сидит с ногами на кровати, а Н(адин): «Видала, что детей и стариков ссылают, но чтобы обезьяну сослали, первый раз вижу». А О(сип) улыбается с видом дурачка. Н(адин) «заботится» о моем состоянии, здоровье. Это время (после его болезни главным образом) — я у них обедаю (а вечер и утро — дома), денег даю мало (т.е. в меру). Сейчас Н(адин) пищит: «Не покиньте О(сю) в мой отъезд...» {...}

¹ Лиля и Беби — знакомые Рудакова (см. о них в письме от 30 января 1936 г.).

² Гинзбург Лео Морицевич (1901—1979) — дирижер. В Воронеже в этот приезд дал два концерта — 23 и 24 ноября. О встречах с ним писала Н.Я.Мандельштам (см.: *Воспоминания*. С. 133).

³ Знакомый Рудакова; известен лишь по упоминаниям о нем в письмах Рудакова.

27 ноября 1935

Лина, у нас с тобой новость — я захворал скарлатиной. (...) Еще 24-го врачиха из Красного Креста была, но решила (как и я), что это ангина. Полтора дня я пролежал у М(андельштамов). Они были изумительно заботливы. Когда 25-го я обнаружил красноту кожи — началась паника. Пришла Кедрина (помнишь?),¹ должен был быть Л(еонид) Ив(анович),² но по вызову Кедринной меня увезли в больницу. Лежу в палате, содержащей 16 мальчиков (лет от 6 до 13). О(сипу) Э(мильевичу) оставил доверенность на письма. (...) Троша и Веня³ очень трогательны. Н(адежда) Я(ковлевна) пока в Москву не едет, так как О(сип) Э(мильевич) боится захворать, один остаться не хочет (...). Сегодня Леонид Иванович принес клюквенный экстракт и эту бумагу. М(андельштамы) еще не были. (...)

¹ Кедрина известна лишь по этому упоминанию; Рудаков намекает, по-видимому, на знакомство с ней Л.С.Финкельштейн во время ее приезда в Воронеж.

² Богомолов.

³ Соседи Рудакова по комнате.

10 декабря 1935

(...) От Н(адин) записка — посылаю: храни для истории (все-таки — оценка Оськи).¹ (...) Троша принес посмертный сборник Гумилева. В нем спасенье — святой гений. (...)

¹ Приводим текст письма:

10 декабря 1935

Милый Сергей Борисович!

Второй день Ося не может вам написать, как хотел, большого письма. Нынче получили ваше письмо. (Оси нет дома.) И я решила предварительно «за Осю» хоть немного вам написать и оправдать моего старика (хотя он, конечно, свинья). Дело в том, что в театре сейчас горячка, выпускают две постановки, и Ося — помогает (рыжий, помогай!). Он сидит на репетициях, пишет брошюры и т.д. Это курьезно, но ему, видно, нравится внутри театра. Сегодня его поймал Вольф и спросил, почему он так худеет. Выглядит он действительно очень плохо, очень слаб и т.д. Но по своему стахановскому темпераменту — не едет в санаторий, а продолжает прыгать. Вчера: с 11 до 3 — репетиция, с 4 — 6 — обсуждение брошюры в театре, с 8 — 11 — «Аристократы» (смотрел спектакль, чтобы сделать монтаж), с 11 — 12 — баня! Нынче репетиция; сейчас, съев манную кашу — пошел к Елозо. В связи с его канителью задерживается мой отъезд в Москву. Меня это очень нервирует. Но бросать его сейчас, когда уже чужие замечают, какой он облезлый, я не хочу. Мне ужасно неприятно, что мы вам последние дни ничего не передаем (кушательного). Я знаю, как плохо в больнице. Но мы сейчас в большом болоте: до 14 числа остались на одном театре, запутались и т.д. К 14 мы опять будем жизнеспособны.

Я очень обрадовалась вашему письму и поездке Л(ины) С(амойловны). Я очень в нее верю. Почти уверена. Да, нынче, вместе с вашим, получила очень милое письмо

от Аллы Борисовны. Сейчас Троша за собственный счет отправит ей ответ с известием о вашем состоянии. Писали ли вы ей? Мне Б(огомоллов) говорил, что он отправил от вас письмо в Саратов, и я успокоилась. Но она как будто не получила. Во всяком случае, подтверждение со стороны о вашем состоянии — только хорошо.

Ося много о вас говорит, скучает. К вашей обиде: он вас назвал (по поводу болезни) бедным *мальчиком*. Я сама слышала.

В смысле работы — не томитесь: Ося будет работать, а я вам из Москвы привезу массу.

Впрочем, надеюсь, что вы сами пороетесь в сундуке и сами выберете все, что вам нужно.

Троша — очень милый и хороший человек. Его отношение к вам прямо чудесно. Сейчас он спасет нас — отправит письмо вашей сестре (у меня нет на марку!).

Всего вам хорошего.

Ося вернулся, сидел просто в библиотеке «Коммуны» с материалами по театру, но сейчас не стоит ему писать, одна чепуха будет — очень устал.

Приводим сохранившиеся в архиве Рудакова тексты записок О.Э. и Н.Я.Мандельштам за предшествующие дни его болезни.

Дорогой Сергей Борисович,

без вас ничего делать не хочется, вся жизнь переменялась. Пришел к нам Троша.

Привет от всех нас.

Вы самый большой молодец на свете.

О.Мандельштам.

(Приписка:)

Милый Сергей Борисович!

Все идет хорошо, а потому я думаю написать, а дня через 2—3 позвонить Лине Самойловне. Вы ей тоже дня через два сможете написать. Передайте через врачей — как вы себя чувствуете, чего вам можно прислать из еды (икру? вино? масло? печенье?), чего вам хочется.

Сестрам тоже напишу дня через два. Будьте молодцом и поправляйтесь. Н.Мандельштам.

Дорогой Сергей Борисович,

как-то вы расскажете о своем больничном житии? Вы там с ребятами? Да? А я в театр хожу на репетиции. Горького ставим. Дома книжки читаем да чай кипятим. Ой скучно. Передайте, чем бы вас утешить.

Привет сердечный.

Ваш О.М.

(Не позднее 2 декабря 1935)

Дорогой Сергей Борисович,

разговор с Линой Самойловной вчера не состоялся из-за порчи линии. Перенесли на сегодня. Вчера предупреждение *не было* дано. Сегодня добьемся обязательно хоть срочным — лишь бы линия работала. Колли принес замечательные фотографии. Вы здорово вышли в двух видах.

Скучаю! Сердечно приветствую

Ваш О.М.

Что нужно? Что хочется?

Сегодня попробуем дозвониться, если исправят линию. Письма — подробные — успокоительные я написала и Лине Самойловне, и Алле Борисовне. Завтра опять напишу, чтобы они не волновались. Колли принес фотографии — чудные. Что вам прислать из еды? Скажите Стефе и Богомоллову. Я с ними по утрам разговариваю. Есть ли еще одеколон или вышел. Н.М.

Датируется по упоминанию в письме Рудакова жене от 2 декабря 1935 г.: « Колли снял меня и, говорят, вышло очень здорово. То же отдельно О(сип) (отдельно, т.к. снимок в разное время)».

9 декабря 1935

Милый Сергей Борисович!

Нынче Ося собирался написать вам большое письмо — и я не хочу перебивать его сообщением вразброд всех наших планов, дел и пр. Впрочем, ничего нового у нас нет, кроме того, что скучаем по вас.

Ося собирается в санаторий под Липецк. Я связываю свой отъезд с ним. Что еще? Всё.

Наташа уговаривает нас переехать в какую-нибудь дешевую и хорошую комнату. Боюсь, что это скоро случится.

Еще? Кажется, ничего!

Приедет Лина Сам(ойловна) или вы поедете к ней, чего вам желаю?

Получаете ли вы от нее письма? Нам она ничего не ответила — очевидно, пишет вам.

Слушайте, Трошину сестру надо устроить «по медицине» (сиделкой). Я хочу сделать это через Стефу. Уговорите его к нам зайти. Скажите ему, что я его очень прошу к нам зайти. Еще? Как будто ничего. Ося возится в театре и из чувства долга затягивает санаторий, хотя он очень устал и ни на что не похож. Читайте детские сказочки и Сумарокова и скорей выходите. Н.М.

15 декабря 1935

⟨...⟩ А тут еще сволочи Оськи. Она едет в Москву, он — в Липецк, в санаторий на месяц. ⟨...⟩¹

¹ Прилагаем написанную в эти дни записку Н.Я.Мандельштам и написанное через 2 дня письмо О.Э.Мандельштама.

(Без даты)

Милый Сергей Борисович!

Звонок Лины Самойловны — мой грех: я ей написала № телефона больницы. Почему вы отрекаетесь от курицы? В мое время в больнице было очень голодно. Еще: я, должно быть, скоро поеду в Москву. Когда там будет Лина Самойл(овна)? Где ее искать? Сообщите как-нибудь. Чего вам прислать? Чего вам нужно? Н.М.

17.XII.35

Дорогой Сергей Борисович,

что сказать о себе? Устал очень. Настроение твердое, хорошее. Сдружился с Театром. Кое-что там делаю (не канцелярия).

Затеял ехать на месяц в санаторий (областной). Денежно театр все оборудовал, будто я старый работник. Поеду, кажется, 20-го. В нервный в Тамбове не хочу. Выбрал Липецк общий. Лишь бы отдельную комнату дали. С Союзом Писателей и через Союз (начиная с Воронежа) начал большой разговор. Сказал свое слово. Они отвечают. Это очень важно, и весело, и хорошо. Завтра получаю 3-х-годичный паспорт. Получил письмо от Эйхенбаума, который остановился в Москве у нас.

Надя везет в Москву все воронежские стихи.

Концерт был хороший. Виолончель — Цомык. Играл на Страдивариусе. Скажите врачам, чтобы наушники радио у вас устроили. Это для выздоравливающих полезно. А я похлопочу в Радио-К(омите)те.

Если у вас другого отдыха не предвидится — не хотите ли «ко мне», в санаторий. Это вам можно. Окрепнуть надо. Там вместе 2 недели — поработаем.

Идея!

Привет сердечный

Ваш О.М.

Пишите Л(ине) Сам(ойловне).

15 декабря 1935

⟨...⟩ Лина, не писал тебе о Тынянове. Это (его записка)¹ — если принесет плоды — то самое, что нужно. Это покажет дело. В смысле более широком: чудно «ценнейший», но все поставлено «под руководство Тынянова» — отсюда мое положение ученика будет вечно. Ведь мы уже сейчас пишем «совместно с Тыняновым», а он скромно «под моим руководством». Очень будет трудно вылезти из «текстологов» в «гении». ⟨...⟩

¹ Приводим текст записки (характеристики): «Сергей Борисович Рудаков является талантливым литературоведом-текстологом. Работая под моим руководством по подготовке к печати собрания сочинений Кюхельбекера для “Библиотеки поэта”, он проявил в сборе печатных текстов и в сличении их с рукописями не только исключительную тщательность, умелость и текстологическую подготовленность, но и подлинное чутье материала. Эти качества заставляют предполагать, что если С.Б.Рудаков будет продолжать свои работы по изданию русских классиков, он несомненно будет одним из ценных работников русской литературы. Юр.Тынянов. 5.XII.1935 г.» (Ед. хр. 19. машинопись, копия. Впервые опубликовано: *Герштейн*. С. 136. См. примеч. 9 к письму от 7 ноября 1935 г.).

24 декабря 1935

⟨...⟩ Оська уже уехал, заматавшись перед отъездом с получением путевки и прочим. Ведь ни Н(адин), ни меня нет. Не представляю его одного в более или менее нормальном состоянии. Обещаны письма из Липецка.¹ Как смешно, что это МАНДЕЛЬШТАМ! Минутами все еще не верится — он ли это писал про Венецкую жизнь и Петербург.² ⟨...⟩

¹ На самом деле Мандельштам уехал, по направлению клиники обкома, в «неврвный» санаторий в Тамбове (20 декабря). Н.Я.Мандельштам уехала в Москву 17 декабря (см. в примеч. А.А.Морозова к письму Н.Мандельштам — К.Чуковскому от 20 декабря 1935 г. в кн.: Слово и судьба: Осип Мандельштам. М., 1991. С. 35—36).

² Рудаков имеет в виду стихи 1919—1920 гг. из книги «Tristia» «Венецкой жизни мрачной и бесплодной...» и «В Петербурге мы сойдемся снова...».

26 декабря 1935

⟨...⟩ Китуся, ведь жизнь всегда зависит от нас. Мы сами создаем ее задачи, цели. Проектируя, мы должны думать о их выполнимости. И вот силы, заложенные в нас, должны оправдать себя, создать то, чего мы можем захотеть. Эта добровольность жизни особенно ощутима на повторных моментах. Сейчас кризисный конец больницы. Т.е. целого ⟨1 нрзб⟩ уклада. И вот положение — как идти дальше? Т.е., что останется от этого, в сущности исключительного, месяца? Останутся прекрасные статьи.¹ А еще? Ведь этот месяц первый (нет, второй!) генеральный отрыв от Оськи. И свежие фактические данные должны найти себя, встать на места, воплотиться. А это великая тяжесть. Можно ее (можно бы...) обойти. Это то самое, что подчеркивает Эйхенбаум в последней газетной статье о Толстом,² это тяжесть творческой необходимости. Без нее нельзя. С нею — ух, как невесело бывает. Кажется, что мог бы сейчас это все (материалы) диктовать, рассказывать, превратить в ряд мелких докладов-сообщений. ⟨...⟩ Писал вот что. Рассказываю, хотя это тайна, т.е. полная еще неопределенность. Рассказываю, хотя тебе, может быть, было бы интереснее видеть готовое.

Так вот. В беспорядке на большом листе набросал иероглифические факты: так эпизодов на 30. Затем на этих листках стал их (факты) группировать. Принцип: пороки. Так сказать, дантовский ад. Хотя номенклатура грехов моя собственная. Получилось введение (трех-частное) и пять групп эпизодов. Разумеется, что все это останется рабочей канвой, а то, что расскажется, будет нитью случаев из нашего Воронежа, случаев, освещенных некоторым единством (целью!). Все это — продуманная схема тетради № 2 (т.е. того, что ею могло стать, продуманная сейчас, заранее, в противоположность тетради № 1, которая на первые две трети делалась стихийно). Живопись, фактура, может быть, частично в духе тех двух отрывков, что в начале болезни тебе послал (отрывков, так тобою одобренных).³ Но вообще, конечно, манера в каждом отдельном случае будет, очевидно, диктоваться частными условиями. ⟨...⟩

¹ Возможно, Рудаков пишет здесь о собственных работах.

² *Эйхенбаум Б.* Как работал Лев Толстой // *Известия.* 1935, 20 ноября.

³ В архиве Рудакова не сохранились.

27 декабря 1935

⟨...⟩ Днем опять залез в пустую палату: там занимался лозунгом¹ и писал об Оське. Пока немного — 18 таких страничек (это не считая конспектной части работы — плана). ⟨...⟩ Минутами мне кажется, что делаю что-то не то. Но когда перечел вчерашнее и подумал, что бы я

сказал, если бы мне дали такие записи о Гумилеве хотя бы, — решил, что осуждать это можно будет после, а сделать необходимо. Были кусочки неверия в свою л(итерату)ру, но это только тень. {...}

¹ Эту работу Рудаков выполнял для заработка.

29 декабря 1935

{...} Сейчас в палату взял Вагинова. И вспомнил, что Новый год 1931 года он встречал у нас дома. Мы сидели до утра, и он с Алей¹ рассказывали о Гумилеве, «Звучащей раковине»,² О.М(андельштаме)! Они показывали, как кто читал. Как жаль, что эта его книга такая куца. Это 1/3 того, что он хотел тогда опубликовать.³ {...}

¹ Жена К.Вагинова, Вагинова Александра Ивановна (до замужества — Федорова; 1902—1993).

² Кружок поэтов, руководимый Гумилевым (см.: *Никольская Т. К.К.Вагинов: Канва биографии и творчества; Ниппельбаум И.* Памятка о поэте // Четвертые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1988. С. 70, 89—95).

³ Речь идет о сборнике стихов Вагинова «Опыты соединения слов посредством ритма» (Л., 1931).

30 декабря 1935

{...} Мои писания об О(сипе) растут, но так хочется работать литературно вполне официально и спокойно. Иметь среду (ведь Григорий Моисеевич «Пятница»¹ извини за несвойственное мне остроение). {...}

¹ Герой романа Д.Дефо «Робинзон Крузо». Возможно, Рудаков обыгрывает второе значение, т.е. полагающийся в академических учреждениях день для научной работы.

3 января 1936

{...} Н(адин) мне прислала письмо.¹ Говорит, что О(сип) в Тамбове, а не в Липецке, и, конечно, оттуда на днях удирает в Воронеж. Вот тебе и приглашение. А Н(адин) еще пишет о их возможном переезде в Старый Крым² и о том, что псих себя плохо чувствует, что театру они должны 600 р. Теперь главное — она мне привезет кучу (часть перечисляет) материалов. {...} Сама же просит ей прислать кое-что, что есть у меня, а у нее нет. Будет она в Москве до 10—12(го). Я не успею и, если ты сможешь, — хочу попросить тебя (хоть, если удастся, Гр(игория) М(оисеевича) попроси, может быть, Ирина³ согласит-

ся — только надо очень точно); ты так занята — сама лучше не пиши, но это надо, чтобы раздобыть Н(адин). Ее адрес: Москва, Нащокинский пер., 5, кв. 26. Н.Я.Мандельштам. Надо ей: 8-стишия (кроме «Шестого чувства», «Бабочки», «Чертежника», «Голуботвердого глаза»⁴), о Белом — большие длинные стихи,⁵ и воронежские, кроме «Чернозема», «Стансов», «Скрипачки»,⁶ «Венка»⁷ и «День стоял о пяти головах». (...) Стихами (своими) разгромлю Оську.⁸ А Пастернак в «Правде» или «Известиях» за 1-е дрянь напечатал.⁹ То же «большевет».¹⁰

¹ Письмо не сохранилось.

² Приглашение приехать в Старый Крым исходило от вдовы А.С.Грина Нины Николаевны Грин, с которой Мандельштамы были в дружеских отношениях; в ее архиве сохранились письма Н.Я.Мандельштам. Н.Я.Мандельштам в Москве подавала прошения о разрешении переехать в Старый Крым; об этом поэт писал жене 3 янв. 1936 г. (*Собр. соч.* Т. 3—4. С. 274).

³ Сестра Рудакова.

⁴ Стихотворения «Шестого чувства крошечный придаток...», «О бабочка, о мусульманка...», «Скажи мне, чертежник пустыни...», «Преодолев затверженность природы...».

⁵ Стихотворение «Меня преследуют две-три случайных фразы...».

⁶ Стихотворение «За Паганини длиннопалым...».

⁷ Стихотворение «Не мучнистой бабочкою белой...».

⁸ Подразумевается цикл стихотворений, написанных в больнице (см. публ. настоящего изд.), о нем Рудаков писал жене в купированном фрагменте письма.

⁹ В этом номере «Известий» были помещены стихотворения «Я понял, все живо...» и «Мне по душе строптивый норов...».

¹⁰ Намек на стих «Я должен жить, дыша и большевея...» из мандельштамовских «Стансов» (1935).

5 января 1936

(...) Сейчас входят в палату из дежурки и зовут к телефону сестру. Ее нет. Тогда говорят мне: «Справляются о вас, подходите сами». В телефоне: «Можно Богомолова? Говорит писатель М(андельштам) — хочу справиться о здоровье С(ергея) Б(орисовича) Р(удакова)». — «О(сип) Э(мильевич), здравствуйте». И, так сказать, поцелуи. Он вернулся ввиду «резкого ухудшения».¹ Обо мне заботы, нежность, etc. Все вполне человечье (хочет бежать разыскивать ту посылочку, что затерялась, и все такое). И тут же нотка (его узнаваемым голосом, все остальное — голосом тревожным): «Эх, а я-то рассчитывал, что вы уже дома». Т.е. «черт тебя держит в больнице, когда нет Надюши, и я один». Уверен, что он сегодня же начнет Надин вызывать из Москвы телефонно. (...) Сила не за психом, что телефонит, а за человеком, писавшим еще в 1918 — еще в 1920 году (именно тогда) — это одно лицо. Собственно, за ним многое, а сила за мной. Это напоминание, звонок из мира в мир, а что здесь «мир создан» —

говорят стихи. К ним он позвонил. Спокойной ночи, мое дитя — Цалую тебя — Твой мальчик.

¹ Мандельштам вернулся в Воронеж в этот день, 5 января. О его жизни в тамбовском санатории см. в письме от 13 января и в письмах О.Мандельштама к жене (*Собр. соч.* М., 1991. Т. 3—4. С. 266—275).

8 января 1936

⟨...⟩ Звонил Оська. Его стихи приняты «Красной новью».¹ Я ему сказал, что в «Правде» были пастерначьи стихи² и что печататься надо *осмотрительно*, продуманно. И сразу — ни тени искусственности в разговоре, сразу дикая потребность — выслушать меня, руководиться мною; сказал о существовании своих стихов. У него (речь ведь идет о стихах, и о его стихах) — опять жизнь, работа. Может быть, это только телефон. Больничный гипноз слабо нарушен этим звонком. ⟨...⟩

¹ В архиве журнала (РГАЛИ) стихи 1935 г. не сохранились.

² См. письмо Рудакова от 3 января 1936 г.

10 января 1936

Линуся, выписываюсь завтра. План такой ⟨...⟩ к 4-м к Л(еониду) И(вановичу) обедать. К Оське он не рекомендует заходить — лучше дня два побыть на воздухе — проветриться, чтобы не обангинить его. Троша это ему передал. ⟨...⟩

11 января 1936

⟨...⟩ От Оськи телеграмма (запоздалая, из Тамбова) — дескать, «скучаю, пишите». К нему — его нет. Никого нет. В парикмахерскую стричься. По дороге Троша. Чуть не обнимаемся. Он ждет меня, пока стригусь. Рассказывает, что Пановы¹ заняли Оськину комнату. Он на них к прокурору, а они на него пасквилянтством. Живет Оська у Пескова — это один из подъемовцев.² Где его взять? Дело далекое — за Вдовиным где-то,³ завтра поеду искать. Троша пойдет провожать, адрес неописуем. ⟨...⟩

¹ Семья воронежского литератора Панова. См. об этом происшествии: *Воспоминания*. С. 124—125.

² Песков Борис Глебович (1909—1944) — воронежский литератор, прозаик. Находился «под влиянием» ссыльного эсера, писателя Л.Завадского; вместе с ним и Мандельштамом подвергся критике на общем собрании писателей 11 сентября 1936 г..

посвященном борьбе с классовыми врагами (*Нерлер П.* «Он ничему не научился...». С. 93).

³ Рудаков имеет в виду предшествующий адрес Мандельштамов (см. вступительную статью).

12 января 1936

⟨...⟩ А вот с самим Оськой трагедия. Он очень слаб, еле ходит. Затем нервы. Ночует по писателям. Разыскал я Пескова сегодня. Его видел раньше. Он посвежее здесь других. Молодой очень. Делал что-то столярное в беседке во дворике. С ним бегло об О(сипе) поговорил. Вернее, его послушал. О(сип) у него две ночи ночевал, одну у Вольфа (директор театра),¹ одну у Сергеенко (писатель).² Сперва был бодр — немного они пили. О(сип) читал стихов массу. Следующие дни психованье. Н(адин) не едет. В Москве три дела: а) стихи в «Красной нови», в) затруднения с той квартирой,³ и с) вопрос о О(сипа) заезде в Москву на показ врачам. Песков вполне сочувственен, но говорит, что по вопросу пановской квартиры воронежцы мало энергичны (и сам тоже), а сочувствуют. Был я у Наташи⁴ — за калошами: они там с начала болезни остались. И, увы, пока не нашел. Попов мрачен. Что-то будет. Зашел я в «Коммуну», где О(сип) всегда днем торчит, но там выходной. Искать в театр и на радио не пошел из чувства, может быть, преступного самосохранения. Еще нет сил с ним возиться и гоняться за ним. А завтра его спокойно в «Коммуне» застану. И трудно быть одному и психовать, нет ресурсов. ⟨...⟩ Да, расточительно купил томик Шенгели.⁵ Это не переиздание, а новое за 12 лет. ⟨...⟩ Что-то будет, когда Оську найду. ⟨...⟩

¹ Вольф Сергей Оскарович (ум. 1951) был театральным антрепренером с дореволюционных времен.

² Сергеенко Михаил Михайлович (1905—1964) — воронежский писатель, прозаик.

³ Имеется в виду московская квартира Мандельштамов.

⁴ Квартирная хозяйка Мандельштамов.

⁵ Сборник стихов «Планер» (М., 1935).

13 января 1936

Китуся, не потому, что почитаю себя особо грешным, а потому, что знаю о своем отличии от массы людей, отличии, не всегда всех радующем, — снова вижу свое триумфальное прощение на том свете, да и (это главное!) на этом. А логика такая: кто много умеет дать, тому многое и можно. По Пушкину («Моцарт и Сальери»): «Гений и злодейство — вещи несовместные». Все это — обобщенная реакция от новой (первой — второй) встречи с О(си-

пом) Э(мильевичем)... Пусть он сто раз псих. Кто не может его вынести — только слаб. А кто может — с тем стоит разговаривать. Меня-то он изводил достаточно, а как бы был я к чертям годен, если бы из-за этого только перекинул. Видел его дважды: днем 15 минут в «Коммуне» и весь вечер у Маранцев. Жаль, что отдельно не записал первую встречу. Вот она сейчас. Вхожу в комнату Союза писателей. О(сип) Э(мильевич) небритый, энергичнейше кричит в телефон (логически) по тому поводу, что милиция завольнивает решение прокурора вернуть комнату, отогнав Панова. Мне — глубочайший кивок и улыбка. Сажусь на диван. Он подходит — на шаг — боится здороваться. Идем в коридор. Он возбужден и развинчен, он совершенно сбит с толку: моей болезнью и страхом инфекции, поездкой в Тамбов, комнатой. Первые три минуты разговор не находит тона. Решаем встретиться у Маранцев в 6 — 7 часов. Впечатление полного разложения психики, глаза блестят. (...) Маранцы. Собственно их квартира с О(сипом) Э(мильевичем). Он почти в норме. Вот событие — прибежал Панов в Союз с раскаянием: «клянется, что “больше не будет”»...¹ Завтра водворенье. Боже, как дивно Мандельштам говорит. Вот это язык и мысль. Хотя общее нервное беспокойство. Квалифицируют это как циклическое реактивное состояние. Интересно, что эта тамбовская нервно-санаторная формула терминологически совпадает с моими тетрадными записями. Теперь рассказ. В Тамбов он кинулся от страха scarlatины. Там психовал. Сдружился с одним трактористом,² который ему говорил: «Ты уезжай — они (больные) тебя не любят, они тебя избить хотят». А эпизоды были такие. О(сип) Э(мильевич) все искал покоя и кочевал из палаты в палату (изводя персонал). Нашел пустую. Лег. Человек восемь больных стали в нее барабанить. Он выскочил и стал орать, зовя их сволочами etc.; вызвал глав(ного) врача; пять убежали, три остались. Один из трех обиделся за ругань на О(сипа) Э(мильевича), а тот: «Назвал сволочами, и правильно сделал...». Тогда, как О(сип) Э(мильевич) рассказывает, тот устроил красно-партизанский припадок. О(сип) Э(мильевич) в полубелье бежал в кабинет врача, а под сводами санаторского особняка гроыхала партизанская брань. Утром — мир. Вот его оценки: врачи казенные, только ухудшают в больных веру в болезни,³ больные серые: 15% нервных, 20% утомленных, остальные — премированы путевками. Один учитель, начальник отделения милиции уже высшая интеллигенция. Кончилось все тем, что О(сипу) Э(мильевичу) вернули деньги (!) и отпустили — «вследствие резкого ухудшения». Сам он говорит, что психоз прогрессировал, что создалось чувство, будто он не может сам уехать оттуда, etc., etc. Похудел, подхватил гриппок, а тут еще Панов. Детали. Тамбов как город безумно понра-

вился. Вот его картина: «Чудный губернский город. Река. Снег далеко-далеко. На нем точки гужей.⁴ Лес. Перелески под снегом. Движенья никакого. Только баба в платке пройдет. Сугробы. Чудные дворянские особняки, какие могут быть и в германском старом городе, и в Тамбове; деревянная — по Щедрину — каланча. Один автомобиль на весь город. Лавок не мог обнаружить — мне нужно было пуговицу купить. Воронеж столица просто».⁵

В мытарствах товарищи из Союза помогали ему прожить: возили на машине к прокурору, давали у себя ночевать, беседуя каждый о своих творениях до 3-х ночи. Он верит в поездку на юг,⁶ в Москву лечебно ехать не хочет. В театре, если не врет, делал дело реально. Чувствует «перелом» в отношении к себе. Говорит: «Фабула двигается». О деле: о стихах моих, его печатании в «Красной нови» etc. будет говорить завтра. Первый вопрос ко мне: как стихи (о моих), но чтение собственно отложилось. Метод такой: поговорить — о его, пусть он даже их почитает, т.е. рассчитается, войдет в раж — тут и дать ему мое новое. Себя не перечитывал.

Пили чай, очень хорошо радовались встрече. Все-таки такого другого человека не знаю. Пусть бы только стихов побольше писал. О том, чтобы они были хорошими, видно, черти заботятся. Завтра снова привычная комната: мои фото, книги и калоши, которые (он клялся) целы. 15-го — Н(надежда) Я(ковлевна) с материалами! Псих тоекратно говорил, что «будем работать». (...) Котя, деловое дополнение. Пока был болен — меня вызывали в НКВД. Сегодня пошел. Говорил около 2-х часов с каким-то дядей. В чудных тонах о Кюхле, о Ю(рии) Н(иколаевиче),⁷ о моем нежелании исследовать в Воронеже Кольцова и Никитина.⁸ Толку не добьешься — сами это они, или из Москвы со мной лично знакомятся. Говорит, что о заявлении⁹ еще ничего не знает. Вроде как пожелал скорого возврата. Рассказывал я про Кюхлю и рукописи очень интересно.¹⁰ Расспрашивал о ленинградской жизни. Ушел в чудном настроении. (...)

¹ По сообщению Н.Я.Мандельштам, это произошло после того, как из редакции газеты позвонили в НКВД, сотрудником которого якобы был хозяин квартиры (*Воспоминания*, С. 124).

² Об этом знакомстве поэт писал и жене (в письме от 1 янв. 1936 г.): «Я тут брожу с одним паренком. Он тракторист. Способный, открытый, но думает, что во Франции Советы и что Францию переименовали в Париж. Я его крою, а он ко мне привязался, большевиком меня зовет» (*Собр. соч.* Т. 3—4. С. 273).

³ Так в тексте письма.

⁴ Эти впечатления отразились в стихотворении «Вехи дальние обоза...» (декабрь 1936 г.).

⁵ О своих впечатлениях от Тамбова поэт писал жене в последних числах декабря 1935 г.: «Живем на высоком берегу реки Цны. Она широка или кажется широкой, как Волга. Переходит в чернильно-синие леса. Мягкость и гармония русской зимы доставляет глубокое наслаждение. Очень настоящие места. (...) Каланчи, одичавшие монастыри, толстые женщины с усами» (*Собр. соч.* Т. 3—4. С. 267).

⁶ Речь идет о поездке (или переезде) в Старый Крым, см. письмо Рудакова от 3 янв. 1936 г.

⁷ Имеется в виду Тынянов.

⁸ По свидетельству Э.Г. Герштейн, Рудаков рассказывал ей, что в этом разговоре его убеждали, что, занимаясь Мандельштамом, он сделал неправильный выбор (*Герштейн*. С. 266).

⁹ Рудаков имеет в виду посланное им раньше в Москву заявление о пересмотре решения по своему делу.

¹⁰ Речь идет о работе Рудакова над рукописями Кюхельбекера, см. об этом во вступительной статье.

14 января 1936

⟨...⟩ С О⟨сипом⟩ пошли вечером (после водворения в комнату) в театр — «Далекое», Афиногенова что ли.¹ Я не вынес — сбежал от скуки. Дома Троша и Веня — мои ангелы. ⟨...⟩

¹ «Далекое» (1935) — пьеса А.Н. Афиногенова.

15 января 1936

⟨...⟩ Так думал о тебе, когда ехали на извозчике с О⟨сипом⟩ Э⟨мильевичем⟩ на вокзал Н⟨адежду⟩ Я⟨ковлевну⟩ встречать. Снег, ветер легкий. Тепло. Конечно, мы так покатаемся по Ленинграду, по островам. О⟨сип⟩ Э⟨мильевич⟩ вспомнил блоковское — «Елагин мост и храп коня, и голос женщины влюбленной...».¹ Лица, приехала Н⟨адин⟩, и все московское до гибели неутешительно. Даже не перечисляю. «Новь» — миф утешающий.² Нервно О⟨сип⟩ очень плох, а о Москве всего не знает.

Н⟨адежда⟩ Я⟨ковлевна⟩ привезла мне столько, что жутко и торжественно на душе стало. Потом подробно. Просто сокровища. Словам не поверить — столько это. У О⟨сипа⟩ Э⟨мильевича⟩ ужасные минуты почти безумия сменяются ясностью. Циклы, циклы! И сердце — реально плохое минутами. За два часа до вокзала — скис. Побледнел: «С⟨ергей⟩ Б⟨орисович⟩, а я, часом, не умираю? Со мной этого не было, так что я не знаю, как это бывает...». Короткое отлеживание, пауза — и улучшение. Вечером же с Н⟨адин⟩ ссора с криками и обоюдной бранью. Потом Н⟨адин⟩ мне потихоньку о радостях московских. А я эгоистически рад привезенному. У Н⟨адин⟩ формула: «Я хочу сохранить имеющееся». Т.е. написанное, не заботясь о том, сможет ли он еще писать. Тут доля риторики, но это искренне, и мне действительно все переходит, кажется. Сейчас дико работать начну, чтобы все это раздокументировать. ⟨...⟩

¹ Цитата (неточная) из стихотворения Блока «На островах».

² Подразумеваются надежды на печатание стихов Мандельштама «Красной Новью», обсуждавшееся в предшествующих письмах Рудакова.

16 января 1936

⟨...⟩ Девочка моя, сегодня забрался домой рано: в 7 часов, и весь вечер буду работать — читать «Разговор о Данте» и еще всякое. Лица, мне, с моей тягой к пейзажу, к графике безумное наслаждение доставила Надин: Оськины рукописи. Это и лес, и парки, и луга, и даже безводные пустыни. До 300 листков, от мазаных черновиков до беловых редакций, оформленные изумительно (в простоте, конечно). Неимоверно расширен круг стихов 1907—20 гг. Просто непредставимо. А варианты! Только бы свершить задуманное. Если Н(адин) не врёт, в Москве многие знают о этой моей работе через Л(енинград), т.е. помимо Надьки самой (через Степанова и Тынянова). ⟨...⟩

Зане в садах Халатова-халифа
Дух бытия
Кто не вкушал благоуханий ЗИФа —
И он, и я...
И для того, чтоб слава не затихла
Сих свистунов
Уже качается на розе ГИХЛа
В.Соловьев.¹

Китуся, начал переписывать (читая) «Данта».² ⟨...⟩ А первый листик с добавлением шуточных стихов О(сипа) Э(милевича) о ГИЗах — тебе в отдых и в отраженье моего сегодняшнего вечера посылаю. ⟨...⟩

¹ Это шуточное стихотворение мы датируем концом 1930 — началом 1931 г., когда на базе литературно-художественного отдела Государственного издательства и издательства «Земля и фабрика» (ЗИФ) было образовано Государственное издательство художественной литературы (ГИХЛ). Халатов Артемий Борисович (1896—1938) в то время руководил Госиздатом (с этой должностью связана его характеристика в стихотворении). Соловьев Василий Иванович (1890—1939) — видный деятель РКП(б), первый директор ГИХЛа.

18 января 1936

⟨...⟩ А тут успокоение могла принести Оськина работа, но они как курицы на яйцах на рукописях сидят. Т.е. дают их мне на анализ, но систематичности еще не налажилось, т.к. у них работать нельзя, а О(сип) умоляет не уходить. Завтра твердо днем начну работу над ранними годами. ⟨...⟩ У Осек волнения и всякие тревоги, планы и их крушения. Все на тупик похоже и, кажется, все правда плоховато у них. ⟨...⟩

19 января 1936

Линуся, вот я рано дома. Со мной стихи О(сипа) Э(мильевича) за ранние годы (кончая 1911), всего 61 лист (а на иных по две пьесы, а вариантов...). По изданию 1928 года за эти годы всего 25 пьес. Сажусь работать с некоторым волнением. Это — бумага нового, специально купленного блокнота. (...) Текстологически за вечер успел сделать 1907—1908 годá (не полно еще). А ведь прогрессивно — чем дальше, тем интереснее будет. (...)

20 января 1936

(...) У М(андельштама) — какая-то тупая примиренность, приглушенность, бесхитрость. Где все бури и полемики былых месяцев? О(сип) Э(мильевич) очень постарел и осел как-то. Н(адин) — массу мне по рукописям помогает, не всегда толково, но сердечно. Может быть, они действительно куда на юг и уедут, может быть — все лопнет. Мне и трудно там сидеть, и жаль их, и деться самому, в сущности, некуда. Очень радуют рукописи, но хочется работы шире: комментарий его самого и проч. Может быть, это будет. (...)

21 января 1936. Утро

(...) Очень скверно с О(сипом). Сегодня даже ставился вопрос о том, чтобы я писал Пастернаку о безнадежном в смысле здоровья состоянии О(сипа) Э(мильевича). Это — кадры нескончаемой киноленты. И я не за всякие эти хлопоты. Но он меня страшил своей смертью. Все это хорошо (т.е. мои возражения), но он-то ведь правда слаб и плох. Решит это время. Пока же остро-тревожно. (...) Вечер будет неопределенно какой. Они (О(сип) и Н(адин)) у врача, сижу у них. (...)

21 января 1936. Вечер

(...) С 10 ч. дома и все работаю: предварительному анализу (с копией) подвергнуто до 40 пьес (1907—8—9—10—11). Есть вещи хорошие, а интересно и ценно все. Лучше всякой исповеди. Сколько еще трудов. (...) Автор же (О(сип) Э(мильевич)) совсем запсиховался: все нервное «Москва! Москва!!!» (...) Ки, Оська в 1908 году писал, между прочим, так:

Что суетные мысли и слова,
Как сердцу тосковать иль ненавидеть,
Когда прозрачность неба такова,
Что можно ангела увидеть.¹

⟨...⟩

¹ Вскоре выяснилось, что это стихи Веры Инбер (см. письмо от 24 января 1936 г.).

22 января 1936

⟨...⟩ В портфеле Оськины материалы, и такие живые — мы вместе сегодня разбирали черновики «Соломинки». Он к концу вечера сильно успокоился. Все эти дни в вечном кипении его забот о болезни. А тут наступило просветление. Между прочим, они оба дико хвалили мои профили — силуэты и даже робко молвили о «пересмотре» точки зрения на мои пейзажи.¹ Все это мне тем интересно, что он дается рисоваться. Знаешь ли ты альбом писателей (профилей) работы Кругликовой.² М(андельштамы) говорят, что у меня лучше. Вот сделаю своего Оську как следует.³ ⟨...⟩

¹ Рисунки Рудакова хранятся у М.С.Рудаковой.

² Имеется в виду издание: *Кругликова Е.* Силуэты поэтов. 1922. Воспроизведены в кн.: *Гришина Е. Е.С.Кругликова.* Л., 1989.

³ См. письмо от 27 января 1936 г.

23 января 1936

⟨...⟩¹ День провел как умница — получил трехмесячный паспорт и затем работал у Осек. Они, конечно, сволочи толстокожие и мои новости ставят на одну ногу с его новыми (сегодняшними) врачебными заключениями, которые не радостны, но и не поворотны. Ки, я настолько один в Воронеже, что трудно даже себе представить. Хотелось просто несколько слов с кем-нибудь сказать — и абсолютно (ты понимаешь — совершенно) не с кем. Какая спокойная и счастливая была больница.

Думаю, что сейчас необходимо устроиться на любую службу, чтобы получать хоть малость денег, — чтобы была хоть доля устойчивости.

⟨...⟩ Ужасно, что такие бегемоты Мандельштамы. Пока продолжаю усиленно работать над рукописями. Очень интересно. Но жить без будущего трудно. ⟨...⟩

Боюсь, что Воронеж (особенно — стихи, да и всё) был настолько литературен, что не смогу, как лет 5 назад, отказаться от необходимости литературной деятельности. ⟨...⟩ Сейчас ложусь, попробую

почитать Шевченко (вот тоже у кого было кюхельбекеровское терпенье). <...>

¹ Выше Рудаков сообщал о полученной из Прокуратуры СССР бумаге от 19 января 1936 г. с отказом в пересмотре его дела.

24 января 1936

<...> До чего Оськи скотинисты, при всех лучших качествах душ своих. Да, они допсиховались до того, что Анна Андреевна уже выезжает (мне это хорошо очень — жаль, тебя здесь нет). Но посмотрим, что из этого получится. Оська ставит вопрос так: «А привезет ли она с собой денег — наценку (?)» А я о Гумилеве (рукописях) забочусь — все это коммерция. На языке сожителей¹ это зовется «соображать» (нечто среднее между «жюльничать», «красть», «обманывать», «устраиваться» etc.). Считают они, что все люди «соображают». Меня уличили в том, что я «сообразил» себе оставить остаток бумаги от подписей, что делал перед болезнью. А псишьи дела — сплошное «соображенье». Все это сказал М(андельштам). Они торжествуют.

Из О(сипа) кое-что вытащил до «Данте» (это запишу сейчас отдельно). Текстология движется. Какая-то будет жизнь с Ахматовой? Она, с пушкиноведением и проч., мне культурно кажется подлиннее Осек — но посмотрим. Может быть, она тоже пузырь, к которому есть ключик, есть разгадка (даже наверно). <...>

Лица, вот курьез — я тебе послал строфу раннего (детского) Оськи (с «ангелом»). Так это не он, а В.Инбер! Ее листок, данный О(сипу) на просмотренье в 1915—16 г., завалился в ранние стихи.² Вот чушь. Хотя позора в путанице нет, т.к. она писала под О(сипа) и Ахматову. И довольно ловко и закругленно. Мы много смеялись над этим (листок был машинописный). <...>

¹ Рудаков подразумевает своих соседей по комнате Веню и Трошу.

² Стихотворение было помещено в кн.: *Инбер В.* Горькая услада. Пг., 1917.

25 января 1936

<...> Сейчас бесконечно интересна работа над рукописями, но она слишком количественна пока. Боюсь, что приезд Ахматовой — сам по себе интереснейший — совсем не даст возможности О(сипу) Э(милевичу) работать со мной. <...>

27 января 1936

⟨...⟩ День немножко разбавлен Оськами. Боже, как поверить, что жизнь может быть тяжелой — ведь творчество сильнее всего и все преодолевает. Это сонет — который может быть на новом семантическом материале, но вырастает.¹ ⟨...⟩ Мечтаю сделать так тебя (будет чудно — увидишь) и Оську с Аннушкой² (это домашний мандельштамов термин для Анны Андреевны). ⟨...⟩

¹ Рудаков пишет о своем поэтическом замысле.

² Рудаков пишет о силуэтах собственной работы; некоторые, в том числе силуэт Ахматовой, сохранились в его архиве.

28 января 1936

⟨...⟩ Сегодня Оськи мне устроили скандал из-за профилей.¹ Им они в первые показы нравились. А сегодня, по О(сипу), — «нет разговора линий», по Н(адин) — «нет лепки черепа и центра» (!?). Кончилось это тем, что в вежливых формах переругались на ту тему, что О(сип) (и Н(адин) за ним) не может видеть ничего, кроме себя, и что, несмотря на все мое терпенье и добрые намерения, — невыносимо и заставляет меня с ним не разговаривать (что, по сути, давно установилось). Все это *впервые*, может быть, и имело некое действие, но он привык, что я «скрываю свою работу и мысли», и он «корректно меня не тревожит». Это позиция! Т.е. он, по-скотски забирая у меня массу сил, от ответственности за остальное в наших отношениях (и жизни) отгородился вежливейшей формулой. Это только схема разговора. Так паршиво, что не хочется к ним завтра идти. А уж читать стихи — тем более. Я ведь знаю реакцию — что же зря нервы портить. ⟨...⟩

Как хорошо, что еще не показал О(сипу) стихи, что он их не загадил букетом своей «...тики».² А стихи читать необходимо. Как глупо, что О(сип) такая скотина. Плохо, что тонально все это отражается на литературной работе. ⟨...⟩

¹ Речь идет о силуэтах работы Рудакова.

² Смысл этого выражения не ясен; выше Рудаков пишет о своих стихах.

29 января 1936

⟨...⟩ Мысли о работе над О(сипом) (далее — Гумилевым, Коневским, Хлебниковым, Вагиновым). Ли, ведь от конкретности текстового материала мы забыли о общих планах и концепциях. Это воспоминание дало новые силы. Дальше — ожидание Аннуш-

ки (и всякого с нею). Тут, видимо, придется заводить новую тетрадку! Вот, мемуаристом я делаюсь — даже смешно. Но естественно. {...}

Китуся, бывают минуты (дни, месяцы), которые и считаешь жизнью — тут же находя. Ретроспективно жизнью кажутся и периоды, и дни. Самое худое — это сознание переходности, посредственности (в буквальном смысле — от «посредничества») жизни текущей. Письма пишутся или как сумма фактов, или как философия момента писания. То и другое и глубоко, и верно. Поэтому не удивляйся смене отношения, скажем, к Оськам. Это не вполне соответствует просто колебанию (метанию). Вот объективная картина:

В Воронеже встретились два писателя, разные по возрасту и положению, но связанные сущностью дела. Отсюда разногласия и все детали. Фактически — это куда интереснее, чем если бы они существовали отдельно. Я не прав — и это мы должны были понять — когда я ставлю себя будущего в зависимость от суждений обо мне О(сипа). Помнишь, ты говорила мне: «Если боитесь, что с Вами скучно, считайте, что скучно Вам». Так и тут. Давай поставим вопрос так: Оська очень зависит от того, что о нем буду думать и говорить я. А ведь это так. Если моя работа осуществится — ой как он будет от нее зависеть! Найдено греческое античное спокойствие. Правда, Кот? Это не только ловкий ход мысли — это действительность.

Необходимо, чтобы Л(енинград) и Москва широчайше знали о моей работе. Тут сыграет роль возврат домой Ахматовой (с проездом через Москву). Пусть в меру сил и корректности — звонит Степанов.

Работа, Линуся, чудная — лучше, чем мы ждали с тобой. Безумно хочу познакомиться с Заболоцким. О нем много думаю. Между прочим и по поводу статьи о Шостаковиче в «Правде» от 28-го — вспомнил Заболоцкого (посмотри).¹

Похоже, что я скоро буду тоже (по-своему) зависеть не только от домашних, кружковых погод. Будет это в Ленинграде.

Перечитывал Щербину. С О(сипом) Брюсова. Хотим взять Пастернака — и пересмотреть его. Это очень важно. {...}

¹ См. письма от 23 февраля и 16 марта 1936 г. и примеч. к ним.

30 января 1936

Линуся, утром от тебя не было письма. Поехал в Сосновку.¹ Там снег и стоячий быт. Лиля с Бэби в Москве. Рисовал очень непохоже девочек и Сережу² (он еще ничего вышел, а они — никуда). Так на меня всегда действует дорога — ехал и пел, и читал в пустом вагоне. Не я, а какой-то святой за меня написал больничные стихи.³ Они стройные. Такими (для меня) звучат только стихи из «Огненного

столпа» да стихи 1918—20 годов Мандельштама. Это, может быть, неправда (т.е. стихи не так замечательны), но сам этого пока не вижу.

Неопытная теорема
Благих трудолюбивых жен —

Или мирись, мой ангел, рад-не-рад — это, честное слово, не я писал, т.е. я так не умел.⁴ <...>

¹ Дачный поселок в 100 км от Воронежа.

² По-видимому, дети знакомых Рудакова в Сосновке.

³ Стихи, датированные декабрём 1935 — январём 1936 г. (см. публикацию в наст. изд.).

⁴ По-видимому, Рудаков продолжает здесь затронутую выше тему «внушенности» этих его стихов.

31 января 1936

<...> Сегодня же просмотрел с О(сипом) Э(милевичем) все с 1907 по 1912 год. Подробно проверили даты и места написания вещей. И кое-чего по примечаниям записали. А затем читали с ним по-итальянски XI песнь «Чистилища» Данте — он читал по одной книге, я по другой. Он делал замечательный глубочайший перевод, в то же время объясняя грамматические формы и фонетику, а я вникал, и, может быть, зачитую по-итальянски. Главное же — близость его «толкования» его стихам. Это похоже в филологическом смысле на отсебятину, но очень своеобразную, глубочайшую — если понять, присмотреться. Об этом надо записать отдельно, но, к сожалению, не записал дословно перевода. <...>

1 февраля 1936

Линуся, получил твое письмо от 27-го. Вот ты уже получила мое письмо об отказе. Свою редакцию нового заявления завтра тебе pošлю, но жаль, что у меня не осталось копии старого. Мне кажется, что новое должно быть именно развитием того, дополнением.¹ <...> Помнишь, что я писал о «поручительстве», а не о «характеристике». Захотят ли подобные шаги делать Т(ынянов), Тих(онов) и К^о? Китя, нельзя ли через папиного знакомого² узнать подробнее историю отказа — это существенно.

То, что ты, между прочим, написала об отрицательном влиянии О(сипа) близости — мне кажется нереальным.³ А кроме того, местный Союз высказывает охоту со мной познакомиться, и в частности по вопросу о работе над М(андельштамом). Знают они об этом давно, а заговорили сейчас. Я говорил с Кретовой⁴ (зам. председателя). Она просила позвонить 3-го. Это, по-моему, пра-

вильно — раз вслух об этом (давно всеми зримом) заходит речь. Китя, пиши, что ты об этом думаешь? Боюсь, что будешь недовольна (в связи с той оговоркой). (...)

Вот с О(сипом) отношения ровнее, и все за счет моей сдержанности, выдержки. У них сидя работать почти нельзя, да и «болес-ти» их меня донимают. Сейчас по-сумасшедшему ждут Аннушку, а та застряла в Москве. Начну уходить — уговоры. Хорошо, что сожителей вечерами почти нет дома. В комнате тепло. А на улице мороз до 30° уже два дня. (...) Ки, вот посылаю тебе то, что соби-рался давно. Фото Колли — только переснятое, подлинник один.⁵ (...) Он в размер открытки. А Оська — снимок Вольфа, директо-ра театра, тоже пересъемка моя же — это называется «Воронеж-ские писатели».⁶ У меня даже кнопка пересъемочная видна. Лучше обрезать паспарту вовсе, это так нелепо заклеили зачем-то. Снято в день (на второй, вернее) scarлатины у Осек. t° 39,6°, ка-жется. (...) Кит, пожалуйста, пришли или привези список всех пер-вых строк и названий с датами стихов оськиных, что ты перепи-сывала. Это нужно для работы в очень близкие этапы. (...) По текстам кончил 1920 год. А радости не видно. (...)

¹ Рудаков пишет здесь о посланном в НКВД заявлении с просьбой о пересмотре его дела о высылке.

² Кто был этот знакомый, не выяснено.

³ Вероятно, жена писала Рудакову о том, что дружба с Мандельштамом отрица-тельно сказывается на результатах ходатайств о пересмотре его дела.

⁴ Кретова Ольга Капитоновна (1903—1994) была в это время зам. секретаря воронежского отделения Союза советских писателей (см.: *Кретова О.* Горькие стра-ницы памяти... // Жизнь и творчество О.Э.Мандельштама. Воронеж. 1990).

⁵ См. примеч. 1 к письму от 10 декабря 1935 г.

⁶ Эта фотография в настоящее время не идентифицирована.

2 февраля 1936

(...) Пришел к О(сипу). Они бодры, хотя и надрывны. Ем я у них, т.е. с ними, а т.к. Н(адин) уже начала яичницу — мне были отложены два яйца, на которых О(сип) написал «Личная собств(енность) С(ер-гея) Б(орисовича) Р(удакова). 2.П.36. Воронеж». (...) И вечер был разговорный. А началось общее улучшение настроения со снега. Я-то его проспал, а вышел за водой — тишина, бело все — чудная зима, единственная хорошая ее форма: резкое потепление после сне-гопада.

Разговоры — слово за словом — много, а сумею ли их передачей рассказать состояние, настроение, — нет, сущность всего.

Необычность дня в том, что у них плотно лежал, что не работал, что. острили и дурака валяли с Оськой. Читали Пастернака, обсуж-

дали будущий Воронеж, и все в шуточных красках. Выдумали (и это постепенно — из фраз), что станем «служителями культа» — (увы, почти это непередаваемо) — важно, что это рассматривалось на фоне реакций Елозо, Союза, Пастернака, Калецкого, хозяев, Вдовина, etc. Заставили Н(адин) нам сделать гоголь-моголь, т.к. «приход» будет яйца поставлять. И все с серьезным видом, с настоящими серьезнейшими отступлениями.

О(сип) раньше захваливал Пастернака.¹ Говорит, что прочел его один раз в 1924 году, а остальное хваленье — инерция. Сейчас разочарован. «Набор звуков по методу пародии. Лицемерие. Кухарка за повара. Стихи одного уровня, безголовые. Он моралист. Человек здоровый, на все смотрит как на явления: вот — снег, погода, люди ходят... А если плохо — это чудно — это руда, надо разрабатывать. Все равное, все законное. Все личное. О стихах я ему часто говорил антипастернаковские вещи. Что это ничему не учит, не помогает работе над стихом. Что это буддизм. Он бы вот на моем месте вел себя достойнее. Копошился бы. Молчал».

Говорили о Заболоцком, Ходасевиче и Цветаевой — он (и я) очень хочет их перечесть. Вернее — я ему. Если можешь, привези их. А Заболоцкого, кроме «Столбцов» и рукопись «Деревья»,² что в столе. Пусть Гр(игорий) М(оисеевич) снесется с Шадриным и отберет у него «Поэму конца» Цветаевой (моя рукопись и часть Шадриным перепечатанная). Пожалуйста, Кит.

Непланово посмотрели Данта.

Обсуждали завтрашний ответ Союза обо мне. Утопические планы строили о макетной работе в театре. Решили сделать макет их комнаты для веков (отняв стенку, что к Наташиной комнате). Дав расположение трех наших фигур.

На коробке папирос «Норд» О(сип) написал «Шенгели» (по имени его книги), вспомнили, что и «Планер» — и шенгелева книга, и папиросы. Я на коробке (1 нрзб. — *Ред.*) сорт «Шенгели» — «1 сорт. В(оронеж)»! Стали примерять для папирос названия. Вот «Tristia» подходит, «Камень» — нет, а «Египетская марка» — чрезвычайно. «Сестра моя жизнь» — гильзы.³

Тут же была надписана карточка: «Снимок сделан в Воронеже директором театра Вольфом в декабре 1935 г. Переснят С.Б.Рудаковым, и ему, как будто, принадлежит, — т.е., очевидно, — его собственность. О.Мандельштам. 2. II. 36».

Вынесли решение на другом экземпляре карточки записать все диагнозы последних 2-х месяцев (их много).

Стали считать заработки их за 18 месяцев. Воронеж — 7200, Москва — 14700, учитывая «подарки» родственникам и знакомых, сумму округлили до 25000. Что дает 1400 в месяц на круг, а Н(адин) уверяла, что 700. Цифры были подсчитаны детально.

Ждут Аннушку и поругивают ее. В 11 пошли на телефон, я домой.
(...)

¹ Подразумевались, вероятно, статьи Мандельштама 1923 года «Vulgata», «Борис Пастернак» и «Буря и натиск». В последней он писал о поэзии Пастернака: «Со времен Батюшкова в русской поэзии не звучало столь новой и зрелой гармонии».

² Поэма Н.Заболоцкого (1933).

³ Речь идет о гильзах для набивки папирос.

3 февраля 1936

(...) Чудо, что с О(сипом) что-то наладилось, что исписано 15 текстологических тетрадей. (...) День у М(андельштама) (и вечер, конечно) — работа, Дант, — вакханалия. Я — как кукла: улыбаюсь, отвечаю, пишу, а внутри — «Зачем, зачем Лина не верит, зачем душит созданное таким трудом — перенесение разлуки» (...)

4 февраля 1936

(...) «Подъем» закрыт — вместо него 2 раза в год будут художественные альманахи.¹ Периодики нет, но и не в этом суть. Калецкий говорит глупости. Сам он тут был пришиблен и не в чести. (...) А Плоткин² — фигура государственно-официальная. (...) В Союзе ответа не было, т.к. болен профессор Стойчев (председатель). Завтра встреча Анны Андреевны. (...)

¹ Альманахи «Литературный Воронеж» начали выходить с 1937 г.

² О Плоткине см. примеч. 4 к письму от 11 июня 1935 г. С чем связан вопрос Л.С.Финкельштейн, на который отвечает Рудаков, не установлено.

5 февраля 1936

Линуся, основное событие дня — приезд Анны Андреевны. Весь день очень похож на прежние. Оськи всё ждали из Москвы отмены приезда, сопровождая эти догадки всяческими ругательными выступлениями о низости друзей etc. Все это, т.е. предыстория — очень смешной материал для тетради, для введения в «тетрадь». (...)

Важнейшее событие: из Москвы (через Литфонд) — разрешение и средства для Осек ехать на юг лечиться (Крым, Кавказ etc.). Пока это бесформенно, и, может быть, позадержится из-за Анны Андреевны. (...) Приезд таков. О(сипа) оставили дома (и ходить ему утомительно, и, главное — он «тяжело» болен, судя по телеграмме, вчерашне посланной, — неловко же ожить), а мы с Н(адин) поехали на вокзал. Перрон. Толпа.

Анна Андреевна — в старом, старом пальто и сама старая. Вид кошмарный. Сажу их на извозчика, сам трамваем. Приезжаем почти одновременно. Вхожу: она еще не разделась. О(сип) полупомешался от переживаний.

Она снимает шляпу и преобразается. Это то, о чем я говорил тебе на пушкинодомской встрече.¹ Когда она оживлена, лицо прекрасно и лишено возраста. Чудные волосы. Очень похудела, что дает стройность (?). Пока не привык — минуты потускнения, просто страшные, почти безобразные. В псишьей квартире в Москве живет брат Наппельбаумов,² его жена прислала Оське альбом Щукинской галереи.³ О(сип) в суматохе так заврался, что, радуясь альбому, стал говорить какую-то чушь про французскую архитектуру и Корбюзье, которого только что мы читали.

А(хматова) стала переодеваться, а мы с О(сипом) пошли в магазин. Выйдя за дверь, он стал охать и стонать, что ее, а не его надо лечить. «С(ергей) Б(орисович), чем помочь ей тут?..» Уверен, что завтра начнет с этим бегать к Стойчеву, Подобедову и К°. Он помещан на леченьи.

Сейчас добролюбовский карнавал.⁴ Чтобы дать А(хматовой) отдохнуть, мы с О(сипом) пошли в музыкальный техникум на добролюбовский вечер. И действительно, О(сип) накинулся на Стойчева⁵ и стал бормотать: «Она приехала, не хочу, чтобы это было только для меня, вы хотите организовать ей встречу?.. Вы ей помогите тут устроиться, жилья ей нет, удобств...» Тот едва отвязался.

Что чудно — это поведенье Надьки. Все дурачества спали, никакой фанаберии, а наоборот, подлизыванье к Аннушке.

Все немного суматошно. О(сип) мне говорит: «Я потерял чувство действительности». И правда, он расчумелый весь. <...> Надолго ли А(хматова) — неизвестно еще. <...>

¹ Возможно, Рудаков говорит о докладе Ахматовой в Пушкинском Доме (о «Золотом петушке» Пушкина), прошедшем 15 февраля 1933 г.

² Наппельбаум Лев Моисеевич (Михайлович; 1904—1988) — архитектор, и его жена Людмила Константиновна, художница — знакомые Мандельштамов. В их квартире переехали на время ремонта собственной, см.: *Видгоф Л. О.Э.Мандельштам в Москве: Новые материалы // «Отдай меня, Воронеж...»*: Третьи международные Мандельштамовские чтения. Воронеж, 1995. С. 314.

³ Речь идет об издании: *Терповец Б.Н.* Музей нового западного искусства. М., 1935.

⁴ Имеется в виду празднование 100-летия со дня рождения Н.А.Добролюбова, только что канонизированного постановлением ЦИК СССР «Об увековечении памяти Н.А.Добролюбова и Н.Г.Чернышевского».

⁵ На этом вечере проф. Стойчев прочитал доклад «Добролюбов как публицист и критик» (Коммуна. 1936, 4 янв., анонс).

⟨...⟩ У М(андельштамов) — О(сип) все психует. Для него, для подлеца, — приезд Анны Андреевны — общественный шаг. Занят уже тем, возымеет ли действие на дальнейшее.

Уже нет тени натянутости. Мы с Анной Андреевной просматривали куски моей текстологии. Она вроде Оксмана в смысле авторитета. Она, кажется, не ждала увидеть то, что нашла. Ки, я не люблю, когда осознают величие и трепещут (как Есенин, в первый раз узрев Блока),¹ но когда в разговоре со мной, вспоминая чтение Оськиных стихов в Цехе, сказала «Коля» — мне холодно стало. Лица, как она изумительно красива. Ты можешь себе представить, что идешь под руку с Гумилевым? Вот то, что, ты представишь, я испытывал, когда ее провожал к Маранцам. Звучит это глупее и хуже, чем есть на самом деле. Псих психует. В остальном вечер чудный. Она говорит, что пушкинисты ее дразнят по поводу ее дома, его историчности:

А мы живем, как при Екатерине —

Дальше вышло весело. Я говорю:

Многооконный на Фонтанке дом.²

А оказывается, О(сип) ее раньше коверкал:

Целует *мне* в гостиной руку
И бабушку на лестнице крутой.³

Много смеялись.

Но все это суета, и больше всего от Ю(рия) Н(иколаевича)⁴ зависит. Теперь главнейшее — он едет лечиться в Париж,⁵ кажется, — застань его. ⟨...⟩ Пастернак скотина. Это, кажется, вполне очевидно. Боюсь, что не стоит заводиться. Если же он узнает о связи моей с О(сипом) — ему будет немислимо что-либо делать. Впрочем, это вопрос. ⟨...⟩ Из достижений — корректное поведение Надьки. Сейчас это вспомнил к тому, что злость на нее стоит за записками об Оське — сейчас это смягчилось. ⟨...⟩

¹ Возможно, в основе этих слов Рудакова был рассказ Есенина, ныне известный из мемуаров В.А.Рожественского (написанных позднее). Рудаков мог знать об этом эпизоде по рассказу Рожественского или, в передаче, от третьих лиц.

² Из стихотворения Ахматовой «Течет река неспешно по долине...» (1917).

³ У Ахматовой:

Целует бабушке в гостиной руку
И губы мне на лестнице крутой.

⁴ Имеется в виду Ю.Н.Тынянов.

⁵ Тынянов выехал для лечения в Париж около 20 февраля 1936 г.

(...) День был такой. Утром зашел к Маранцам за Анной Андреевной. У Осек уравнивание постепенное. Подача заявления о лечении на юге etc. Они жизнерадостны. Я немного позанимался текстологически. Видимо, сговорившись, Н(адин) и Ан(на) Оську опекают, т.е. Н(адин) его зря не волнует, и он тих.

Здесь начинается Оськино благородство. Он рассказал Анне Андреевне о моих стихах — и они организованно стали устраивать мое чтение. Оживилась Надька, которая их не знает.

После обеда уселись. О(сип) на кровати, Н(адин) под часами в том углу, где сидел Цветаев.¹ Анна Андреевна и я на низком диване. Внимание. Ожидание.

Кит, что же читать? Решил начать с неизвестной никому «Скарлатины». Между просьбой и началом чтения немного не верил голоду, боялся, что буду волноваться и плохо читать. Для созерцания избрал визави — т.е. Н(адин). Сверчок умный и ласковый, и, так хорошо в пустой палате напетированный, зазвучал ровно, и с первой строфы Н(адин) возгорелась — узнала больницу; 2—3 пьесы видел и О(сипа), и Анну Андреевну — т.к. они шевелились, т.е. слушали более чем активно. О(сип) забубнил и заахал, а по тону (при благородстве-то!) ждал, что готовит он атаку. Кит — если когда-нибудь читал хорошо — то это сегодня.

«Миргород»² О(сип) заставил читать три раза подряд. Читал: абиссинские,³ «Как хорошо бродить...», «Жел(езную) дор(огу)», «Державинскую ночь»⁴ («Анты»⁵ — почему-то не стал), еще — «Лицо как стеарин...», «Соображение овладевает...», и уже после разговора, — «Вагинова».⁶ А разговоры — заставили читать еще больничные⁷ — Лика (о, человеческое, женское уменье!) — Анна Андреевна, севшая хоть и на диване, но против меня — смотрела в упор мне в глаза — к последней строфе (нет, не просто, а как у Сумарокова, как у меня) — опустила ресницы. Это иллюстрация, оценка — словами не рассказуемая. А как я второй раз читал! Зачем не было тебя, Китуся! Оська во время второго чтения сказал: «Сумароков тут пришел в своих настоящих правах». Помнишь — у него о Сумарокове ругательно — то, от чего он «отрекся».⁸ Сказал и о Зареме,⁹ слышимой в первой строфе. Ли, какими дугами, ступенями ложились стихи. Оценки — общая и единоголосная радость на «Миргород» и «Сумарокова». Затем «Абиссиния», а дальше все — не разберешь уже. Конкретнее, после встрясок и вскакиваний, О(сип), конечно, пустился в полемику, но что получилось? Речь была вся обращена к Анне Андреевне — т.е. «подтвердите», дескать. Тезисы: «Несвобода, самоурезанье замечательных возможностей, мир под гипнозом, в статике, хотя и труднейший для воплощения» etc. И что же? —

«Нет — это только закононо. Это то, что и нужно, что органично, вы, О(сип) Э(мильевич), свою точку зрения, свою позицию навязываете другому поэту». Ки, ведь это почти даже моими словами.

И дальше совсем весело — О(сип) пустился доказывать, что «пряжа» — нечто множественное и голосу не «подобна».¹⁰ И запутался в понятиях «пряжи» и «тканья». Нет, всего не рассказать, но все обернулось хорошо, без тени волнения с моей стороны — победой. Т.е., я четче и распространеннее повторил слова Анны Андреевны о его органической неспособности согласиться с тем, что вне его стихов. Он все вопил, что большинство из читанного — просто прекрасно, но нужен еще выход, что если я прав — то это уже готовое свершение, но он ищет другого (ну и на здоровье — но я-то при чем. Это, Ли, говорит о моей от него независимости и вместе силе, а вопросы его удовольствия вторичны, да и радостей было для него немного — особенно «Миргород» и «Абиссиния»).

Анна Андреевна: «Удивительная работа над словом, полнота, которая создает, может быть, излишнее затруднение — вещи кажутся длиннее, чем есть, огромное».

О(сип): «Редкая пригнанность слова, нет повода для частной поправки, изменения, и возражения мои общеполитические».

Между прочим, в «Вагинове» — сказала А(нна) А(ндреевна) (то, что я тебе уже писал): дом Вагинова, и Дом Театра, и Дом Культуры друг другу мешают. Я, Ки, может быть, сумею переделать средние два стиха. Это нужно действительно. (...)

Пушкинский Дом хочет купить О(сипа) архив.¹¹ Он не дает, оставляя его мне для работы, но собственность сохраняя за собой. Вечер — чтение Данта, разговоры. Шуток много. Вместе они очень веселые. Между прочим, в полемике со мной О(сип) заврался и прутковское «В соседней палате поет армянин»¹² приписал Лермонтову. Хохот. Он, смутясь, выдал в этом А(нне) А(ндреевне) расписку:

«7 II открыл у Лермонтова такие-то стихи — О.М.»

Стихи, кажется, прошибли Н(адин). К ним часто возвращались. Огорченье: А(нна) А(ндреевна) уже собирается домой. Может быть, задержится, но не определено. (...)

¹ Возможно, это был Михаил Алексеевич Цветаев, композитор и либреттист, принимавший участие в музыкальном оформлении постановок В.Яхонтова. Речь идет, вероятно, о происходившем в августе—сентябре 1935 г., когда Л.С.Финкельштейн была в Воронеже.

² Стихотворение «От холмов уйдя в отроги...».

³ В архиве Рудакова не сохранились.

⁴ В архиве Рудакова не сохранилось, в письме от 11 апреля 1935 г., по-видимому, это стихотворение упоминается как «Державин».

⁵ Стихотворение «Ничего не скажешь милому соседу...».

⁶ Стихотворение «Знакомые писательской толпой...» (см. гл. IX «Города Калинин»).

⁷ Стихотворения «Подобна голосу дьячка...», «И вот — чем дальше, тем яснее...», «Устав больничного гарема...», «В ночи блужданье светлячка...».

⁸ Рудаков имеет в виду стихотворение Мандельштама «Есть ценностей незыблемая скала...»; поэт вычеркнул его в своем экземпляре «Стихотворений» под влиянием Рудакова (см. письмо от 8 апреля 1935 г.); обсуждается, вероятно, стихотворение Рудакова «Устав больничного гарема...».

⁹ Одна из героинь «Бахчисарайского фонтана» Пушкина; речь идет об образных перекличках со стихотворением Рудакова «Устав больничного гарема...».

¹⁰ В связи со стихотворением Рудакова «Подобна голосу дьячка...».

¹¹ Вероятно, инициатива исходила от Б. В. Томашевского, в те же годы приобретшего для Пушкинского Дома материалы М. А. Булгакова.

¹² Неточная цитата из стихотворения Козьмы Пруткова «На мягкой кровати...».

8 февраля 1936

Линуся, день замороженный, Анна Андреевна уже собирается ехать. Это вчера дало трещинку в спокойствии. Сегодня хуже — все переволнованы. Чудно, что в воззрениях на Оську мы очень с нею согласны. Она страшная умница. Сегодня мы с нею обед готовили: варили щи — вышло очень вкусно. Минус тот, что много времени и сил уходит на Оськины политики и планы. А с другой стороны, его жаль, он тоже скис, предчувствуя ее отъезд. Жаль, если не удастся большой профиль сделать. Может быть, завтра. Сегодня секретный вариант. (...) Линуся — главное Ися¹ etc., а Тынянов с К^о очень важны, чтобы возврат звучал литературно. Я это(й) политике, видно, от Оськи обучился. (...)

¹ Имеется в виду И. Бабель. Здесь Рудаков пишет о хлопотах по пересмотру своего дела.

9 февраля 1936

«Довольно мне пред гордою полячкой унижаться» — Китуся, кажется, в «Борисе» говорится так.¹ А вот мои стихи:

Чучела лисья — детский кошмар,
Пыльного меха желтый пожар —
Мечь обещаешь стеклянным глазком
Ты за диваном крадешься ползком.
Прячась украдкой по голым кустам
Тьмою метельной мерещишься нам —
Белая совесть, заповедь лжи
Людам о нашей судьбе расскажи.
9. II. 36. Воронеж.

Смысл сказанного тот, что сегодня О(сип) (дополнительно) читал стихи 1930 (года) etc., причем дамы его ублажали; просили еще,

расточались в хвалах. Мне по-человечески хочется долгого и привычного вниманья, людей. Это боковым образом осуществляется с нашими мэтрами. Именно — чтение и все вокруг него — ново им, и реакция — по сути, кажется, по правде. Но можно ли на 30-м году работы включить на равных себе правах новое явление? Трудно. И тут публикой, народом, а не ценящими мастерами — быть они не способны. В этом роде, только логично, — в разговоре сказал это. Они пообалдели. Это о пушкинском стихе.² А мое сегодняшнее — как демонстрация силы, оно, собственно, независимо от всего сказанного. Оно само о себе. О лисе — реальные комментарии у Ирины³ (вообще в семье). Не путать с Лисенком, с тем, что мама и ты меня зовете «Лис». Вот строфика — забавная: ведь двустихия, а писать нужно по четыре — это композиция; то же голосом делать.

Едет А(нна) А(ндреевна), очевидно, 11-го, сперва в Москву. С О(сипом) обсуждали ее молчание стиховое.

Он: «Она — плотоядная чайка, где исторические события — там слышится голос Ахматовой. И события — только гребень, верх волны: война, революция. Ровная и глубокая полоса жизни у нее стихов не дает. Это сказывается как боязнь самоповторения, как мнимое истощение в течение паузы» (об этом, Ки, потом и подробнее, отдельно).

Ей сказал, что вреден Пастернак, что он раньше целостнее других натворил то, во что другие опустили массово, всем скопом, безвкусно — это почти все, кто что-либо писал за 15 лет. Это и «Грифельная ода» О(сипа) Э(мильевича) — в этом ее боязнь (ее, т.е. А(нны) А(ндреевны)). Может быть, это было слишком резко: там и дружба, и уваженье Пастернаку.

Она ругает: Брюсова, Блока... да и всех почти. Сегодня читали Хлебникова. Ей нравится револ(юционн^{ый}) Хлебников. Обособленье сомнительное, при всей прелести «Ночи в окопе» и «Ладомира». О(сип) накинулся на Хл(ебникова), а я (я, Кит, говорю эти дни очень точно и хорошо — природно) его раскрутил, показав незнание им Хлебникова и легкую пустоту его «фразочек». Он снова залился звонким лаем. Я говорю: «Так говорить о стихах *не полагается*». Он: «Стихи вообще *положены* быть не должны, они должны жить» (это любимый его, звуковой — не всегда даже корневой — путь афоризации). Я: «Говорить так *не следует*, если Вас устроит синонимическая замена. *Следовать* значит «двигаться», «жить», а меняет ли это дело? У вас чистая полемика на грани придирки». Он: «А(нна) А(ндреевна), вот С(ергей) Б(орисович) меня всегда берет в логическую проработку и начисто снимает, что я говорю, он умерщвляет ход моего доказательства».

Теперь главнейшее. Сижу днем на диване с А(нной) А(ндреевной). И думаю — как сформулировать вопрос о работе над Г(умиле-

вым). Ей психи об этом еще не говорили. Так сидели молча минут 40. Она оборачивается и говорит: когда будете в Ленинграде, с ознакомлю вас со всеми etc. Кити, это — гипноз.

От тебя письма не было. Заходил в здание «Москва—Донбасс» — в проектный отдел — работы нет, хотя сотрудница проговаривается о сдельной и вечерней. Ки, это стена.

Помимо всего проблематичного, общего, решающего в нашей жизни — убивающую роль играют деньги. Непланоно отдал починить ботинки — пустяк, а волновался и обдумывал это, как Оська свою судьбу. Так могу сдуреть совсем. А тревога о тебе — о еде, о минимуме благополучия. Как это все гадко. Это — т.е. беспомощное состояние.

Чудно, что приехала Ахматова — это пассивная и сугубо временная, но активизация, возрождение. Вот, глядишь, скоро и весна. Сейчас тепло, но скользко — снегопад шел.

Сейчас ночь — дни и вечера взаимоподобны — их не счесть. Еще нет месяца, как я вне больницы. Спасибо ей, милой, — за Сумарокова и пение сверчков, за кошачьи письма, что Троша мне приносил.

Уже четверть третьего. На подушке такой медленный Грибоедов, его читаю кусочками — молниеносными и трогательно яхонтовскими.

Воронеж многослоен и многопланен — не хватает времени для записей — они стоят — тексты еще пошевеливаются.

Китуся — спокойной ночи — ты, детик, должно быть, уже спишь — может быть, во сне я с тобой — может быть, ты меня видишь.

Я сижу за столиком, лицом к окнам, за ними — до пол-стекла — снег. Я уже слышу весну, ее формы — законы.

Цалую тебя. Твой Сергей.

¹ Рудаков цитировал (неточно) из сцены «Ночь. Сад. Фонтан» «Бориса Годунова».

² Подразумевается цитата из «Бориса Годунова», которой Рудаков мотивировал свою эскападу.

³ Сестра Рудакова. Речь идет о его вышеприведенном стихотворении.

10 февраля 1936

⟨...⟩ Киса — ем сейчас очень хорошо: даю Н⟨адин⟩ сто, сто десять может быть, а деньги у них были, равно и еда очень хорошая. ⟨...⟩ С А⟨нной⟩ А⟨ндреевнкой⟩ много говорили о работе. Доверие беспредельное — только время и Ленинград, и все задуманное будет сделано. Мы друг друга с полуслова понимаем, будто я с ними в Цехе поэтов был, или она с Гришкой¹ у меня семинарий по Гумилеву проходила. Кити, даже мелочи: называет в какой-то связи Комаровского,² начи-

наю о нем говорить, о «Франческе»³ — пополам, или, вернее, вместе читаем вслух друг другу слово в слово:

Или под самым потолком,
Где ангел замыкает фреску,
Рисую вечером тайком
Черноволосую Франческу.

Она: «Да, знать Комаровского — это марка. А знаете, Коля говорил: “Это я научил Васю писать, стихи его были сперва такие четвероногие...” И правда — он, конечно...».⁴

Еще: «Когда Коля приехал из Парижа, я сказала ему, что мы будем расходиться. Мы поехали к Левушке в Бежецк. Было это в Троицу. Мы сидели на солнечном холме, и он мне сказал: “Знаешь, Аня, я чувствую, что я останусь в памяти людей, что жить я буду всегда”».⁵

Может быть, к ней надо было мне пойти уже давно, но без тех прямых условий, в каких встретились сейчас, может быть, не получилось бы нужного. В Ленинграде — будут простые и чудные отношения, вот увидишь, и будет работа, в которой она другим не поможет. Верит в это и она. <...>

Лина, познанный Оська, все с ним связанное — это очень много, но спокойная, вечная гениальность Ахматовой мне дала столько, сколько мог я сам придумать. Высшая награда — получить ожидаемое, желаемое — так, как с ней, говорил впервые в жизни. Это необъяснимое сочетание: я говорю, сообщаю, понимаю силу этого, и одновременно знаю, что она все это понимает сама. Говорит она — мне все ясно до глубины; а весь разговор — и неожиданность, и новизна. Удивительная форма — о любви так можно говорить с любимой, как мы о поэзии. Боже, так бы со мной говорил и он.

Кися, Анна Андреевна завтра едет. И я же должен буду утешать коммерческого Оську. <...>

¹ Г. М. Леокумович.

² Комаровский Василий Алексеевич (1881—1914) — поэт.

³ Стихотворение из сборника Комаровского «Первая пристань» (1913).

⁴ Об отношениях между Комаровским и Гумилевым см.: *Тименчик Р.* Граф Василий Алексеевич Комаровский // *Родник*. 1988, № 11.

⁵ Этот мемуар относится к 1918 году. О поездке Ахматовой и Гумилева в Бежецк см.: *Лукницкая В.* Николай Гумилев. Л., 1990. С. 205.

11 февраля 1936

Линуся, вот 11 число — месячный юбилей выхода из больницы. И сегодня же уехала Анна Андреевна. Киса, всякие поклонения великим — вещь и глупая, и безвкусная. Об Ахматовой — известно, что это адресат целого культа. И что же? Шесть дней знакомства сделали так много. Кит, я сделал покражное преступление. Взяв у сестры

Толмачева «Anno Domini» — дал А(нне) А(ндреевне), а она сделала мне надпись — книга останется у меня, никакие черти ее не отнимут. Карандашом:

«Сергею Борисовичу
Рудакову
на память
о моих Воронежских
днях
Ахматова
11 февр. 1936.
Вокзал»

⟨...⟩ Билет, как и тебе, через Таллера,¹ сидячий в вагоне «Воронеж — Москва». Сидели в буфете — поезд опаздывал на 2 часа. Как подали вагон — безумные психи усадили ее где-то на 4-м пути, и домой. Одному мне оставаться было нелепо. И чувство, что она так и сейчас не уехала, а с чемоданчиком и сумкой для провизии сидит в своем вагоне, что вагон так и стоит вне состава. Звериная нелепость. У О(сипа) так пусто стало, просто до слез. Утешенье — надпись. Твои отъезды — боль только мне, свинокое Оськи их не учитывали — а тут дело семейное, наше, общее. Н(адин) — с похоронно-воспоминательными репликами. Мы с О(сипом) в разных углах комнаты — почему-то злые друг на друга (ревность!?). Раскрываю «Красную новь» — вроде гадания: читаю в чьей-то прозе «Принесли Аннушку».

Законченного профиля так и не сделал (вот это вина Надьки).² К вечеру зашевелились, стали разговаривать — Оська получил из Литфонда подтверждение — телеграмму: «Забронирована путевка Старый Крым». И нет уже и А(хматовой) — ничего — планы, психованье. А потом опять о ее молчаньи (языком диагнозов собственных хвороб): «Словарный склероз и расширение аорты мировоззрения, ее недостаточная гибкость — вот причины молчания. Я очень черство могу говорить о литературе...». ⟨...⟩ А после Н(адин) вслух читала статью Дынник о Зенкевиче и частично об акм(еизме) вообще — дрянь с проблесками.³ Из «Коммуны» от 11.П — кинообъявление и заметка Столетова — Оськиного знакомого.⁴ Союз пока обо мне отмалчивается, но не окончательно. Жду ответа на мои деловые ответы — поэтому нет текстов заявления — т.к. этим обсуждением с тобой уточнится взгляд на «службу» etc. Пока поиски и невелики, и безуспешны. Кот, но ведь это кончится. ⟨...⟩

Дома так пусто — Веня уехал в район для ориентировки, Троша работает в ночную смену. Писем от тебя не было сегодня. А что будет, если Оськи уедут.

Ки — А.А. была в синелиловом, почти черном платье, — а в «Anno Domini» —

И кажется лицо бледней
От лиловеющего шелка,
Почти доходит до бровей
Моя незавитая челка,
И не похожа на полет
Походка медленная эта,
Как будто под ногами плот,
А не квадратики паркета.

Кити, хочу в Ленинград — теперь еще с большей силой — об этом услышишь от Аннушки.

Сейчас работать, работать — кончать с Оськой. Видно дно. Еще немного — и останется осмысленье — обобщенье, выводы, а там — оформление и соотнесение с журнальными интересами. <...>

¹ Других сведений об этом знакомом Рудакова не имеется.

² Рудаков пишет о силуэте Ахматовой своей работы.

³ *Дышин В.* Поэт и спец // Красная Новь. 1936, № 1. В статье говорилось, в частности, о важности работы с акмеистическим наследием для советской лирики (сходные мысли проводили И.Оксенов и Н.Степанов, ср. примеч. 5 к письму от 28 февраля 1936 г.). Дышник затрагивала и другую тему, которая могла привлечь внимание Мандельштама (названного в статье) и Рудакова: она утверждала, что акмеизм был «не школой, а именно лишь группой» несхожих друг с другом поэтов.

⁴ Столетов (по отцу — Семенов) Андрей Александрович (1907? — 1980?). В Воронеж был выслан из Ленинграда в начале 1930-х гг., окончил пединститут, где был оставлен преподавателем. После войны, вместе с освобожденной из заключения матерью, жил в Ярославле (сообщено О.Г.Ласунским). Н.Е.Штемпель, знавшая его лично, вспоминала в письме к П.М.Нерлеру: «Интересовался очень артистами цирка, писал для них репризы. <...> Дружил Столетов с Вадимом Покровским. Был, кажется, религиозен, внешне красив. Был очень крупным эсперантистом, переписывался со всем миром» (*Штемпель*. С. 99). В указанном Рудаковым номере помещена заметка Столетова «Люди с черствыми сердцами»; она обратила на себя внимание, вероятно, фактом появления в газете имени ссыльного литератора. Упомянутое «кинообъявление» — о фильме «Подпоручик Кижж».

12 февраля 1936

<...> Вечером зашел к больничной знакомой — там ее подруга, изобильно знающая стихи.¹ <...>

Ки, VII том очень интересен.² Решил все это издание проштудировать, чтобы не было темных мест. Посылать немного страшно. Лучше подождем, а я, может быть, взгляну его в библиотеке. Хотя мы с О(сипом) наладились его ждать.

Гр(игорий) М(оисеевич) переписал оглавление хорошо, но у больших белых стихов дал не 1-й стих, а середину: начало оборотной стороны — эти стихи, по-моему, на двух листиках, хотя О(сип) подписал оба.³ Посмотри. <...>

А вот об М(андельштаме) — главное скажу, повторю еще раз. Важно, что работа над ним идет в разрезе освоения сейчас критикой (см. статью Дынник) акмеистического наследия. В этом же направлении буду с Союзом говорить. Основной тезис: реализм и его ущерб в ранние годы. К нему пути М(андельштама), а рядом учеников: Багрицкого, Тихонова, Луговского, Антокольского. То же у Пастернака. Это же, в более естественных формах, у Маяковского. И тени нет у меня слепой радости на О(сипу). Масштабы работы таковы, что еще много подготовительного и текстологического, как фундамент. Выводы и методология будут очень широки. Хорошо бы это зафиксировать, действительно с Союзом в контакт вступить: это и работе полезно как критика и обсуждение, и для современных мотивов в моей литературной физиономии. А пастернакова линия — тот же Тихонов, и вся плеяда Корнилова, Прокофьева⁴ etc. Кит, это очень интересно и живо.

Скоро выходит 2-х-томник Багрицкого — вот бы достать.⁵ <...>

¹ Больничная знакомая — Мардашова Людмила Ивановна (до брака Маклецова), ее подруга — Штемпель Наталья Евгеньевна (1908—1988). Она в своих воспоминаниях также писала о месте (у «приятельницы Люси») и времени («начало февраля 1936 года») своего знакомства с Рудаковым и оставила его портрет: «Высокий, с огромными темными глазами, несколько крупными чертами лица: резко очерченный рот, черные брови с изломом, длинные ресницы и какие-то особенные тени у глаз — он был очень красив. Недаром Ахматова говорила о “рудаковских глазах”. Человек он был эмоциональный, горящий. Сразу, с первого вечера нашего знакомства, мы подружились, захлебываясь говорили о любимых поэтах и композиторах. Вкусы сходились. От Сергея Борисовича я впервые услышала воронежские стихи Мандельштама. Он читал мне их очень часто. Об Осипе Эмильевиче Рудаков говорил с восторгом. Когда я как-то спросила, какой он, Сергей Борисович воскликнул: “Ну, чудный!” Встречались мы почти каждый день, каждый день Рудаков бывал и у Мандельштамов» (*Штемпель*. С. 24—25).

² Речь идет о «Сочинениях Сумарокова».

³ Вероятно, речь идет об одном из «белых» стихотворений 1931 г.: «Полночь в Москве...», «Еще далеко мне до патриарха...». «Сегодня можно снять декалькомани...».

⁴ Поэты Н.С.Тихонов, Б.П.Корнилов, А.А.Прокофьев.

⁵ 1-й том вышел в 1938 г., издание второго не осуществилось.

14 февраля 1936

<...> И у М(андельштама) все вразброд сейчас. Оське нужно сидеть и ждать, а он без повода бесится. Все же его психованья многое в нем (и в стихах) портят для меня. <...> По О(сипу) кончил 1930 (год) — виден конец рукописей. <...>

16 февраля 1936

... У М(андельштама) депрессия и хныканье, и вместе с тем злобствование ⟨...⟩ корень в отсутствии денег, в перебое — 19-го зарплата и начнется мир. ⟨...⟩

17 февраля 1936

⟨...⟩ Обедать зашел к М(андельштамам) часа в 4. ⟨...⟩ У О(сипа) ад неопикуемый (обида на отъезд А(нны) А(ндреевны), курортная неопределенность, болезни и реальные, и мнимые, т.е., вернее, желательные, и денег отсутствие). ⟨...⟩

18 февраля 1936

⟨...⟩ Кити, но писать после Багрицкого и Вагинова и рядом с Мандельштамом — тоже нужны египетское упорство и техника, техника. ⟨...⟩ От О(сипа) на коньках прилетел мальчишка (из их коридора) с запиской. ⟨...⟩ Оказывается, они недосчитались 3-х страниц стихов, здесь Надькой переписанных, и перепугались. А стихи взяла я (они забыли это). Только час потерял на беготню. ⟨...⟩

19 февраля 1936

⟨...⟩ Есть в этом роде и Оська.¹ ⟨...⟩ Оська раздобыл в театре денег — и снова мир. ⟨...⟩ С честным интересом жду стихов Гр(игория) М(оисеевича). Очень за него боюсь в том отношении, что он человек внушаемый, и ему трудно выбраться из пелен чужих радостей. Он очень долго висел между Пастернаком и — увы! — пастернакоподобными четвертостепенными авторами. И его, т.е. Гр(игория) М(оисеевича), конечно, его, вешалка была ближе именно к последним. Уметь услышать Гумилева (самого), Маяковского (самого) — очень трудно, все перекрывает хор подражателей. Учиться у первоисточников — только заслуга. Ну-ка, выйди в мир с именем ученика Вагинова! А он (Гр(игорий) М(оисеевич)) — все стороной. Ну, желаю успеха. Жду стихов.

После сказанного — нескромно, но о себе. Не только Аннушка, никто не сумел бы меня «упрекнуть» в несамостоятельности. О(сип) пророчит другое: «Изошренность и неправдоподобие». Этого не боюсь. ⟨...⟩ Ли, ты пишешь о книжке. Это единственный выход. Но мыслимо ли? Почитай стихи в «Литературной газете». Смотри — что было на пленуме в Минске.² ⟨...⟩

¹ Здесь Рудаков пишет о своих фотоработах; судя по началу письма, в конверт он вложил и собственную фотографию.

² 3-й пленум правления Союза советских писателей в Минске открылся 10 февраля 1936 г. В «Литературной газете» в связи с ним печатались стихи многих авторов, от Н. Тихонова до трактористки Айхлу. Рудаков имеет в виду, вероятно, их «качество».

20 февраля 1936

Сегодня день был такой. (...) Так до 3-х с лишним болтался, а там Н(адин) попросила за О(сипом) в театр зайти — слабость у того¹, и он все норовит доехать до Утюжка на извозчике. В театре не хуже, чем в «Художнике»¹, — О(сипа) не вызывают: репетиция. И я зря час с хвостом просидел. Все это — и мое беспомощное состояние — сильно испортило мне состояние. (...) У М(андельштама) посидел немного — и домой. (...) Из Киева получил 150 рублей.² (...)

Ки, А(нна) А(ндреевна) еще в Москве. Все, что писал о ней в письмах на приписках³, — результат психодрам Оськи. Фактически же и она чуть в этом роде. Поэтому знать она не должна, что так полно писал о них, о упоминаниях Г(умилева) etc. Прости, что атмосфера бреда и паники не нашла во мне отпора — и даже тебе была мною переслана этими приписками. Но доля истины тут есть. Доля — и только.

Надпись повергла О(сипа) в истерику: на «Anno Domini» в 1936 году! Ах, ах!⁴

Он сильно сдал, но все же в этом есть доля политики — т.е. здоровье то плохо, то оно обыгрывается еще. Чем хуже обстоятельства — тем лучше и естественнее Надька. С нею «био-канва» (с 1919 года) доведена до 1930 — т.е. до нового стихотворного периода. (...)

¹ Кооператив, в котором Рудаков брал работу. Что имеется в виду в этой части фразы, не вполне ясно.

² В Киеве жили родители Л.С. Финкельштейн.

³ «Приписки» к письмам Рудакова от 6—11 февраля 1936 г. не идентифицированы.

⁴ См. письмо от 11 февраля 1936 г.

21 февраля 1936

(...) На обратном пути — снег и снег — но такой сухой и мягкий. Не холодно. Оськи пошли на концерт (бас — Стешенко — из Чикаго).¹

Уже вечером я был у той моей больничной знакомой² — у нее Заболоцкий³ и многое в этом роде, но по-провинциальному недоосознанно. Атмосфера семейнейшего быта. Она немного странная — какая-то внутренне невзрослая, может быть внешний характер определяется стеснительностью, которая заложена в физической особен-

ности — она хромая. Знаешь, есть что-то общее у всех горбатых, хромых etc. — общее в выраженьи лица, интонации. Взял «Версты» Цветаевой и Тютчева. <...>

С Союзом дело обстоит так. Кретьова должна со Стойчевым решить — как (беседа, доклад etc.) ознакомиться с работой моей. Пока же дело ограничивается звонками и откладыванием «ответа». <...> По О(сипу) кончаю 1932 год. 1933—4 — пустяки по объему.

Есть стихи «Довольно кукситься» etc. Помнишь? — они в «Новом мире»⁴ есть. Третья строфа —

Держу в уме, что нынче тридцать первый
Прекрасный год в черемухах цветет,
Что возмужали дождевые черви
И вся Москва на яликах плывет.

Неподражаемый черновой вариант:

И что еще не народилась стерва,
Которая его перешибет (!!!).⁵

<...>

¹ Стешенко Иван Никифорович (1894—1937) — певец (бас), солист Чикагского оперного театра, с 1934 — солист Украинской филармонии. Его концерты в Воронеже устраивались Радиокomiteетом 24, 26 января и 21 февраля 1936 г.

² Речь идет о Н.Е. Штемпель.

³ Подразумеваются списки стихов Н.А.Заболоцкого.

⁴ За 1932 г. (№ 4).

⁵ Черновик сохранился; вариант приводился в изданиях стихов Мандельштама.

22 февраля 1936

<...> Сейчас вернулся от О(сипа), где долго работал над 1932 годом. <...>

23 февраля 1936. Утро

<...> Получил только что от вас бандеролькой «Литературную газету». Пастернак очень прочен, а вот по шостаковичевской линии очередь за — кем бы ты думала — за Тыняновым, по-моему. Его глухо ценят, фанатически любят, и боятся — но «разоблачают».¹ Лучше бы не сбылось это пророчество. <...> Ки, в кино, где мы смотрели «Петера», идет два выпуска «Абиссинской хроники».² <...>

Простерся день равниной городской...³

Может быть, на скрещивании такого дня и кинореалий — будет продолжение абиссинских стихов, это значит — стихов о моей Кити, ведь все стихи в разных одеждах, но арию исполняют об одном. <...>

¹ Рудаков имеет в виду выступления на Минском пленуме правления Союза писателей, где поэзия Пастернака оценивалась неизменно высоко, хотя и в полемическом контексте. Начинаясь параллельно дискуссия о «формализме», вызванная статьей «Правды», уже содержала намеки на ОПОЯЗ, но имя Тынянова не называлось. Так, «Литературный Ленинград», номера которого жена также посылала Рудакову, сообщал о выступлении Л.Цырлина, напомнившего о том, что Ленинград «в свое время являлся родиной формализма» (14 февраля. с. 3). 20 февраля газета поместила статью Е. Мустанговой «Маяковский и Пастернак».

² Речь идет о кинохронике с театра итало-эфиопской войны 1935—1936 гг.

³ Цитата из стихотворения К.Вагинова «Я воплотил унывный голос ночи...» (1923), вошло в сб. «Опыты соединения слов посредством ритма» (1931).

23 февраля 1936

⟨...⟩ Есть сейчас и внешний подталкиватель: конченые — пока, правда, почти, — прекрасные стихи — стихи, кажется, перекрывающие больницу, во всяком случае — те новые, то новое, что есть действительное движение — и какое!¹ Но время, время — т.е. пространство — хотя сейчас это одна категория. ⟨...⟩

¹ Возможно, речь идет о «Балладе о движении» — стихах, подаренных Рудаковым Н.Е.Штемпель (см.: *Штемпель*. С. 48).

24 февраля 1936

⟨...⟩ Только что сбежал с 3-го акта «Отелло».¹ Был с Оськами. Сильно невыносимо, а они патриотически смотрят в третий раз. Вокруг этого много интересных разговоров: О(сип) срастается с театром! Это, конечно, издевательские слова. Днем у меня было фотографическое путешествие в Парк культуры с больничными закомыми (т.е. с больничной и ее знакомой).² ⟨...⟩

¹ Пьеса Шекспира, ставилась Воронежским Большим Советским театром. Об этой постановке сохранилась запись высказываний Мандельштама (приведена в комментариях С.Василенко и Ю.Фрейдина: *Мандельштам О. Молодость Гете // Театр*. 1989, № 12. С. 12).

² Речь идет о Л.Мардашовой и Н.Штемпель.

26 февраля 1936

⟨...⟩ Ки, вышла книга Волкова «Русская поэзия эпохи империализма»¹ (Брюсов, Гумилев, Ахматова, Мандельштам etc.). Там об О(сипе) непочтительно и бестолково (ограничиваясь «Камнем» 1916 года!). Впрочем, сам я книги еще не видел. О(сип) скис и расстроился чуть не до истерики. И вышел комический номер. После разговора о Волкове О(сип) мечется по комнате — «открыты ли сегодня магази-

ны?». Я разумно решаю, что человек в непосредственной связи с разговором — думает о Волкове и хочет его купить. Тут паузы. Тогда я начинаю полушутливым тоном: «Чтобы не заводить двух Волковых — купим пополам — Вы прочтете, а книга останется мне» — и еще что-то в этом роде. О(сип) молчит. Н(адин) чего-то лепечет. (...) И тут выясняется, что он хочет идти продавать книги свои — за отсутствием денег. Выясняется это бурно. (...) Кончается дело десятой, которую даю Надьке в хозяйство (в счет 110—120 рублей, что уходят у меня на обеды — и теперь чай у них).

А Волков этот — мой официальный конкурент по Г(умилеву) и О(сипу). О нем еще Лукницкий² говорил, и А(нна) А(ндреевна). Кажется, он туповат — но надо прочесть книгу внимательно и подробно. Постарайся прочесть ее и ты, и Гр(игорию) М(оисеевичу) скажи.

Вечером психи психовали. Я не вынес и стал идти домой, они — задерживать. После 2 часов психо-планов и психо-разговоров я ушел. Они же чувствуют себя покинутыми. (...)

¹ Заглавие передано неточно (см. вступительную статью).

² Лукницкий Павел Николаевич (1900—1973) — биограф Н.Гумилева.

27 февраля 1936

(...) Сейчас масса мерзких деталей с квартирохозяевами у О(сипа). Сюда относятся: крики, вопли, выключение света, снова крики, на них ответные психованья — все очень подробно. (...)

28 февраля 1936

(...) О(сипу) пока не говорил о карточке тебе, т. к. он опять боится своих автографов, и даже мне больше не пишет. Дикие волнения в связи со скандалами хозяев. Вообще же ожидаются грандиозные перемены, и где-то в глубине психи бодрят. (...) Получил Гришкино письмо со стихами. (...) Лживое «гой-еси» и намеки на душу. (...) Стихотворец признается, что это «под впечатлением читанной у Л(ины) С(амойловны) “Шерри-бренди”». От бедного Оськи остался кусочек погудки, сурдинки, но безвкусно растянутой на длинные строки. (...) И все это, с нахальной, но спешной и сбивчивой запиской, посылать мне и Мандельштаму — после наших воронежских стихов, и не иметь тени сомнения в своем блеске! «Стихи прочтите Мандельштаму. Пишите о них свои и его мнения». (...) С твоих слов, Гр(иша) писал более или менее человеческие вещи о моих стихах, хвалил лучшее и с толком. Все это было, казалось бы, залогом понимания того, что мы здесь делаем. Работой над стихом, над словом не назы-

вается нагромождение словарной грамматической формы. И в какое время! Когда от символизма пена мыльная осталась, когда на носу всамделишная переоценка Гумилева, когда М(андельштам) отрекается от «Камня» — все это не на бедного Гр(ишу) направлено.

Все это опять от литературного одиночества, при сознании собственной, пока непревзойденной, силы. Представляю, что так и не стану для людей тем, что есть — это письмо глубоко глупо тогда (для постороннего). <...> Понимаю Оську, который бесится от плохих стихов. Но со мной другое: я рад обсуждать все, а сейчас сглупу ждал от Гр(иши) чего-нибудь построже — ну, хоть менее развязного. <...>³. <...> Зашел к О(сипу). Там психованье. <...> Волкова вчера читал. Вульгарно в части характеристики, но в отношении социологизмов — много приятнее Селивановского и К°. Он загубленный человек: решил, что должен ругать, а не изучать, когда говорит о именах. Мне это только полезно.⁴ <...>

¹ Речь идет о Г.М.Леокумовиче; его стихотворения в архиве Рудакова не сохранились.

² Стихотворение Мандельштама «Я скажу тебе с последней прямокой...».

³ Далее следует текст приписки, сделанной 29 февраля 1936 г.

⁴ Помимо очевидной причины общего интереса Рудакова к книге Волкова, о чем он говорит здесь и в письме от 26 февраля 1936 г., следует отметить два частных момента. Во-первых, Волков опубликовал (с. 119—120) письмо Мандельштама к Сологубу от 27 апреля 1915 г. (архивная публикация при жизни автора письма и, разумеется, без его ведома!), а также цитировал письмо Гумилева к тому же адресату — это прямо относилось к работе Рудакова над биографиями обоих поэтов. Во-вторых, Волков (с. 160—161) атаковал указания И.Оксенова и Н.Степанова на связь работы ряда советских поэтов с наследием акмеизма — связь, которую Рудаков считал стержневой для современной поэзии, что ясно видно из письма от 12 февраля 1936 г. Среди прочего Волков выступал против представления об «акмеистическом реализме» (ср. в указ. письме), а также ставил в вину Оксену и Степанову следование за формализмом (с. 161—162), что попадало прямо в Рудакова. Один из заключительных тезисов книги Волкова гласил: «Попытки формалистов и продолжающих их дело “теоретиков” (типа Оксенова и Степанова) воскресить художественные принципы акмеизма, ориентировать на акмеистическую столбовую дорогу советскую поэзию — оказались отброшенными самой практикой советской поэзии» (с. 214).

29 февраля 1936

Китуся, псих меня замучает. Пошли с ним слушать квартет им. Гильома¹ — а он сбежал, т.к. концерт для слета ударников полей, и программа его не устраивает. <...> Сейчас бесконечно изводит Оська — и тревожит текстология. А к вечеру такой усталый, что сил нет сидеть. Кипа тетрадей передо мной, но боюсь, что уберу их в чемодан и лежа буду читать Волкова — это тоже общественно-полное занятие. <...>

¹ Сведений об этом концерте найти не удалось. Вероятно, Рудаков ошибся, и концертировал киевский квартет им. Ж.Б.Вильома, существовавший в 1920—1950 гг. Музыкальных ансамблей имени Гильома де Машо в то время в СССР не было.

1 марта 1936

⟨...⟩ Пошел проводить больничную знакомую¹ (от дома, примерно, моего — за Утюжок). ⟨...⟩ У Осек горел свет. ⟨...⟩

Жаль, что нового Заболоцкого не знаю еще наизусть.² Ни его, ни Лившица, ни Гр(ишу) О(сипу) Э(мильевичу) еще не показывал, т.к. биографические психованья так глубоки, что переключиться они не в силах. Особенно жалко комкать Заболоцкого.

Встал я очень поздно. Опять лежал раскисши почему-то, а к О(сипу) пришел только часа в 4. ⟨...⟩

Вспомнил:

Не спите днем — пластается в длину
Дыханье парового отопленья, —
Проснувшись, вы окажетесь в плену
Гнетущей скуки и смертельной лени.

«Спекторский».³

О(сип) Э(мильевич): «Вот многословие. И все это вместо того, чтобы кашлянуть, потянуться. И это не Пруст, не Джойс, не анализ».

А дальше — о том же дневном сне:

Моим рожденные словом
Гиганты пили вино
Всю ночь — и было багровым
И было страшно оно.
.....
И жалко мне стало дня
Своею стопою легкой
Прошедшего без меня.

О(сип): «Хорошо, очень».

Это стихи из «Костра».⁴ ⟨...⟩

Н(адин) купила Оське книгу по архитектуре Китая. Она в футляре.⁵ О(сип) футляров не любит, и я его унаследовал — и ношусь с безумною мыслью его на большую книгу приспособить. ⟨...⟩

¹ Речь идет, вероятно, о Н.Штемпель.

² Вероятно, Рудаков имеет в виду стихи, посланные женой по почте.

³ Поэма Б.Л.Пастернака.

⁴ Речь идет о стихотворении Н.С.Гумилева «Творчество», вошедшего в сб. «Костер» (1918).

⁵ Речь идет о книге: *Детские Б.Л.* Китай. М., 1935.

2 марта 1936

⟨...⟩ И очень много работал. Посылаю тебе один листок с «Волком»,¹ это единственное умыкание. Спрячь его. Интересный вариант последней строфы. ⟨...⟩ Стойчев в Москве — по его возвращении будет решен вопрос о моем литературном поведении, о формах знакомства, о степени нужности этого знакомства, etc. ⟨...⟩

¹ Стихотворение «За гремучую доблесть грядущих веков...».

3 марта 1936

⟨...⟩ Ки, негативы ни к черту не годятся, но зато там (у той знакомой, что живет близко от меня — зовут ее Наташа)¹ был один интересный дядя — местный профессор и большой спец и любитель в поэтических сферах. Он по московскому университету знает Пастернака, знаком с Цветаевой etc.² После вечно булькающего и фыркающего Оськи или разговоров Наташи — в сущности, очень неглубоких, — так хорошо было, хоть и пустяково, но поговорить с человеком, понимающим все с полуслова. Читает он правильно, хотя несколько шепеляво. Удивительно, как действует мое чтение — он сидел просто обалделый, просидел против положенного срока полтора часа, всячески звал к себе. ⟨...⟩

К твоему приезду текстология будет (надеюсь) закончена. ⟨...⟩

¹ Н.Е.Штемпель.

² Это был Загоровский Павел Леонидович (1892—1952) — психолог, профессор Педагогического института; друг Н.Е.Штемпель (см. в ее воспоминаниях: *Штемпель*. С. 24, 35—36) и в воспоминаниях М.В.Ярцевой (там же. С. 115). Загоровский назван Мандельштамом в шуточном стихотворении «Наташа, ах, как мне неловко...». О знакомстве Загоровского с Цветаевой и Пастернаком сведениями не располагаем.

4 марта 1936

⟨...⟩ Китуся, мой ангел, моя девонька, — вот пишу на той бумаге, в которую был завернут Дант. Посылка чудная, а он — в особенности. О(сип) (и Н(адин)) на него пакостно изругались — они ненавидят переводчика Эфроса.¹ ⟨...⟩ Во сне сегодня читал новые стихи Оське. В жизни, наяву — читать не буду.

Зато при нем ему сочинил:

А Мандельштам настойчиво
Набрасывается на Стойчева,
Набрасывается на Стойчева
И потрошит его...

Это по поводу того, что от меня Союз (и Стойчев) смогут при желании отвязаться легко, а О(сип) гоняется за ними за всеми и поедом ест. И нечитаное продолжение:

А после точит слезы
В жилеточку Елозы...

⟨...⟩

¹ Речь идет, очевидно, о «Vita Nuova» Данте в переводе А.М.Эфроса (1934). О причинах конфликтов с Эфросом см.: *Вторая книга*. С. 166—167.

5 марта 1936

⟨...⟩ Эпизод. Психования О(сипа) с термометром. Восклицанье: t° 37,8 (вместо привычной 37,2 — 37,3). Молниеносные гипотезы о новых болезнях, планы хлопот. О(сип) хватается за голову, Н(адин) поддерживает. О(сип) бежит к окну, к свету: «Надюша, я обманул тебя на градус — 36,8!» Они двое хохочут. Я сидел отдельно за текстологией и не ужаснулся в начале, не восхитился в конце. О(сип): «Сергей Борисович — а заранее знали, что в этом роде, вы знаете, что все у нас такое, и не реагируете». Я: «Да, только не всегда есть контроль, так сказать, не всегда к свету подходите». О(сип) хохочет: «Да, да. Просто не пишутся стихи — вот всё и есть». ⟨...⟩

6 марта 1936

⟨...⟩ Хотя очень помогла погода: сегодня первый весенний (не предвесенний уже) день. Пасхальная погода, ручьи, солнце. Выходной. Я помылся, почистился, побрился. Письмо от Аллы. У Осек пьянство хозяев. О(сип) нервничает. Здесь в культкомандировке на железнодорожный узел поэты Кириллов и Богданов (?)¹ — уже давно; но сегодня О(сип) ринулся их искать: «Бристоль», телефон, «Москва—Донбасс».² Все тщетно — он скис. Его утешенья, уговаривания. Хозяева позаснули. Полумир. ⟨...⟩

¹ Кириллов Владимир Тимофеевич (1890—1943); Богданов (Волжский) Александр Алексеевич (1874—1939). Знак вопроса поставлен Рудаковым.

² Имеются в виду: «Бристоль» — гостиница; «телефон» — помещение междугородного переговорного пункта; «Москва—Донбасс» — управление железнодорожной линии этого направления.

7 марта 1936

⟨...⟩ У М⟨андельштамов⟩. Надька пишет для «Коммуны» консультационные письма стихотворцам¹ — 3 р. 50 ⟨копеек⟩ штука, в день можно сделать до 10 штук. Дают их ей партиями штук в 30—40. Всего пока рублей на 250—300. Этого «мало», и «делиться» она не может. Какие они все же сволочи. И главное, это — подряд. Рассказал им о Толмачеве² — они бурно возмутились, а сами тут же замяли вопрос с письмами. Точный повтор того, что было при тебе, когда Н⟨адин⟩ обругала Согата³ за то, что тот не торопился с рисунками мне, а сами они не желали по радио помочь работою. ⟨...⟩

¹ Об этой своей работе для «Коммуны» вспоминала и Н.Я.Мандельштам (см.: *Воспоминания*. С. 132).

² Выше Рудаков сообщал жене о том, что Толмачев не смог его «оформить» в артели «Художник».

³ Знакомый (возможно — сослуживец) Рудакова, известен лишь по упоминаниям в его письмах. О каком эпизоде с рисунками идет речь, установить не удалось: происходило это, по-видимому, во время приезда Л.С.Финкельштейн в Воронеж.

8 марта 1936

⟨...⟩ Не могу сидеть у М⟨андельштама⟩ — там тупейшая самозанятость. Не могу больше. Часа полтора сидел в библиотеке над газетами. Все механически. Умер Кузмин.¹ Такая боль от этого. Его очень, очень люблю — и не мелочность, а правда была в том, что хотел с ним познакомиться. Вспомнил его «пароходик» из «Нового Гуля»: «Уходит пароходик в Штетин — Остался я на берегу»² — посмотри. ⟨...⟩

¹ Кузмин Михаил Алексеевич умер 1 марта 1936 г.

² Цитата из поэмы, одноименной книге (Л., 1924. С. 25).

10 марта 1936

Лица, сегодня снова письма не было, нет и телеграммы. Не знаю, за что, но жизнь мне сильно испорчена. Эта формулировка неверна: превращена в сплошное нервничанье. Если ты не пишешь не из-за руки, а по сердитости — это просто ужасно, т.к. ты на расстоянии создала себе обиду, и я не в силах разуверить, если ты не слушаешь. Если тебе мои письма сделали больно — это не нарочно, это больше ты сама их так осветила. Не могу поверить, что за это ты сознательно будешь меня мучить.¹

Что я могу сейчас делать — жить той сумятицей и толчеей, которая истребляет время и помогает не думать. Это — повышенная активность в отношении сидения у О⟨сек⟩, это сон (или полусон —

долгий утром, ранний — вечером). Чтобы совсем не распусться, стараюсь читать. Два раза был в публичной библиотеке. Заходил и в Союз. Практическая новость. Они устроили со мной предварительный разговор. Его течение было ознакомительное. К М(андельштаму) отношение непоправимо-отрицательное, даже пренебрежительное (вопреки его о них рассказам). Отсюда скепсис по отношению к моей работе, но одновременно и интерес. Решили 14 (-го) на Правлении поставить вопрос обо мне — при этом предварительное пожелание было сформулировано Кретовой так: устроить мой доклад для Союза и Пединститута (профессора, доценты и студенты старших курсов).

Боюсь, что это утопия (непроверенного, чужого еще человека пускать на студентов). Доклад мыслится двухчастный: общеметодологические и исторические установки с одной стороны, демонстрация анализа «наследия» с другой стороны.

Я подчеркиваю, что обе эти линии еще не сведены, и целое-то и хочу обсудить общественно.

Минусы разговора создали большую инерцию. Еще на встрече одеваясь казался себе и сильным и радостным даже — но уже на улице снова, снова и снова скис. Ведь не может быть никаких форм работы или радости вне связи с тобою, вне сознания нашей радости, нашей полноты.

У О(сипа) неосмысленное обсуждение моих союзных разговоров. Потом опять библиотека. Если доклад состоится, надо подробно почитать данные последнего пленума² etc. Еще один заход на почту. Дома пустота. Неужели ты не ответишь. Просто не верю всему этому. (...)

¹ Здесь Рудаков, вероятно, подозревает, что недовольство жены вызвано развивающимся знакомством с Н.Е.Штемпель — уже в письме от 4 марта он должен был объясняться: «В одном (из писем. — *Ред.*) ты огорчена моими встречами со знакомыми. Ли, ну зачем это — разве можно так не верить мне. Вот следствие из знакомства — вчерашний разговор с профессором — так напомнивший хотя бы элементы Степанова, Шадрина, Гришки, т.е. среды ленинградской — тоже такой неполной, но сейчас жалаемой. Котася, не надо самой себя огорчать — это не я тебя огорчаю».

² Речь идет о пленуме правления ССП в Минске (см. письмо от 19 февраля 1936 г.).

14 марта 1936

(...) Вчера М(андельштамы) переехали в новую комнату в хорошем доме специалистов.¹ Комната как настоящая городская, и принесенные вещи до боли напомнили полупереезд на Колокольную.² (...)

¹ Адрес: ул. Энгельса, д. 13, кв. 39 (нумерация современная).

² На Колокольную ул. переезд состоялся в 1934 г.

16 марта 1936

⟨...⟩ чистая текстология почти кончена ⟨...⟩. Что с Союзом? Вот что:

Было общегородское совещание работников искусства с докладом Плоткина (специально для этого из Ленинграда приехавшего) о формализме. Это (ты знаешь, наверно) отклик на статью в «Правде» etc.¹

Был и я. Такая дичь и тупость, что мне лезть с работой невыносимо. То есть завтра зайду узнать в Союз «ответ», но или он отрицательный, или надо будет говорить простые и честные вещи, все время клянясь, «что не формалист». И вообще здесь получается скверно. ⟨...⟩ Сидеть с О(сипом) не могу. Новая комната (очень благоустроенная, с ванной etc.) подействовала на них огрубляюще, озлобляюще, и все такое. Может быть потому, что жаловаться на неустроенность труднее. О(сип) совсем как помешанный, говорит только сам с собой, а Н(адин) сплошная макетная дура, а не собеседник. И вообще (это тебе говорил давно) «жертвовать» могу ради литературных сведений и материалов, а так — это только груз, и гадкий. ⟨...⟩

¹ После публикации в «Правде» статьи «Сумбур вместо музыки» (28 января) по стране прошла волна критики «формализма» во всех родах искусства. В Воронеже данное собрание было первым отзвуком. Плоткин выступил с докладом «О формализме — левацком извращении в литературе и искусстве» (Анонимный отчет — см. Коммуна. 1936, 17 марта; судя по отчету, обсуждались главным образом имена и произведения, затронутые «Правдой»). Накануне, 9 марта, со статьей «Против формализма и левацких извращений в искусстве» в «Коммуне» выступил П. Прудковский. Затем по этому вопросу было созвано расширенное заседание правления воронежского отделения Союза советских писателей, прошедшее 25 марта (см.: Коммуна. 1936, 4 марта; объявление); а затем его пленум (5—7 апреля). Накануне заседания «Коммуна» поместила статью Л. Плоткина «За великое искусство социализма» (23 марта), в которой из отечественных авторов критиковался В. Хлебников (назывались имена Пикассо и Маринетти). 12 апреля «Коммуна» поместила статью М. Горького «О формализме».

17 марта 1936

⟨...⟩ Был у Наташи,¹ т. к. на это число сговорился с Загоровским (профессором), что он тоже будет и принесет стихи Вал. Бородаевского (символист, связанный с Коневским etc. У меня он есть, а Загоровский его знал лично в Курске в 1919—20 гг. перед его смертью). Но Загоровский не смог перенести вечернюю лекцию и не пришел. ⟨...⟩ Из дому пошел на телефон — звонить в Москву брату Н(адин), чтобы он им денег прислал. Они для вящей убедительности притворились больными и уговорили звонить меня. Противно немножко все это. ⟨...⟩

Следишь ли ты за «Правдой» etc.? по вопросам искусства? Это все очень значительно и окончательно. С О(сипом) почти переругался. Он хочет готовить речь на дискуссионно-покаянное собрание.² Я едва удержал фразу о том, «что совместное творчество под одной фамилией меня не устраивает: довольно-де стихов». Не подумай, что повод — самый факт его подготовки. Опять ругались о моей значительности. Но на этот раз я был собраннее, и яснее и бесспорнее все получилось. Даже не договорил, жалея его и Н(адин). Суть в том, что знаю, что сейчас мог бы делать большие вещи. Препятствие — косность литературы (и среды). *И в первую голову — его, Мандельштама. Хотя его даже лучшие намерения сейчас не изменили бы в моем положении ничего — видеть под боком свинское поедание моих желудей, и непочтительное хрюканье слышать противно. <...>*

¹ Н.Е.Штемпель.

² Уточнить, о каком собрании пишет здесь Рудаков, не удалось. Возможно, оно должно было состояться в плане подготовки к пленуму (см. примеч. 1 к предшествующему письму), возможно — было перенесено на осень и состоялось 11 сентября (см.: *Нерлер П. Он ничему не научился... С. 93*).

19 марта 1936

<...> Сейчас ложусь — устал, т.к. О(сип) потащил меня в театр на ученический балет¹ — и вообще я еще немного кислый. <...>

¹ «Вечер балета» был дан в Областном молодом театре (Коммуна, 1936, 18 марта).

21 марта 1936

<...> У М(андельштамов) сидели и с О(сипом) читали значенный им томик с Сумароковым и Ломоносовым.¹ Надька меня пытается рисовать. <...>

¹ Вероятно, речь идет об издании: *Тредиаковский В., Ломоносов М., Сумароков А. Стихотворения / Вст. статья П.Беркова, ред. и примеч. П.Беркова и Г.Гуковского. Л., 1935.*

22 марта 1936

<...> У М(андельштамов) — один извод. Мелочно, но все же скажу. Новая пакость. Мною достигнут режим в 100—110 рублей — т.е. больше (уже давно) нет пожирания моих денег. Но — обеды восстановлены только с 16-го — и все безумно натянуто. <...>

23 марта 1936

⟨...⟩ Вчера читал твоего Р.Якобсона о Хлебникове¹ — и это после всех кризисов. И опять — это мое — это мировоззрение. Надо уметь это пронести. ⟨...⟩ У Мандельштамов я один — их нет. Лежит «Звезда» № 5 за 1933 год с «Арменией» Оськиной и Шкловским.² Как люблю его эти вещи. Он (то же, что Якобсон) — моя молодость, мое начало. Гениальность Шкловского, моя любовь к нему — к ученому, к прозаику — так издавна роднит меня с тобою. Читал, и время оседало, как мыльная пена. Когда поеду через Москву, зайду к Шкловскому — говорить о чем будет.

Пусть близость с О(сипом) имеет много бытовой пакости. Не боюсь — хотя гадко. ⟨...⟩

Каждая «Литературная газета» беду приносит. Вот заметка: серия «Библиотеки поэта» — «малая» — вся будет закончена в 1937 г.³ Т.е. у меня все шансы опоздать и к этому Кюхле — делает его Орлов⁴ или еще кто — и к Щербине, Случевскому,⁵ акмеистам. А началом это было бы чудным. ⟨...⟩ Вот результат с Союзом. Кретьова просит позвонить Стойчеву, чтобы с ним «связаться». Это значит, что будет методологическое вниканье. Центр с моей стороны будет в том, чтобы вообще лит-работать, — а о раб(оте) над М(андельштамом) — нужно было ЗАЯВИТЬ. Что и сделано. Ты (да и я) во всем права. ⟨...⟩

¹ Речь идет, вероятно, о книге Р.О.Якобсона «Новейшая русская поэзия. Набросок первый» (Прага, 1921).

² Подразумеваются «Путешествие в Армению» Мандельштама и рассказы В.Б.Шкловского.

³ Эта краткая заметка в хронике была помещена не в «Литературной газете», а в «Литературном Ленинграде» (1936. 20 марта. С. 4).

⁴ Орлов Владимир Николаевич (1908—1985) — литературовед. С ним Рудаков был знаком, вероятно, по Институту истории искусств. Орлов занимался Кюхельбекером с 20-х гг., издал вместе с С.И.Хмельницким «Дневник Кюхельбекера» (Л., 1929), предисловие к которому было написано Тыняновым. Его имя появляется здесь не случайно (см. вступительную статью).

⁵ Издание Щербины (подготовленное И.Айзенштоком) вышло в 1937 г., Случевского — в 1941 г. В свете филологической близости Рудакова к Тынянову представляет интерес высокая оценка обоими поэзии Случевского (см. «Город Калинин», гл. XVII и XXIV, и мемуары А.В.Федорова, готовившего указанное издание Случевского, см.: *Воспоминания о Тынянове*. М., 1984. С. 105).

24 марта 1936

⟨...⟩ У них на меня есть рецепт, ярлык: я-де молод, и всё пустяки! И всё! Сегодня О(сип) напугался какими-то прописочными формальностями. Потом я провожал его в театр (он относил свои

тезисы-замечания по пьесе «Мольба о жизни»).¹ На обратном пути (ублагодотворенный):

О.Э.: «С(ергей) Б(орисович), у вас прошла тревога?»

Я: «Тревога была у вас. А у меня, если бы она и была — пройти ей было не с чего, т.к. ничего для меня не случилось».

О.Э.: «А для меня?»

Я: «Театр — это деятельность все же».

О.Э.: «Да? Разве?.. А?..» — Пауза. — О.Э.: «Вы ко мне относитесь чисто по-бытовому. А я вам завидую: вы сумели себя сохранить, пронести. Вы окружающих (!) не цените».

Я: «А вы?»

О.Э.: «Я отношусь не с точки зрения бытовой, а нравственной. Вы вот ничего не потеряли, а я изломан».

Сказать на это о его «безнравственности» — зачем? Поможет ли? (...)

¹ Пьеса французского драматурга Ж.Деваль. Шла на сцене Большого Советского театра с марта 1936 г. (см. отчет Н.Саджового: Коммуна. 1936, 24 марта).

25 марта 1936

(...) От М(андельштамов) ушел рано — дома немного вожусь с рукописями. (...)

26 марта 1936

(...) Деталь мандельштамовского фона. Н(адин) пишет письма рабкорам etc. (Мне их не дадут, т. к. это Елозо, газета, а не Союз, а и Союз не хочет со мной дела иметь, но об этом потом). И в виде развлечения Н(адин) изобретает попросить меня надиктовать ей одно письмо. Развлечение в том, что каждое мое слово вызывает в ней притворный ужас и вопль о том, до какой степени я неспособен к этой работе. Ввязался и О(сип). И кончилось тем, что они же стали упрекать меня в чрезмерной серьезности и обидчивости. Ругаться бессмысленно. На вопль О(сипа), что он никогда не обижается, а только злится, я (тоже, видимо, злясь) сказал: «Ну что же, в этом ваше величие». Н(адин), чувствуя скандал, начала все замазывать. Через 20 минут я ушел. (...)

27 марта 1936

(...) Если останусь тут — придется ехать в район, т.к. в городе работы не найти. Литераторы все так напуганы «формализмом», что

и речи начинать нечего. Частность — извод у О(сипа), который, в силу моего реагирования, превращается в *мелкие* скандалы. Все усилия О(сипа) направлены на то, чтобы выходить «правым», а он в склоках мастак. (...) Вечером пошел с О(сипом) на пушкинский вечер (певец Окоемов)¹ — но не досидел. (...)

¹ Сведений об этом вечере найти не удалось.

29 марта 1936

(...) О(сип) оживлен тем, что пишет для радиофестиваля вводное слово к «Орфею» Глюка.¹ Там идет диктант. Я был у Наташи. Загоровский принес Бородаевского (книгу)² и мне в подарок — кусочек его рукописей,³ это интересно и для коллекции, и фактически. О(сип) хочет с Загоровским познакомиться, и это, видно, на днях состоится.⁴ (...)

¹ Текст в архиве Мандельштама не сохранился. Передача была в эфире 31 марта (см. письмо Рудакова за это число); о ней сообщала «Коммуна» (1936, 2 апреля).

² О какой книге Бородаевского — «Стихотворения. Элегии, оды, идиллии» (СПб., 1909) или «Уединенный дол» (М., 1914) — идет речь, неизвестно.

³ В архиве Рудакова не сохранились.

⁴ Знакомство Мандельштама с Загоровским состоялось уже после отъезда Рудакова (см. *Штемпель*, с. 36).

31 марта 1936

Маленький мой Кит, сегодня год Воронежа. (...) Вчера не писал, т.к. был в Сосновке, а потом у М(андельштамов) вечер — замотался разговорами об «Орфее».¹ (...) Сейчас сижу у М(андельштамов). Они на радио. Я только что через наушники кончил слушать Глюка. Не понравились голоса. Введение «ничего», но наивно. Забавно мнение О(сипа), когда он вернется. Читала его дикторша, дико коверкая стихи, цитируемые о Глюке (из «Моцарта и Сальери»).²

Днем зашел в книжный магазин. «Город Эн» Добычина (ругаемый в дискуссии рядом с Шостаковичем).³ А денег нет. Говорю продавщице «отложите». А та пишет чек, дает из своей сумочки 1 рубль 65 копеек — «уплатите, а то книга не долежит». Пришлось ее взять. Слушая радио, лежал с наушниками, читал. Вроде «Шума времени»,⁴ смешанного с прозой Вагинова, — но сухо и малоестественно; но фотографично, т. е. наблюдательно. (...) Ки, с О(сипом) разговор — обсуждение «Орфея». Тихость и деловитость почти

былая. Ушел от них в 1 час — и пошел один до Утюжка и обратно. <...>

¹ Радиопередача об «Орфее и Эвридике» Глюка, к которой Мандельштам написал текст.

² «Когда великий Глюк явился и открыл нам новы тайны...» (сцена 1); этот стих Пушкина Мандельштам цитировал и в статье «Заметки о поэзии» (1923).

³ Речь идет о «дискуссии» по «формализму». Книга Добычина вышла в 1935 г.

⁴ Книга Мандельштама.

1 апреля 1936

<...> Сейчас лег рано (нет 12). На стуле рядом оськин «Дант» — его прочитываю, строятся к нему примечания. А насколько легче было бы это в живой беседе, в разговоре. С ним это немислимо. Даже на Гришку¹ был бы рад.

Комната пустая, даже Троши никогда нет — оттого, что он станхановец и работает несколько смен. <...>

¹ Г.М.Леокумович.

2 апреля 1936

<...> А знаешь, вот новое впечатление от «Гондлы». Дивные места, развитые потом в «Синей звезде», лирический Гумилев; а очень многое, долженствующее быть эпосом, — очень риторично, сухо, часто даже несуразно. При этом эпическое, размерное целое — удалось. Беда, значит, за деталями эпоса.

Мерзавцы Оськи потеряли Добычина, взяв его с собой в столовую. Т.к. это столовая «Коммуны», где их знают — есть надежда, что книга еще найдется. <...>

О(сип) вопит, что Добычин написал под него. А «Литературная газета» — что под Джойса.¹ О(сип) заключает: «Этакую мерзость от Джойса производить». Логика говорит, что «от М(андельштама) можно производить»!

Н(адин) пишет (в который раз! — все переделывает) статью для газеты о школах. Она этого делать не умеет, как не умеет рисовать. Для самоободрения опять «привлекает» меня. Но в тонко-вежливой форме. Она и дура, и глупая, т.е. смеяться даже над ней не стоит. <...> Н(адин) собирается ехать в Москву, и надо это угадать так, чтобы во время твоего житья здесь и Н(адин) была на месте, иначе О(сип) привяжет нас — и житья не будет. <...>

¹ Рудаков, по-видимому, имеет в виду статью Е.Добина «Формализм и натурализм — враги советской литературы», где говорилось: «Когда речь идет о концентрациях формалистических явлений в литературе, в качестве примера следует привести “Город Эн” Добычина. Добычин всецело идет по стопам Джойса» (Литературный Ленинград. 1936. 27 марта). Статья являлась текстом выступления Добина на «дискуссии» ленинградских писателей 25 марта (см. примечания к письму от 6 апреля). «Литературная газета», давшая отчет о выступлении Добина в номере за то же число, имени Джойса не упомянула. Результатом этой кампании явилось самоубийство Добычина (конец марта 1936 г.).

3 апреля 1936

Ки, сегодня (а может быть, вчера — но мы решили, что сегодня) год нашего с О(сипом) воронежского знакомства. Он купил колбасы, сыру и конфет (всего понемногу, т.к. денег нет), и мы пили чай и говорили друг другу нежные вещи. До этого чудное событие. В университетской библиотеке достал «Гондлу», «Аполлон», где «Америка» Гумилева и где его и Кузмина портреты (они мои! — т.е. будут моими). С О(сипом) все это смотрели, читали.

Жильца-соседа (из «Коммуны») зовут «Карлик», как и всех культработников газеты (в отличие от столичных «гигантов»). О(сип) сочинил четверостишие, долженствующее пародировать Гумилева:

Карлик-юноша, карлик-мимоза
С тонкой бровью — надменный и злой...
Он питается только Елозой
И яичной скорлупой.

Началось так. О(сип) сказал: «Он питается Елозой» (сказал в разговоре — прозаически). А я:

Он питается Елозой
И яичной скорлупой.

Через несколько минут О(сип) вопил четверостишие (сперва несколько иное — не запомнил его).

Разговор же о конце года стал невольно итоговым. А разговоров не было давно!

О(сип) Э(мильевич): «С(ергей) Б(орисович), как вы предсказали и задавали мои воронежские стихи — скажите, что же теперь должен я делать. Заниматься старым я не могу, а что новое?»

Я: «О(сип) Э(мильевич), мне кажется, что теперь, по ряду показателей, можно судить, что будет проза. Говорю это вот почему. Все, с 1930 года по воронежские стихи включительно, все стиховое было вокруг “Разговора о Данте”, или до него, или после, — но все смотрело на него. Или в “Данте” — оправдываются готовые стихи, или стихи последующие его распространяют

и оправдывают. Это “Разговор” о вас. Т.е. все, что вы думаете теоретически, вы изложили в порядке доказательств того, что Дант “хороший”, “настоящий” (я упрощаю, но это значит, что “Дант и есть поэзия”), по смыслу же это было обсуждение вашей практики. И хотя Дант является сюжетом работы, его там меньше всего. Я ее понимаю до конца, не зная итальянского». (О(сип) Э(милевич): «Да, это все говорят, что это понятно и не знающим Данте»). Я: «Но это надо понять не как полноту, Данта разъясняющую, а как то, что смысл не в Данте, хотя он и не случаен, т.е. что и о нем многое, видимо, характеристично. Итак, в моих примечаниях (которые я хочу “кончить”, т.е. сделать полно уже сейчас) должна быть раскрыта связь стихов с тем, что было в вас *тогда* помимо них. Привлечение химии и музыки тоже произвольно. Вам нужна была структурность. Подошли бы и естествознание, и математика, и архитектура. Вы доказывали так: музыка структурна (оркестр etc.) и она музыка! — а Дант ей подобен, как он хорош! А получалось совпадение тех формул поэзии, которые вы вывели с вашей практикой, с практикой Вагинова, моей и еще очень немногих. В чем же суть дела? В том, что поэзия понимается как наложение рядов одного на другой, как отказ от твердых форм значения за счет углубления роли сочетаний. Здесь куча частных. Программа. Все это в движеньи. О нем, о движеньи написан “Дант”.

Но сейчас нет ни накопленных *новых* точек зрения, ни обновленных стихов. То и другое самозаконченно. А опыт большой, и он начинает не обсуждаться или углубляться вами, а бродить словесно. Т. е. рецензии, радио, театр, колхоз, Глюк и все, все — сможет ожить прозаически по типу реформированной “Египетской марки”. Признаки этому — попытки записывать кусочки, самоцельно обыгрываемые..».

О(сип) Э(милевич): «Очень, очень все похоже, но надо тогда на все начать смотреть как на лагерь, как на работу. Увидим, смогу ли я это сделать. Надо жить и жить. Буду всегда помнить о *себе*, а быт свой, метанья — отстраню».

Я: «Такая проза пойдет, может быть, <как> раньше “Путешествие в Армению”. Вообще, о деталях и рано, и не нужно еще говорить».

О(сип) Э(милевич): «Для такой работы будут годны все удачи и неудачи, но она должна быть необобщающей».

Я: «Как “Египетская марка” — уводящей, разноустремленной, разлагающей».

О(сип) Э(милевич): «Может быть, может быть. А вы стихи должны писать, и скорее, скорее — примечания к “Данту” для начала».

Я: «Остальное будет кончатся в Ленинграде».

Когда я уходил, на «Египетской марке» он сделал подпись:

« 3 апреля. 1936. О.Мандельштам.
Поживем — поглядим, С(ергей) Б(орисович)!
М.»

Китуся, все вместе безумно напомнило тот год — его начало. Как давно не было, шел домой и поздно, и радостно. Такой легкой походкой по сухому асфальту, и проспекта, и левой стороны Петровского спуска. <...>

4 апреля 1936

<...> Гр(игорию) М(oiseевичу) письмо написал. Тебе могу сообщить: О(сип) сказал — «Пусть он скрывает, что пишет. Это военный капельмейстер: “Сюита — воспоминание о Шуберте, Листе, Венеции и Балакиреве. Исполняет красноарм(ейский) хор”». <...>

5 апреля 1936

<...> О(сип) покорно читает Гумилева в «Аполлоне»¹ и сам постепенно тусклеет и как-то робеет, хотя и фырчит.

Сегодня был у Наташи с Загоровским. Вечер прошел в том, что он читал свои стихи (1911—24). Ранние стихи даже ничего, а остальное беспочвенно и беспомощно. Дал потом тетради домой — на более подробное ознакомленье. Она, они рассказывали о былом (недавнем) Воронеже, о приездах Маяковского.² Тогда была группа «Чернозем». Сейчас ее деятели разбрелись.³ <...>

¹ См. письмо Рудакова от 3 апреля 1936 г.

² Маяковский выступал в Воронеже с чтением стихов в ноябре 1926 г.

³ Литературная группа «Чернозем» распалась в 1927 г. (см.: Пятилетие журнала «Подъем» // Коммуна. 1935, 4 октября).

6 апреля 1936

<...> Из событий очень важных — речь Заболоцкого (смотри «Литературный Ленинград»). По данным «Литературной газеты» я подумал, что это примитивнее у него получилось.¹ По сути же человек говорит о своем пути и том, как ему мешали. На все его объяснения, рассказанные мною Оське, последовала рецензия: «Врет. Написал памфлет на сухотку мозга, а объясняет как... Это вроде Зощенки, который пишет памфлеты невероятной силы, а выдает их за душеспасительное чтение». Правда ли это? Не знаю я, но тону Заболоцкого поверил. А Эйхенбаум никак и ни за что не сговаривается с Цырлиным!²

У О(сипа) краткое безденежье — и, как вывод, безумствования. Н(адин) три раза переделывала статью для «Коммуны», и ее три раза браковали. Журнально-газетных ловов не получилось. Она оправдывается: «Я забыла о своих основных чертах — тупости и ипохондричности, и хотела работать». В результате она и консультативных писем не пишет. Идут бесстыдные разговоры о гибели и необходимости скандалов, демонстраций, объявления голодовки etc. В «нервах» расшвыряла шахматы на проигранной партии. О(сип) то стонет, то мечется, придумывая утопические уродства — вроде всяких писем с жалобами и упреками. Злит их и моя малая реактивная живость. Н(адин) хочет ехать в Москву квартиру продавать (т.е. это пока болтовня). О(сип) говорит, что в ее отсутствие с твоим (Л(ины) С(амойловны)) приездом — он (О(сип)) останется один. Н(адин): «Почему? Ведь мы — вдвоем можем быть» (т.е. раз они сидят со мной — мы с тобой должны О(сипа) опекать неотлучно). О(сип): «Мы вместе постоянно, а они раз-два в год. Ты говоришь глупости». Все это только мелочи, так сказать мебелировка, украшение быта.

Ли, а как же с А(нной) А(ндреевной)? (...) Может быть, ты не хочешь к ней идти? (...)

¹ В русле начатой «Правдой» кампании против «формализма» в Ленинграде 25 и 28 марта состоялась «дискуссия» писателей. 25 марта ознаменовалось выступлением литературоведа Е.Добина; 28-го с покаянием выступил Н.А.Заболоцкий. Сокращенная стенограмма его выступления приведена в «Литературном Ленинграде» (1936, 1 апреля) под заголовком «Статьи “Правды” открывают нам глаза». В «Литературной газете» (1936, 31 марта) его выступление излагалось в заметке «На собраниях ленинградских писателей».

² 28 марта на «дискуссии» выступали также Б.М.Эйхенбаум и В.М.Жирмунский. В редакционном обзоре о выступлении Эйхенбаума говорилось: «Бывший теоретик “Опояза” несомненно отошел от старых своих позиций, но в его словах не было понимания того, что формализм был активно направлен против основных принципов советской литературы... Не против беспринципной университетской науки (как утверждает Б.М.Эйхенбаум), а против марксизма-ленинизма была направлена формалистическая теория и практика. На это справедливо указали в своих выступлениях Н.Свирин и Л.Цырлин» (За углубленную творческую самокритику // Литературный Ленинград. 1936, 1 апреля; в этом же номере помещены сокращенные стенограммы выступлений Эйхенбаума «Жизнь ушла в сторону от формализма» и Цырлина «Формализм должен быть разоблачен до конца»).

7 апреля 1936

(...) Вечером был с О(сипом) на Четвертой симфонии Бетховена. (...)

9 апреля 1936

⟨...⟩ У меня же сейчас дурацкая отрешенность от мира. Она вызвана тем, что у Н⟨адин⟩ болит печень, а О⟨сип⟩ (в силу психоза — боязни пространства) не может один ходить. И я бессмысленно таскаюсь с ним в театр, на радио, к Елозе etc. У них сцены и драмы. Проекты скандалить из-за безденежья. А вся ситуация такая: театр — 400, «Коммуна» Надьке за «письма» — 200. Но в театре вычеты за авансы январские, а в «Коммуне» за забракованные статьи не платят. Домашние диспуты готовы разразиться в скандал по поводу моего малого сочувствия. Вдобавок сегодня метель и снег мокрый и густой. «Не хочу писать писем» — орет Н⟨адин⟩. «Не пиши, Надюша» — заключает Ося, а там жалобы и ругательства.

Это «материал», конечно, но скучно и противно рассказывать. ⟨...⟩ Теперь о Нелединском. ⟨...⟩ А это ведь никто иной, как декадент Владимир Гиппиус! Т.е. друг и ближайший сподвижник Ал. Добролюбова. Далее, друг Ив.Коновского etc. — отсюда огромная ценность историко-литературных мотивов в его стихах (о Блоке etc.).¹ В 1896 г. он должен был издать книгу одновременно с «Natura...» Добролюбова, но это как-то замялось. Он вообще считается талантом (глупое определение) второстепенным, но значительным теоретичностью своего выступления. С годами он утратил и «новаторство» — О⟨сип⟩ Э⟨милевич⟩ у него учился в Тенишевском (русская литература). Спасибо за книжку — я ее никогда ранее не читал! ⟨...⟩

¹ Как видно из текста письма, Л.С.Финкельштейн купила для Рудакова книгу Вл.Гиппиуса: *Нелединский Вл.* Томление духа. Пг., 1916; в ней содержится стихотворение «Александр Блок».

² Первая книга стихов А.М.Добролюбова (1876—1945?) «Natura naturans. Natura naturata» вышла в 1895 г.

10 апреля 1936

⟨...⟩ День крутился с О⟨сипом⟩ (опять театр, Елоза etc.). ⟨...⟩

12 апреля 1936

⟨...⟩ Пишу у М⟨андельштамов⟩. Были только что на дневном концерте — под управлением Пауля Брейзаха — Бетховен (2-ая симфония). ⟨...⟩

13 апреля 1936

⟨...⟩ А сегодня еще О⟨сип⟩ Э⟨милевич⟩ подстроил номер. Шли мы с ним из театра. Посреди проспекта — бледнеет, хватается за сердце.

Я едва втаскиваю его в «Коммуну». Он кричит: «Умираю, умираю», держится за сердце. Кладем его на стулья (под голову мое пальто). Он вскакивает — пьет воду, и кричит: «Надельку, Наденьку»... Ведут извозчика. Едем. По лестнице — опять остановки, с воплями и страхом. А дома — облегченье. Я бегу за врачом в поликлинику. Ему делают укол камфары. Больничный листок (с комедией: нет справки о работе — и в «доказательство» они оба наперебой тараторят: Писатель... вот книжка... вы не читали?.. Разве может человек, пишущий так — обмануть...»). Но находится тамбовская санаторная справка, где говорится о театре...). Врач за дверь. Полегчанье — и начинается юродство и спекуляция. (Письма брату, Пастернаку,¹ телефоны etc. — весь веер разговоров, что деньги давать должны, а работать ни О(сип), ни Н(адин) (!) не должны). Кроме того — письма в театр, в обком. При этом как дети рады камфаре («держат на камфаре!») или «спасли камфарой!» — фразы радуют как оружие, как некие долбильные молотки). Я (с трудом) ушел в Публичку на вечер Маяковского. Благопристойный, чистенький и умный доклад доцента Романовского.² Чтение актера (под Яхонтова, увы!). Опять у М(андельштамов) — благодушие и планы спекуляции. И всё вокруг действительной болезни. (...)

¹ Письма к родным и Б.Л.Пастернаку за эти дни по печати и семейным архивам неизвестны. О том, что Пастернак был извещен о случившемся, можно предположительно судить по письму Мандельштама Пастернаку от 28 апреля 1936 г.: «Спасибо, что обо мне вспомнили и подали голос. (...) Я действительно очень болен (...) примерно с декабря неуклонно слабею и сейчас уже трудно выходить из комнаты. (...) Не приходит ли вам в голову, что вы могли бы ко мне приехать?» (*Собр. соч.* Т. 3—4. С. 553—554).

² Сведений о прошедшем вечере в воронежской прессе мы не нашли. 14 апреля, в день гибели Маяковского, «Коммуна» дала полосу со статьями о нем и произведениями поэта. Романовский Николай Владимирович (1909—1944), доцент Педагогического института, выступал и как прозаик.

6 мая 1936

(...) У Осек волненье в ожиданьи меня (придет ли?) и мирное подлизыванье. О(сип) ожил и говорит, что Э(мма) сейчас больше присутствует, чем когда была лично, что нет чувства отъезда.¹ (...)

¹ Эмма Григорьевна Герштейн приезжала навестить Мандельштамов и пробыла у них с 1 по 3 мая 1936 г.; в эти же дни в Воронеж приезжала Л.С.Финкельштейн (см.: *Герштейн.* С. 95—100).

7 мая 1936

(...) У Осек — только на минуту, и потом с ними на Бетховена. Дивно слушал Девятую симфонию. С Ойстраха¹ О(сип) убежал, жа-

луясь на сердце (извозчик, поликлиника). Сидели мы розно, и я об уходе узнал в антракте. Застал их в поликлинике. Алчно хочет врачебной активности в вопросе освещения своего положения. Опять много декораций (если не всё они). На меня озлился, что не охаю и не ахаю, и по приезде домой, когда у изголовья больного водворилась мать карлика² — я собрался уходить. (...) Н(адин) соблазняет чаем с халвой. А я говорю, что у меня натуральное хозяйство с хозяйкой, а сам ем у «Медведя»³ (утром же яйца и рахат-лукум). (...)

¹ В этот день в зале Большого Советского театра состоялось первое гастрольное выступление Д. Ойстраха (см.: Коммуна. 1936. 9 мая).

² Прозвище соседа Мандельштамов по квартире.

³ Шутка, означающая отказ от угощения (ср. примеч. 2 к письму от 27 сентября 1935 г.).

8 мая 1936

(...) О(ськи) психуют и максимально хотят меня затянуть в старый оборот. Я хозяйственные покупки им сделал, но, в быт не войдя, ушел домой (т.е. не ел, не судачил, не сидел для облегчения псишьей души). О припадке телеграммы и письма — О(сип) сам подчеркивает, что очаг болей — плацдарм, так сказать, — места казенные: «Коммуна», театр. Посмеивается, что это-де «сердце знает, кого пугать, пусть начальство видит». (...)

9 мая 1936

(...) Совершенно особенно окрашены эти дни благодаря Вагинову, его прозе. Чувство — будто читаю в первый раз. И проз неподдельных знаю очень мало. Он — с большей несомненностью, чем когда-либо, — вижу это — относится к ним, к немногим. Вот его «проглядывать» нельзя, а надо идти за каждой строкой, как в стихах. Пока читаю всё «Козлиную песнь». Нужно в Ленинграде будет добыть его последнюю неизданную книгу у Али.

Сейчас не умею сформулировать радости от него, но она очень широкая, а не просто удовольствие от экспериментов. Это очень близко и к бытовым стихам Заболоцкого, и нашим с М(андельштамом) семейным анекдотам,¹ — и впечатлению от прошлогодних (устаревающих на века) газет etc., т.е. это — апперцептивная, и вспоминающая, и переоценивающая форма сознания.

Читаю много, но понемногу. «Обслуживаю» псиший быт, но им не живу и там почти не сижу. Я для него зло, но нет повода для скандала. Н(адин) заискивающа. (...) Жаль, что с Мандельштамом так кончается знакомство, но мало сказать, что это неизбежно. (...)

¹ Что конкретно подразумевает здесь Рудаков, установить не удастся.

⟨...⟩ Сейчас еще рано (часов 8). Вечером обещал зайти к М(андельштаму) (это впервые).

Н(адин) таинственно дала мне письмо — отправить Жене (ее брату), добавив: «Прочтите». Вот оно:

Женюша! После припадка Ося очень плохо поправляется. Очень слаб. И самое тяжелое, что предположение Герке (склероз мозга) подтверждается: появляются дополнительные признаки. Еще можно лечить, если поддастся лечению.

Но скоро будет поздно.

Сообщи Ане!¹ Пусть добиваются лечения (Мацеста). Сейчас откладывать нельзя. Нужна летом дача и, если июнь и июль пройдут благополучно, — то Мацеста в августе. Нужны большие деньги. На даче — курс ванн. Что будет?

Выглядит он отлично, но это ничего не значит.

Я, очевидно, подыму вой. Я жду еще несколько дней Пастернака и Аню. Пусть торопятся. Если опять обман — то буду действовать я. Ося не умирает. Что, конечно, может разочаровать всех. Но он может протянуть, обреченный, — еще 2—3 года. Может умереть внезапно, и это, в нашем положении, пожалуй, самое лучшее. Я не буду просить в Союзе денег. Дача — не лечение, но так — что-то вроде отдыха. Просто немножко замедлить... А они скажут, что уже все сделали, а то, может, ничего не дадут. Ну их к черту.

Н(адя).

Пиши. Н.

Мои примечания: о хорошем виде — для меня, чтобы я не думал, что вид (вижу его только я) решает дело. Для этого письмо велено мне прочесть. ⟨...⟩ О деньгах: я получил в театре, а Н(адин) в Союз звонила вчера: и Кретова прислала 50 р. (с бумажкой, на ней Н(адин) расписалась, — «Мандельштаму из лечебных средств “Коммуны”»). О(сип) бодр — говорит благоглупости и придумывает формы деятельности (сесть в сумасшедший дом, или на дачу поехать, или написать Майе Роллан,² чтобы патефонных пластинок прислала). Жалкие сволочи. ⟨...⟩ Вот финальный скандал или скандальный финал. Вечер того же дня. Решил провести его у М(андельштамов). И на грех. Посиделки, да то, да сё. Сходил за папиросами, чаю полупустого выпил. Немного пробовали о стихах говорить. Кислосладко, но вообще общеворонежское бытие. Уже оделся. «Посидите» — и тонкости о заезде в Москву. «Как хотите, если есть порыв — спасайте...».

Я сказал, что с Пастернаком мне нечего говорить. Они полужеливо пофырчали.

О(сип) стал говорить, что его никто не любит. Я сказал, что, может быть, я один к нему по-настоящему отношусь и хочу ему помочь через его же стихи, т.е., сделав с ними нужное.

Начался визг, что живого со стихами в гроб кладут, а я, кажется, помогаю. Психованье и вопль. Я ушел не прощаясь под истерическую мандельштамскую трубу. <...>

¹ А. Ахматовой.

² Ювилье Мария Павловна (в 2-м браке Роллан; 1895—1985) — поэтесса. С ней Мандельштам был знаком по Коктебелю 1910-х гг. Ее образ, по свидетельству Н.Я.Мандельштам, отразился в стихотворении «Я молю, как жалости и милости...» (1937; см.: Жизнь и творчество О.Э.Мандельштама. Воронеж. 1990. С. 291).

13 мая 1936

<...> Вот у них сижу. Мир и условно восстановленное процветание. Реакция на Шуру (А(лександра) Э(мильевича))¹ — еще хуже, чем на А(хматову) или Э(мму).² Он расценивается даже не как рупор, а как почтальон. С ним грубоваты. Он привез 800 р. за перепечатку Оськиного перевода Важа Пшавела³ (грузинского поэта — перевод 1921 г.). И психи бурно тратят деньги, чтобы скорее завить от голоду. <...>

¹ Мандельштам Александр Эмильевич (1892—1942) — брат поэта. О его приезде в Воронеж известно лишь по настоящему письму Рудакова.

² Э.Г.Герштейн. О ее пребывании в Воронеже см.: *Герштейн*. С. 95—101.

³ Перевод поэмы «Гоготур и Апшина» был перепечатан в кн.: *Важа Пшавела*. Поэмы. М., 1935.

13 мая 1936

Китуся, вчера вечер псишых стонов и снова моей за врачами беготни. <...> Здесь сидеть глубоко бессмысленно, т.к. никакая работа с О(сипом) не состоится. Истерика была защитой от принуждения. И даже о будущем архиве говорить сейчас трудно. Вот противные формы, принятые этим «сотрудничеством». Ну, да ладно. <...>

14 мая 1936

<...> С О(сипом) даже литературствовали: записывали о нем суждения современников — в эпиграмматических локальных фразах — забавно. Н(адин) подлизывается и халвой кормит. Да от Гр(иши)¹ сонет! Лучше прошлого, и при письме, меня благодарящем за критику. <...>

¹ Г.М.Леокумович.

15 мая 1936

⟨...⟩ С О(сипом) мир и бдение, т.е. ультракорректное с обеих сторон отношение — без углубления. Он, бедный, так инерционен, что даже после моей ругани лезет ко мне с обсуждением болезненно-хлопотных планов. Чувствует он себя лучше — некоторое повеселенье. Твое присутствие в пору их желанья разыгрывать театр перед Эммой и вообще вселенной их злило, и все их поведенье того стиля как-то сейчас лопнуло. Н(адин) подлизывается и не заедается, не выхамывается. Деньги тратят радостно. ⟨...⟩

18 мая 1936

⟨...⟩ С Оськами полупрохладные, но вполне дружественные отношения, хотя сидеть там очень трудно и нудно. И сижу-то мало. ⟨...⟩ Они с моим «уходом» и со своим денежным ростом ввели домработницу — Ньюру, что стирала раньше белье. У той дочка, и они все в комнате толкутся. Даже хорошо: общество. О(сип) с ними о стахановцах говорит.

За 90 р. они купили бак (электронагрева) для ванны. Дает бак 3 ведра — греется 4 часа, и они тоскуют. ⟨...⟩

19 мая 1936

⟨...⟩ Оськи — чертова пустыня, хотя очень улыбающаяся и приветливая.

К Наташе зашел на службу. Она столь большим неприходом молчаливо удивлена. Вечером отдала переснимки портрета Гумилева из «Аполлона».¹ Один подарил Оське. Пусть — он может его иметь. ⟨...⟩

¹ «Переснимок» для Рудакова выполняла, вероятно, подруга Н.Е.Штемпель — Мария Викторовна Ярцева, которая «увлекалась фотографированием» (*Штемпель*. С. 119).

21 мая 1936

⟨...⟩ Ты пишешь об истории с Оськой, а все ничтожно рассосалось. И сейчас какая-то водичка, а не отношения.

Толмачев бегаёт по проспекту, а мне работы не даёт. О себе говорит всякие кислые недовольства на Ленинград (и знакомых). Книгу (Ахматову), увы! — отдать придется. Трошу забирают не то в летнюю, не то в морскую школу.¹ Маранц все тренируется для пешего

похода. Это выходы жизни на фоне псишьего затлеванья и моего созерцанья этого. <...>

¹ В фонде Рудакова сохранилась фотография Троши в летной форме и с его дарственной надписью (довоенного времени).

22 марта 1936

<...> Оськи каркают надо мной. Вот черти и идиоты!¹

Толмачевой отдал «Анно Домини», но предварительно отодрал обложку — ее переклею на свой экземпляр. <...>

¹ В эти дни, готовясь к отъезду, Рудаков отправлял в Ленинград багаж.

24 мая 1936

<...> Делаю я вот что: довольно аккуратно просматриваю партии московского турнира, кое-что о Оське доделываю (ох, уж!) и читаю «Восковую персону»,¹ читаю также у О(сипа) взятую архитектурную монографию.² <...> Оськи, психи багровые, надоели настолько, что просто невыносимо. Последние два месяца сделали то, что мы не будем жалеть, расставшись, — не будем в той мере, как это было бы полгода назад. И пусть. <...>

¹ Возможно, в издании: *Тьянгов Ю.* Рассказы. М., 1935.

² Эту монографию идентифицировать не удалось.

25 мая 1936

<...> Все же надо подождать ответа Линсон¹ — и, может быть, разговора А(нны) А(ндреевны) в Москве (а в каком смысле она меня «устроит» — Ки, пишите такие вещи подробнее). <...>

¹ Прокурор, за подписью которого Рудаков получил отказ в пересмотре своего дела, см. примеч. 1 к письму от 23 января 1936 г.

27 мая 1936

<...> У Осек бываю помалу, но самый факт захода дробит день, разрывает его. <...> О(сип) инвалидничают, т.е. комиссию хочет пройти. События эти изложены в письме Н(адин) к Б(орису). Вот оно:

«Б(орис) Л(еонович). Вчера состоялся консилиум при 1 поликлинике. О(сип) Э(мильевич) признан нетрудоспособным и направлен в комиссию по инвалидности. Будет признан инвалидом.

Эта комиссия должна была иметь медицинский, лечебный характер. Но на самом деле это было издевательством. Мне не ответили ни на один вопрос медицинского характера, чтобы не взять на себя обязательств. Мне предложили в случае сердечных припадков обращаться за помощью к деж(урному) врачу, который прыскает камфару. И рекомендовали регулярно ездить в психиатрич(ескую) проверять состояние. Это очень любезно. Дело в том, что все эти врачи в отдельности говорили о наличии склероза сосудов мозга и необходимости немедленного лечения, режима, и т.д. Фактически О(сип) Э(мильевич) без мед(ицинской) помощи. Казенная медицина только страшется. Частные врачи не хотят такого пациента. Был здесь проф(ессор) Герке. Он лечил, несмотря на соц(иальное) положение, но сейчас его нет: он заболел и уехал в Москву.

Комиссия написала следующую бумагу:

“Поликлиника № 1 М(ест)к(ома) Боль(шого) Театра — Мандельштам О.Э., 45 лет, страдающий кардиомиопатией, артериосклерозом, остаточными явлениями реактивного состояния, шизоидной психопатией, должен быть направлен в ВТЭК на предмет определения степени потери трудоспособности. Подписи: Азарова, Шатойло, Земшель. 27.V.36”.

Через неделю О(сип) Э(мильевич) будет признан инвалидом. Это почетное звание. Он может спокойно умирать. Так полагается инвалидам. Он будет получать 8 р(ублей) 65 к(опеек) инвалидного пособия. Он может торговать папиросами — это инвалидное право. А Союз писателей до сих пор рекомендует М(андельштаму) зарабатывать на собственное лечение. *И выезд из области* отказан. Врачи молчат, потому что в области нет лечебного заведения нужного типа. Все очень прилично. При всеобщей пассивности — вполне сознательной и твердой — Осю обрекают на смерть. Вас я прошу к прокурору Лейлевитову *не ходить*. Этот ход — пустая формальность. Все к нему ходят и уходят ни с чем. Мне известны десятки таких случаев. Я предпочитаю упрощенное положение: для О(сипа) Э(мильевича) никто не сделал того, что мог. Без самоослепления вроде визита к прокурору. Надеюсь, что моя просьба будет уважена. Над(ежда) М(андельштам).

Только в Москве я могла бы получить настоящий диагноз. Мне отказано в разрешении поехать в Москву для медицинской консультации».

Ки, все время при этом они вспоминали ту надпись на почтовом бланке. О(сип) Э(мильевич): «Единственный документ о том, что он считает себя морально связанным».¹

И тут же торгашеские, спекулятивные рассуждения, от которых не зависит здоровье, но которые очень противны, как сопроводительные.

Оторванный сейчас от глубины их «планов» — тебе и истории всё это теперь передаю через Надькины письма.²

¹ Речь идет, вероятно, о надписи на бланке почтового перевода от Пастернака.

² Медицинскому консилиуму после приступа болезни предшествовало обращение жены поэта:

«Тов. Магазионер!

Вчера у Мандельштама очередной тяжелый сердечный припадок. Предписано лежать.

Припадки вызываются *психикой*. Необходима помощь *психиатра*. В результате моего разговора с Каганом — его посетил психиатр, обещал вернуться, *но исчез*. Это было дней 10 назад.

Я связана. Я не могу отойти ни на шаг. Длится это положение я не могу. Я не врач: я не умею лечить тяжелых больных.

Поместить Мандельштама вместо *санатория, который ему нужен*, в психиатрическую клинику, — это значит его убить. Но другого выхода, очевидно, нет.

Я настаиваю на *официальной медицинской экспертизе и на лечении*.

Н. Мандельштам».

Магазионер А. — зав. отделом культуры и искусства Воронежского облисполкома.

30 мая 1936

(...) «Карлик» (сожигатель Мандельштамов) в небрежном тоне (вчера) рассказывает, что в № 4 «Знамени» — новые стихи Пастернака.¹ О(сип) взволновывается. Умоляет меня купить.

Потом: «Надюша — 500 — это я за эти стихи гонорар получил!² Вернуть деньги!» Н(адин) на обе половинки мысли двукратно ответила «Да». В конце дня я журнал купил, но ему не понес, а стал читать сам (сперва в магазине же, потом в кафе).

Такие разговоры устно (для тебя) угнетающи. Но в письме пусть все это звучит более историко-литературно, научно, как остановка времени под уздцы — чтобы его лучше рассмотреть. И другим показать. Так вот. Губительность того, что я непечатаемый, вернее даже — что меня не знают. Стихи его до одури напоминают мои последние. Именно: вещь № 3 (у него)³ идет в ритме «И шкандыбают мимо...»⁴ (№ 1 и № 2 были опубликованы в «Известиях» за 1 января).⁵ А дальше переосвещенный подбор тем и слов, легших в основу моих вещей (тут — Дант; революция как осознанный поворот; роль речи, языка, поэта; стройки как мотив современности, соотнесенные с временем в смысле категории будущего etc.). Все очень личное. И все это пересыпано очень твердыми поэтически кусочками, а в целом нуда, мерихлюндия, рефлексия, скулеж — словом, Пастернак. Пробовал и вчера, и се-

годня себя перечитывать, и — ей-ей, лучше, хотя, может быть, схематичнее (но нет — это неверно, это мне кажется от близости собственной вещи — звучит ее понятность). Время пройдет — ни одна собака не поверит, что я написал раньше. Но суть не в этом. Как и ждал, — у М(андельштама) судороги от восторга («Гениально! Как хорош!»...). Сам он до того отрезвился, что принялся за стихи!!! Именно — исправил последний стих последней воронежской вещи. Мне на листе написал следующее:

«Последний стих:

... Шли нестройно люди, люди, люди...

Кто же будет продолжать за них?

Шизоидный психопат

О.М.

В. 30.V.36»

(вместо: «Продолжение зорких тех двоих»)⁶

Он: «Я раскрыл то, что меня закупило, запечатало. Какие теперь просторы. А Пастернак установил связь между: конем, окном и небом (смотри стихи). У меня теперь новые “у” потянуло. Чуть не 8 месяцев был перерыв. А званье надо носить, правда, С(ергей) Б(орисович)? Стихи у Пастернака глубочайшие — о языке особенно... Сколько мыслей... А вы что скажете?»

Я: «У меня дело особое. Они очень по-худому близки к моим новым стихам».

Он: «Стихи — другие стихи никогда не отменяют» (мое: а в том же № «Знамени» Шкловский пишет о Маяковском, что Блок Маяковскому сказал: «...вы нас отменяете, но мы, конечно, этому не можем радоваться»)⁷

Все это произошло у Мандельштамов спешно. Пришла одна их радиознакомая, и я уехал к Юлию.⁸ В прихожей О(сип) Э(милевич): «Сергей Борисович, оставайтесь... а нет, то завтра будете читать стихи». Я ушел переволнованный. К чему этот хамский период, если О(сип) опять восстановится? Я к нему по-старому не буду относиться. И стихов читать не буду. Вот уже конец Воронежа. Он мерзавец, что создал такую обстановку, что я не мог радоваться на свои стихи, легко, без скандала их читать. А я знаю законы истории, и знаю, что силой вещей могут быть загублены дивные даже произведения. И со мной — неизмеримая вина М(андельштама). Я буду и жить, и работать, но с пользой. Воронеж принес глубочайший вред.

Вчера не писал нарочно. Будут потом и стихи, и историческая работа, но сейчас было гадко. Это какие-то формы проигрыша. Понятно ли пишу? Все с Пастернаком лишь пример, что близкое ко мне котируется как гениальное (у М(андельштама) и у крити-

ки) — за известность. Перечитывал стихи — нет, не разочаровывают. Какие скоты люди!

Рад, что внутренне от М(андельштама) свободен. Что не буду читать, так как астрономически точно знаю, что будет бред брани. Довольно этого. И не хочу дурака баловать тем, что о нем в стихах есть.⁹ Кит, пойми — все это, может быть, лучшее проявление силы. Но может же быть плохо и сильному. <...>

¹ В номере были напечатаны стихотворения: «Я понял: все живо...», «Мне по душе строптивый норов...», «Немые индивиды...», «Все наклоненья и залогии...», «Как-то в сумерках Тифлиса...», «Скромный дом, но рюмка рому...», «Он встает Века. Гелаты...».

² Мандельштам имеет в виду деньги, посланные ему Пастернаком.

³ «Немые индивиды...»

⁴ Стихотворение Рудакова; текст не сохранился.

⁵ Стихотворения «Я понял: все живо...» и «Мне по душе строптивый норов...».

⁶ В стихотворении «Не мучнистой бабочкою белой...» (1935).

⁷ В воспоминаниях «О Маяковском» В.Шкловский писал: «Блок говорил ему, я это вспоминаю правильно: — Мы были очень очень талантливы, но мы не гении, и вы нас (не помню точно слóва) отменяете. Я это понимаю, это правильно, но я не могу этому радоваться» (Знамя. 1936. № 4. С. 223).

⁸ Знакомый Рудакова, ближе неизвестен.

⁹ Рудаков подразумевает собственные стихи, предположительно можно указать на стихотворение «Ничего не скажешь милому соседу...» (см. в наст. изд.), где, возможно, Мандельштам введен образом «соседа». Не исключено, что были другие стихи с образом Мандельштама, и их тексты не сохранились.

31 мая 1936

<...> Зашел к М(андельштаму). Там опять радио-дама (б(ывшая) жена Гаука, тоже из Ленинграда!). Она о своих делах тараторит. Психи чего-то напряжены и недовольны. Оказывается, они пошли в обком, и там О(сип) раскудахтался — дал полуприпадок, и его привезли на машине (хоть это два шага от них <...>). Он поясняет: «Надюша показала, как мне может быть плохо»... (а после: «Была слабость, пульс участился — так, даже не припадочек. С(ергей) Б(орисович), опять я втягиваюсь в возню»).

Н(адин): «Я не виновата, что у тебя душа мэнады, и ты оживаешь при мысли о любых хлопотах» (это для дамы — чтобы объяснить живость его порыва снова куда-то бежать. Это внешне неудобно — после «машины» надо лежать). Что же было им надо? Всё. И сейчас стоны о даче (уехать на просаженные недавно 1500 они могли) и новых деньгах.

Тогда дама в наивности говорит: «Как — такая комната, такие условия жизни, а вы еще дачу хотите?!»

Он: «На траве валяться, по тропинкам ходить — это полезно».

Дама: «А там вы чего захотите — у золотой рыбки чего начнете просить?»

Все (Н(адин), О(сип) и я) очень развеселились бойким проникновением дамы в суть «хлопот». Оживленье. Улыбки (у О(сипа), Н(адин) — чуть смущенные).

Он: «Как вы угадали — это ведь суррогат деятельности, активности литературной».

Я: «Жизнеупорства дух» (!!)

Он: «Да, да» (весело).

Он взволнован «поездкой», но все к стихам возвращается: «Какие хорошие. Такие глубокие, что не могут не нравиться... вам не нравятся...». ² О моих стихах: «Читайте».

В 1910 году Мережковские, отказываясь слушать юного О(сипа), сказали: «Если вы напишете хорошее — нам скажут». ³ Перефразируя их слова, говорю: «Когда мои стихи станут *известны* — вы их узнаете. Хорошие они и сейчас, а известны станут не через вас». (...)

¹ Первой женой дирижера А.В.Гаука была Елизавета Павловна Гердт (1891—1975), балерина; в 1927—1934 гг. преподавала в Ленинградском хореографическом училище.

² Речь идет о стихах Пастернака.

³ Мандельштам приходил к Мережковским в 1909 г., в Гейдельберге (см.: *Мандельштам О.* Камень. Л.: Наука, 1990. С. 208, 344).

2 июня 1936

(...) У Осек — базар. Опять почти не сижу у них. Н(адин) собирается в Москву, а я должен нанять психа. (...)

7 июня 1936

(...) Приехал Саратовский оперный театр. Сегодня пошли на «Кармен». Конечно, опоздали, и увертюры — там такой и знакомой, и хорошей — не слышали. Захватили еще Кл(авдию (?)) Вас(ильевну (?)) (их кв(артирную) хоз(яйку)), и мне пришлось с ней в зале сидеть (а психи в ложе). (...)

10 июня 1936

(...) У Воронежа «оживление», так сказать. Выражается оно в активизации психов. Это существенно, т.к. в известной мере встрянуло отношения наши, Воронеж как целое, как проблему.

Именно. После ряда метаний и стонов они решили ехать *на дачу в район*. Сперва в Павловск (городишко тут),¹ потом в Задонск. Смысл — выход в люди: в Задонске гостят москвичи (Ю.Слезкин² etc.) — т.е. для О(сипа) это выход в сферы. Оформили так: Елозо дает Н(адин) газетную командировку на месяц, а дальше они останутся там инерционно, живя на театр и присылы из Москвы (дружеские, и довольно частые — по 500—600 в месяц). Еще перед отъездом купили книг (между прочим *дубликат* альбома западной живописи?). Ехать должны были с домработницей и ее дочкой. С дочкой (помнишь — она плакала, когда я ее садил на кровать?) игра в семью: ей купили куклу, сказку о рыбаке и рыбке, и за костюм, купленный матерью, доплатили 10 рублей. Во время еды и все время вообще идет сплошная буффонада: делается вид, что Оля заказывает обед, что Оля и Ося самые капризные дети, что Оля, что Ока etc. А та заявила матери, что «ходить не будет, так как скучно». Это психи полувесело, полусмущенно рассказывают. Я присоединяюсь к Оле и за себя и за нее. Особенно противен противоестественный тон с ребенком. А Н(адин) все подчеркивает (через призму «господства» Оли), что они должны ценить, быть благодарны. Какое счастье, что с твоего отъезда я там не ем. И, между прочим, домработницу взяли в большой мере из-за этого, так как я механически перестал их «обслуживать» базаром etc!!! Это еще более лестно, чем сравнение с Трошей (помнишь — в записке большого периода?).

С рукописями решили так: я отдаю сейчас отработанную часть — остальное проездом оставляю в Москве. Отдал 1908—1924.³ Наспех кое-что доделали, договорили. А поездка отложилась. Они испугались столь грандиозного предприятия. И Вольф (театр) собирается «лопаться» — т.е. в пользу же психа — что вот-де жить нечем, а там — как инвалид непригоден. И пока неопределенность на старых рельсах. Вывод несложный — они мне надоели и меня извели. Но конкретная мысль о расставании — и забавно, их отъезде, а не моем — была весьма печальна. Жаль попорченных отношений. Но это закономерно и верно. Так быть!

Это сценки финала.

Когда соображаю, что уже треть июня, — холод берет просто. Кися, только какое-то поверхностное существование мыслимо сейчас, здесь, без тебя. <...>

Детик — такое взъерошенное и вместе пустынное состояние, что нет и тени стихов. Я Пастернака перечитывал — ох, плохо, по моему — длинно и нудно (одна из последних об этом фраз О(сипа): «Не ужно⁴ это...»). Кити — до свидания, мое солнышко. <...>

¹ Павловск — районный центр Воронежской обл.

² Слезкин Юрий Львович (1885—1947) — писатель. В его дневнике (РГБ) сохранились записи о встрече с Мандельштамом в Задонске в этом году (см.: *Нерлер П.* Он ничему не научился... С. 93).

³ Рудаков имеет в виду рукописи Мандельштама за эти годы.

⁴ Это слово в тексте выписано разборчиво; это, вероятно, страдательное причастие от диалектного «уживать, ужить» (по словарю Даля — «принимать на пищу, питаться, пить, есть... лечиться чем, принимать снадобье»), и означает «не питательное».

14 июня 1936

⟨...⟩ У Осек опять мракобесные сборы в «район». ⟨...⟩

16 июня 1936

⟨...⟩ 19-го затмение, которое в Воронеже будет, говорят, довольно ощутимо. 20-го утром М(андельштамы) едут в Задонск. В театре он снят с 1 августа, уже расчет получил. ⟨...⟩

17 июня 1936

⟨...⟩ Бомбой на один день принесся младший псиший брат.¹ Все сугубо деловое. И псих размяк... Тут и Аннушка² и все такое (она пока все в Москве). ⟨...⟩

¹ Мандельштам Евгений Эмильевич (1898—1979), киносценарист. Ехать в Воронеж его побудило письмо Е.Я.Хазина, брата Н.Я.Мандельштам (см.: Слово и судьба: Осип Мандельштам. М., 1991. С. 95).

² А.Ахматова.

18 июня 1936

⟨...⟩ Линуся, очень похоже, что современная стадия наших дел реально ведет к цели. Это сделало то, что я не писал Калинин. ⟨...⟩ Теперь основной мотив — разрушение Воронежа. И первый подрыв — отъезд М(андельштама) (на 20-е). Сейчас у нас рай. Они ходили меня провожать на турнир, угощали ягодами — etc., etc. Он был у нового профессора (фамилию забыл). Тот сказал, что «сердце 75-лет(него), но жить еще можно». В деталях отвергал своих диагностических предшественников, парадоксален. И О(сип) возвеселился.

В 9 часов вечера слушали передачу о смерти Горького.¹ Век уходит. Много о нем говорили, и очень глубоко и проникновенно. Союз собирался звонить в Москву о здоровье О(сипа). За час до известия о Горьком О(сип) Э(мильевич) звонил Стойчеву: «В дни тревоги за Горького прошу обо мне снять вопрос».

Дома: «И как страшно умер — накануне затмения. Горький в гробу — и затмение». Потом хватает меня за руку и тащит к окну: «Смотрите: босяк. Горький умер — и идет босяк: таких теперь нет...».

Вопрос, писать ли телеграмму. Сочтут, что хочет о себе напомнить. Решил послать брату: «Дни траура Горького прошу снять все личные вопросы. Осип». Но опять испугался, что звучит как коммерция: «де, придержи». А выразить хотел свое уважение. Еще давно, в октябре, когда я вспомнил о препирательстве Брюсова с Толстым,² он сказал: «Глупо. Это то же, что я с Горьким стал бы — то да се, вот мы не поделили...». Для него Горький (как вообще настоящий писатель) вне вопроса о том, «хорошо ли» писал. Горький — это Горький. Об этом же, где рифма «горький — дальнзоркий» в «Большевики»³ — это в примечаниях.

Утром, действительно, затмение.⁴ Есть у меня черная киноленточка, чтобы не обжечь сетчатку. (...)

¹ А. М. Горький умер в этот день.

² В 1898 г. В. Брюсов счел заимствованными у себя некоторые мысли, изложенные Л. Толстым в журнале «Вопросы философии и психологии» (1897, № 5) и обратился к Толстому с требованием печатных извинений (см.: *Герштейн*. С. 299).

³ Стихотворение «Мир начинался страшен и велик...».

⁴ В этот день «Коммуна» поместила статью о предстоящем 19 июня полном солнечном затмении.

20 июня 1936

(...) 17—18-го — подготовка, практическая и психологическая, к отъезду М(андельштамов). 18-го же — Горький, 19-го — затмение и последний псиший день. И сегодня, 20-го утром, в часы, ровно совпадающие со вчерашним затмением, — уехал на автомобиле в Задонск О(сип).

Вчера, по былым традициям, был с ними весь день — сюда включились отправка багажом их вещей, отобрание мною еще кое-каких бумаг, его пометки и надписи на некоторых материалах (в частности, на «Камне» 1913 года).¹

Затмение хотели смотреть вместе, но я сознательно уклонился, так как был уверен, что они или просят, или бросят смотрение посередине. Смотрел с обрыва реки один. Проголодался, у прохожей молочницы купил полбутылки молока — и выпил тут же с диким удовольствием. Психи уезжали суетно, барахлово, с визгом и тревогой. Где пределы жизнеспособности этого «умирающего»?

Ко всем свободам прибавилась еще одна — от Мандельштама, от Мандельштамов. Так сказать, город свободен. Это есть избавление от лицемерия последних недель наших отношений. И жаль, и отраднo, облегченно как-то. В записях, что получил от них, — несколько Надькиных упоминаний обо мне (о нашей с О(сипом) полемике,

время — сентябрь 1935).² Вообще же сделано все, чтобы документальных доказательств моей *роли* не осталось. Труссы и литературные мерзавцы. Но может быть, правы: проживу и без них. <...>

¹ На этой книге (ныне в собр. А.Г.Бызова) Мандельштам сделал мемориальную запись: «Эта книжка доставила большое огорчение моей покойной матери, прочитавшей в "Речи" рецензию Н.О.Лернера».

² Записи в архиве Рудакова не сохранились.

21 июня 1936

Линуся, что же такое — жить без Осек? Это прежде всего некоторое успокоение, роздых. А главное — ощущение пустоты проклятущего Воронежа просто невыносимо. День какой-то стеклянный и безжизненный. <...> Странно и легко, что нет Осек. Они «познаны». <...>

26 июня 1936

<...> От Мандельштамов ни слова — в их «загород» хотел приехать. <...>

28 июня 1936

<...> От Мандельштамов получил письмо, где говорится о двух (!) телеграммах до востребования.¹ Они цветут и меня зовут отдыхать. <...>

¹ Телеграммы, как можно судить по тексту письма, Рудаковым получены не были.

1 июля 1936

<...> Публичка¹ зовет на постоянную (!) работу. Библиотека «Коммуны» (которая была, как сладкое блюдо, доступна через Оську) — дает книги (по «Онегину») на дом. <...>

¹ Воронежская Областная Публичная библиотека.

6 июля 1936

<...> Думал, что к сегодняшнему дню буду уже «от Мандельштамов», а сам только завтра еду к ним. Они шлют телеграммы и устраивают «тревогу из-за моего здоровья». <...>

Кити, вот я из Задонска. Прощанье более чем трогательное. <...>

В письме, данном для матери Надин,¹ — просьба мне дать его (О(сипа) Э(мильевича)) старые фотокарточки. Это и вчерашний Дант просто чудные достижения.² <...> Все-таки и на будущие дни эта задонская встреча очень положительна. Как-то лучше будет на расстоянии. <...> В Москве забрать можно нужные бумаги. И это, и общий тон встречи оставят лучшее, а не худшее ощущение. <...>

¹ Хазина Вера Яковлевна (ум. 1943), жила в то время в московской квартире Мандельштамов.

² Рудаков имеет в виду то обстоятельство, что поэт авторизовал его список «Разговора о Данте»; этот список сохранился в фонде Рудакова (ед. хр. 26).